

ГЛЕН КУК

К • Н • И • Г • И

МЕРТВЫХ

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Глен Чарльз Кук
Хроники Черного
Отряда: Книги Мертвых
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Хроники Черного Отряда»
Серия «Черный Отряд:
Сверкающий Камень»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50397134
Глен Кук Хроники Черного Отряда. Книги Мертвых:
ISBN 978-5-389-17877-9

Аннотация

Лучшее наемное войско в мире разгромлено. Уцелела лишь горстка бойцов, они тайно живут в новой империи, созданной Черным Отрядом и доставшейся его заклятому врагу. Этот враг невероятно силен, он в совершенстве постиг черную магию, но солдаты решили идти до конца. В Таглиосе, столице империи, они копят силы, чтобы выполнить две задачи: отомстить тем, кто их предал, и освободить своих братьев, заточенных в крепости за Вратами Теней. В той самой крепости, где Кина, богиня Тьмы,

дожидается Года Черепов – чтобы получить свободу и свершить
гибельный для многих миров ритуал.

Содержание

Воды спят	9
1	10
2	14
3	19
4	25
5	36
6	49
7	66
8	78
9	90
10	94
11	108
12	118
13	126
14	134
15	143
16	152
17	166
18	172
19	183
20	192
21	205
22	207

23	210
24	214
25	219
26	223
27	231
28	235
29	246
30	249
31	257
32	263
33	278
34	289
35	295
36	300
37	305
38	312
39	323
40	333
41	343
42	349
43	360
44	364
45	369
46	378
47	384
48	387

49	395
50	407
51	414
Конец ознакомительного фрагмента.	421

Глен Кук
Хроники Черного Отряда
Книги Мертвых

Glen Cook

THE MANY DEATHS OF THE BLACK COMPANY:
WATER SLEEPS
SOLDIERS LIVE

Copyright © 2009 by Glen Cook

All rights reserved

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Серия «Звезды новой фэнтези»

Перевод с английского Беллы Жужунавы и Андрея Новикова

Серийное оформление и оформление обложки Виктории

Манацковой

Иллюстрация на заставке Владимира Гусакова

© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2000

© А. Новиков, перевод, 2000

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Воды спят

*Джону Ферраро и всем замечательным утятам.
Это была славная вечеринка*

В те дни Черного Отряда не существовало. Его гибель была провозглашена соответствующими законами и указами.

Но я-то себя несуществующим не ощущал.

Знамя Отряда, его Капитан и Лейтенант, его знаменосец и все остальные, благодаря кому Отряд внушал такой ужас, сгинули, заживо похороненные посреди огромной каменной пустыни.

– Плато Блισταющих Камней, – шептали люди на улицах и в переулках Таглиоса.

– Ушли в Хатовар, – утверждали власть имущие, желая обратить то, чему они столь упорно препятствовали, в свою великую победу.

Кто-то на самом верху – может, Радиша, а может, Протектор – решил внушить народу, будто Черный Отряд исполнил свое предназначение.

Однако те, кому было достаточно лет, чтобы помнить Отряд, прекрасно все понимали. Только пятьдесят человек рискнули отправиться на плато Блистающих Камней, причем половина из них не принадлежала к Отряду. И лишь трое из пятидесяти вернулись. Двое принесли ложную версию случившегося там. Третий мог бы рассказать правду, но он погиб на одной из Кьяулунских войн, далеко от столицы.

Все же уловки Душелов и Плетеного Лебеда никого не ввели в заблуждение – ни тогда, ни сейчас. Люди просто притворялись, что верят, – так было безопаснее.

Они могли бы спросить, почему Мogaбе понадобилось целых пять лет, чтобы победить Отряд, которого якобы уже не существовало, и загубить тысячи молодых жизней, чтобы привести Кьяулунские территории под власть Радиши, в царство искаженных истин Протектора. А еще они могли бы сослаться на незатухающие разговоры о том, будто Черный Отряд удерживал крепость Вершину на протяжении нескольких лет уже после своего исчезновения, пока его непоколебимая стойкость не вывела из себя Душелов, после чего та, не пожалев ни сил, ни самых мощных чар, превра-

тила огромную крепость в белую пыль, белую гальку, белые кости.

Да, люди могли бы задать все эти вопросы, но вместо этого хранили молчание. Они боялись. И небеспричинно.

Таглиосская империя под протекторатом – это империя страха.

Однажды, в годы открытого неповиновения, некий герой, оставшийся неизвестным, заслужил вечную ненависть Душелов, запечатав Врата Теней, единственный путь, что вел на плато Блισταющих Камней. Из ныне здравствующих Душелов была самой могущественной колдуньей. Став Хозяйкой Теней, она затмила монстров, которых когда-то поверг Отряд, защищая Таглиос. Но тот, кто наглухо запер Врата Теней, лишил ее возможности вызвать себе на подмогу самые смертоносные Тени. В ее распоряжении осталась лишь жалкая горстка тварей – те, которые были с ней, когда она заманила Отряд в роковую ловушку.

О да, она смогла бы распечатать Врата Теней. Один раз. Но Душелов понятия не имела, как закрыть их снова. Открой она Врата – и мир окажется во власти чудовищ, вырвавшихся на свободу.

Это означало, что Душелов должна выбирать одно из двух: или все, или почти ничего. Обречь мир на гибель – или довольствоваться тем, что имеешь.

Пока что она предпочитает второе, хоть и ищет без устали выход из тупика. Она Протектор. Империя трепещет перед

ней. Никто не смеет бросить вызов ее террору. Но даже она понимает, что этот век мрачного согласия не может длиться бесконечно.

Воды спят.

В домах, в тенистых переулках, в десяти тысячах храмов не смолкает нервный шепоток: *Год Черепов. Год Черепов.* Боги живы, и даже те, которые спят, беспокойно ворочаются во сне.

В домах, в тенистых переулках, на пшеничных полях и топких рисовых чеках, на пастбищах, в лесах, в вассальных странах всякий раз, когда в небе появляется комета, или внезапно разразившаяся буря несет гибель и разорение или, в особенности, когда случается землетрясение, люди бормочут: «Воды спят». И содрогаются от страха.

Меня прозвали Дремой. Еще ребенком при каждом удобном случае, будь то днем или ночью, я убежала от ужасов моего детства в уют грез и кошмаров. В любое время, когда не нужно было работать, я пряталась в тихой гавани, там, куда зло не могло до меня добраться. Я не знала более безопасного места до тех пор, пока Черный Отряд не пришел в Джайкур.

Братья ругали меня за чрезмерную сонливость, им не нравилась моя способность засыпать в любых обстоятельствах.

Они не понимали. Они умерли, так ничего и не поняв. А я все спала. На протяжении нескольких лет, уже находясь в Отряде, полностью не пробуждалась никогда.

Теперь я пишу Анналы. Надо же продолжать это дело – а кто еще для него годен, кроме меня? Хотя звание летописца не присваивалось мне официально.

Но ведь прецедент существует.

Книги надо писать. Истина должна быть увековечена, даже если судьба распорядится так, что ни один человек не прочтет начертанных мною слов. Анналы – душа Черного Отряда. Они напоминают о том, кто мы есть. И кем были. О том, что мы продолжаем существовать. И что никакое вероломство – а мы не в первый раз сталкиваемся с ним – не высосет из нас всей крови до последней капли.

Нас больше нет на свете. Об этом твердит Протектор. Ей с жаром вторит Радиша. Могаба, могущественный генерал, увешанный бесчисленными наградами за грязные дела, глумится над нашей памятью и плюет на наше имя. Люди на улицах говорят, что мы – всего лишь преследующие их злые воспоминания. Но только Душелов не озирается то и дело по сторонам и не чувствует, как нечто загадочно-опасное набирает силу.

Мы упрямые призраки. Мы не отступимся, не прекратим охоту. Уже много лет мы сидим тихо, как мыши, но враги боятся нас. Оттого что наше имя произносится шепотом, их вина не становится меньше.

Они и должны бояться.

Каждый день где-нибудь в Таглиосе на стене появляются слова, написанные мелом, или краской, или даже кровью животного. Просто мягкое напоминание: «Воды спят».

Все знают смысл этих слов. И еле слышно повторяют их, понимая, что где-то затаился враг, не ведающий покоя, как ток подземной реки. Этот враг когда-нибудь выберется из своей могилы и нанесет удар тем, кто сделал ставку на предательство. Они знают, что нет силы, способной это предотвратить. Их предупреждали десять тысяч раз, но они все же поддались искушению. И теперь никакое зло не сможет защитить их.

Мобаба боится.

Радиша боится.

Плетеный Лебедь боится так сильно, что у него все валится из рук. В точности как у колдуна Копченого, которого он сам когда-то изводил, обвиняя в трусости. Лебедь познакомился с Отрядом еще на севере, задолго до того, как здешний люд понял, что мы нечто большее, чем мрачное напоминание о древнем ужасе. И с годами страх Лебедея несколько не ослабел.

Боится Пурохита Друпата.

Боится главный инспектор учета Гокле.

Не боится только Протектор. Душелов вообще ничего не боится. Ей сам черт не брат, она смеется в лицо любой опасности. Она будет смеяться и отпускать шуточки даже на ко-

стре.

Это бесстрашие заставляет ее приспешников тревожиться еще пуще. Они знают: случись беда, Душелов погонит их перед собой, прямо в скрежещущие челюсти рока.

Время от времени на стенах будет появляться и другое сообщение, куда конкретнее первого: «Их дни сочтены».

Я каждый день бываю на улицах. Иду на работу, подслушиваю, подсматриваю, ловлю слухи или распускаю собственные в безликой толпе завсегдатаев Чор-Багана, Воровского сада, который даже серые пока не смогли уничтожить. Прежде я маскировалась под шлюху, но это, как оказалось, слишком опасно. Здесь хватает людей, по сравнению с которыми Протектор – сущий образец здравомыслия. Миру исключительно повезло, что судьба не дает этим извращенцам достаточной власти, а то бы они с удовольствием вывернули наизнанку свои психозы.

Обычно я выгляжу как парень, и к этой личине давным-давно успела привыкнуть. С тех пор как отбушевали войны, молодых бродяг кругом полно.

Чем нелепее новый слух, тем быстрее он разлетается за пределы Чор-Багана и тем сильнее терзает нервы врагу. В Таглиосе должна всегда царить атмосфера мрачного ожидания. И наша задача – неустанно поддерживать ее соответствующими предзнаменованиями и пророчествами.

Время от времени, в моменты просветления, Протектор устраивает охоту на нас, но пыла ей хватает ненадолго. Она

не способна сосредоточиться на чем-то одном. Да и с чего бы ей беспокоиться? Нас больше нет, мы мертвы. Душелов сама заявила об этом – значит, так оно и есть. Как Протектор, она является единственным законодателем реальности на всей территории Таглиосской империи.

Но!

Воды спят.

Сейчас Отряд держится на женщине, которая формально никогда не входила в него. Кы Сари – ведунья и жена того, кто до меня вел Анналы, Мургена знаменосца. Умная женщина с волей, подобной отточенному клинку. С ней считаются Гоблин и Одноглазый. Запугать ее невозможно, это никогда не удавалось даже лукавому старику, дядюшке Дою. Она боится Протектора, Радиши и серых не больше, чем капусты на грядке. Злоба отъявленных негодяев, таких как служители смертоносного культа обманников с их мессией Дщерью

Ночи и богиней Киной, тоже Сари нипочем. Она заглянула в самое сердце Тьмы, чьи тайны больше не внушают ей страха.

Только одно существо на свете заставляет Сари трепетать. Это ее мать Кы Гота, воплощенное недовольство всем и вся. Горестные жалобы и упреки этой бабищи несут в себе такой мощный заряд, что поневоле задумаешься, уж не аватар ли она некоего капризного древнего божества, пока еще неизвестного людям.

Никто не жалуется Кы Готу, за исключением Одноглазого. Но даже он за глаза величает ее Тролливой.

Сари вздрогнула, когда мать медленно заковыляла через комнату, где тотчас воцарилась тишина. С тех пор как для нас наступили нелегкие времена, одни и те же помещения приходилось использовать для разных целей. Совсем недавно эта комната была битком набита людьми, которые просто отдыхали. Некоторые – из Отряда, а в основном те, кто работает у Бань До Транга. Все мы не сводили глаз со старухи, от всей души желая ей поторопиться. И не менее страстно желая, чтобы ей не пришлось в голову воспользоваться тишиной для общения.

Старый и больной До Транг, прикованный к креслу на колесах, подкатился к Кы Готе – вероятно, хотел выразить ей сочувствие и тем самым воспрепятствовать ее продвижению.

Такого не бывало, чтобы присутствию Кы Готы кто-нибудь радовался.

В этот раз самопожертвование До Транга оказалось нена-

прасным. Правда, Гота испытывала сильнейший дискомфорт, лишившись возможности адресовать гневную обличительную речь всем, кто моложе ее.

Молчание продолжалось до тех пор, пока не вернулся старый купец. Ему принадлежал этот дом, который нам было позволено использовать как штаб-квартиру. Ничем нам не обязанный, До Транг тем не менее делил с нами опасности – поскольку был неравнодушен к Сари. При решении любой проблемы мы прислушивались к его мнению и учитывали его желания.

Вскоре До Транг с утомленным видом прикатил обратно. Казалось чудом, что этот доходяга, весь покрытый печеночными пятнами, способен самостоятельно ездить в кресле.

До Транг был дряхл, но в его глазах горел неукротимый огонь. Он редко вмешивался в разговор, разве что кто-нибудь молол уж совсем несусветную чушь. Замечательный старик.

– Все готово, – сказала Сари. – Каждый этап, каждая деталь проверены и перепроверены. Гоблин и Одноглазый трезвы как стекло. Пришло время Отряду заявить о себе. – Она прошлась взглядом по лицам, предлагая высказываться.

Я не считала, что время пришло. Но я уже выразила свое мнение, когда составляли план. И проиграла голосование. Пришлось напрячь волю, чтобы совладать с досадой.

Поскольку новых возражений не последовало, Сари продолжала:

– Ну что же. Приступаем к первому этапу.

Она махнула рукой сыну. Тобо кивнул и выскользнул из комнаты.

Он был тощим, взъерошенным, пронирыливым юнцом. И принадлежал к племени нюень бао, а они, как всем известно, по натуре ловкачи и жулики. Следовательно, за его руками приходилось постоянно наблюдать. Но кто бы ни наблюдал, он не вникал в то, что делает парень, когда его лапки не тянутся к свисающему с пояса кошельку или к ценному товару на прилавке. Люди не высматривают того, чего не ждут.

Мальчик держал руки за спиной, и таким он не вызывал опасений. Никто не замечал маленьких бесцветных шариков, которые он прикреплял, прислоняясь ко всем стенам подряд.

Дети гуннитов смотрели на него во все глаза. Очень уж необычно выглядел этот иноземец в черной одежде, похожей на пижаму. Но никакой враждебности они не проявляли. Гунниты народ миролюбивый, своих чад приучают к вежливости. Иное дело – дети шадаритов, этих воспитывают суровее. В основе их религии философия воина.

Юные шадариты решили хорошенько проучить вора. Конечно, он вор! Всем известно, что нюень бао – воры.

Взрослый шадарит постарше отозвал детей. Пусть воришкой занимаются те, кому положено. Религии шадаритов не чужда бюрократическая упорядоченность.

Даже столь малое нарушение порядка привлекло внимание тех, кому этот порядок было доверено блюсти. Трое долговязых бородачей в серых балахонах и белых тюрбанах двинулись сквозь толпу. Они бдительно озирались, явно считая вполне нормальным то, что постоянно находятся на островке свободного пространства. Улицы Таглиоса забиты народом и днем и ночью, однако люди каким-то образом ухитряются держаться в сторонке от серых. У всех блюстителей суровый взгляд, – должно быть, на эту службу берут только тех, кому чужды терпение и сострадание.

Тобо уже лавировал в толпе – так черная змея скользит среди болотных камышей. К тому моменту, когда серые стали выяснять причину инцидента, мальчик уже исчез, и никто не смог сообщить его точные приметы. Стражи порядка слышали только допущения, основанные на предрассудках. Ньюень бао – воры; их засилье – сущее бедствие для таглиосцев. Несчастливая столица с некоторых пор набита пришлыми – кого тут только нет! Бездельники, юродивые и прохиндеи стекаются сюда со всех концов империи. С каждым поколением население города утраивается. Несмотря на жестокие и умелые действия серых, в Таглиосе царит хаос, город давно превратился в гиблое болото, в преисподнюю, чей огонь подпитывается нищетой и отчаянием.

Нищеты и отчаяния тут избыток, но дворец не дает мятежам пустить корни. Власти предержавшие научились мастерски вынюхивать секреты. У профессиональных преступни-

ков век здесь короток, как и у большинства тех, кто пытается устраивать заговоры против Радиши или Протектора. В особенности против Протектора, которая в грош не ставит чужую жизнь.

Во времена не столь уж отдаленные интриги и заговоры цвели махровым цветом и своими миазмами отравляли жизнь без преувеличения всем жителям Таглиоса. Но это почти изжито. Как и все, что не нравится Протектору. А понравиться ей страстно желает большинство таглиосцев. Даже жречество старается не привлекать к себе недобрый взгляд Душелов. В какой-то момент мальчишка в черной пижаме исчез, а на его месте возник такой же, но в гуннитской набедренной повязке, до этого скрывавшейся под одеждой. С виду обычный городской юнец, разве что с желтоватым оттенком кожи. Ему ничто не угрожало. Он вырос в Таглиосе и говорил без малейшего акцента, который мог бы выдать его.

Любой серьезной акции предшествует период ожидания и тишины. Делать мне было нечего. Я могла бы расслабиться и сыграть в тонк или просто понаблюдать за тем, как Одноглазый и Гоблин пытаются обжудить друг друга. Вдобавок у меня был писчий спазм, мешающий работать над Анналами.

– Тобо! – позвала я. – Хочешь сходить и посмотреть, как это произойдет?

Тобо четырнадцать лет, он у нас самый младший. Вырос в Черном Отряде. Все, что свойственно юности – азарт, нетер-

пеливость, абсолютная вера в собственное бессмертие и божественное освобождение от наказаний, – было отмерено ему полной мерой. Задания, которые поручали мальчишке в Отряде, доставляли ему истинное наслаждение. Своего отца он не знал и крайне слабо представлял себе, что это был за человек. Мы немало потрудились над его воспитанием, стараясь не разбаловать ребенка, однако Гоблин упорно обращался с ним как с любимым сыном. И даже пытался наставлять.

Гоблин владеет письменным таглиосским хуже, чем ему кажется. В бытовом языке сотня букв, еще сорок – у жрецов, которые пишут высоким стилем, а это, можно сказать, второй язык – формальный, письменный. Анналы я пишу на смеси того и другого.

С тех пор как Тобо выучил буквы, «дядя» Гоблин заставляет его читать вслух все подряд.

– Дрема, может, я еще «катышков» прилеплю? Мама считает: чем больше их будет, тем скорее это привлечет внимание дворца.

Меня удивило, что он обсуждал с Сари этот вопрос. У мальчишек в его возрасте отношения с родителями трудные. Он постоянно грубил матери. Он бы хамил и дерзил еще хуже, если бы судьба не одарила его таким множеством «дядей», которые не желали мириться с подобным поведением. Естественно, Тобо все это воспринимал как грандиозный заговор взрослых. На людях он был само упрямство, при об-

щении же с глазу на глаз поддавался доводам разума – если собеседник вел себя деликатно и если это была не мать.

– Несколько штук, пожалуй, лишними не будут. Но уже скоро стемнеет – и начнется представление.

– Кем мы будем на этот раз? Мне не нравится, когда ты изображаешь шлюху.

– Безпризорниками.

Хотя это тоже рискованно. Можно угодить под насильственную вербовку отправиться в армию Могабы. Положение у его солдат сейчас немногим лучше, чем у рабов, дисциплина там свирепая. Многие из этих несчастных – мелкие преступники, которым был предоставлен выбор: или не знающее снисхождения правосудие, или военная служба. Остальные – дети бедняков, которым просто некуда больше податься.

Таковы все профессиональные армии. Мурген это понял далеко на севере, задолго до знакомства со мной.

– Почему ты всегда так заботишься о маскировке?

– Если не показываться дважды в одном и том же облике, наши враги не будут знать, кого им искать. Нельзя их недооценивать. В особенности Протектора. Ей не раз удавалось перехитрить саму смерть.

Тобо еще не созрел для того, чтобы поверить в это, так же как и во многое другое из нашей экзотической истории. Он совсем неплохой ребенок, уж точно получше многих, но на этом этапе взросления человек уверен: он уже знает все,

что полезно знать, а слова старших, и тем более поучения, можно смело пропускать мимо ушей. Тобо не смог бы вести себя иначе, даже если бы и захотел. Такое проходит только с возрастом.

Я же, на моем собственном этапе взросления, не могла не произнести слов, от которых не будет пользы:

– Об этом сказано в Анналах. Твой отец и Капитан ничего не выдумывали.

Он и в это не желал поверить. Я решила не продолжать разговор. Каждый из нас научится уважать Анналы, но придет к этому своим путем и в свое время. В слишком уж плачевном мы оказались положении, чтобы должным образом чтить традицию. Старая Команда угодила в ловушку на каменном плато Блистающих Камней, только двоим братьям удалось пережить эту катастрофу, а потом еще и Кьяулунские войны. Гоблин и Одноглазый плохо годятся для того, чтобы передавать новобранцам отрядную мистику. Одноглазый слишком ленив, а Гоблин – косноязычен. Я же была еще практически салажонком, когда Старая Команда, осуществляя давнюю мечту Капитана, рискнула отправиться на плато в поисках Хатовара.

Но старик Хатовара не нашел. Думаю, на самом деле он там искал что-то другое.

Дивные дела: мне всего-то-навсего двадцать лет, а я уже ветеран Отряда. Мне едва исполнилось четырнадцать, когда Бадья взял меня под свое крыло... Но я никогда не была по-

хожа на Тобо. В четырнадцать я уже была древней старухой. За годы, прошедшие после того, как Бадья спас меня, я только помолодела...

– Что?

– У тебя глаза вдруг стали злыми. Я спросил почему.

– Вспоминала себя четырнадцатилетнюю.

– Девчонки все переживают легче...

Тобо прикусил язык. Его лицо мгновенно вытянулось, более заметны стали черты, доставшиеся от отца-северянина. Хоть он и самонадеянный маленький засранец, с мозгами у него порядок. Способен понять, что не стоит ворошить гнездо ядовитых змей.

– Когда мне было четырнадцать, Отряд и нюень вместе сидели в Джайкуре. – Я не сказала мальчику ничего нового. – Или в Дежагоре, как его называли местные. – Остальное уже не имело значения, оно благополучно кануло в прошлое. – У меня теперь почти не бывает кошмаров.

Рассказов об осаде Джайкура Тобо уже наслушался досыта. Его мать, бабка и дядюшка Дой тоже побывали там.

– Гоблин обещает, что эти «катышки» нам понравятся, – прошептал Тобо. – Не только ведьминых огней понаделают, но и разбудят кое у кого совесть.

– Значит, это и впрямь нечто из ряда вон.

В наших диспутах совесть упоминалась крайне редко. С любой стороны.

– Ты правда знала моего папашу?

Рассказы о знаменосце Отряда Тобо слышал на протяжении всей своей жизни, но в последнее время проявлял к этой теме повышенный интерес. Мурген для него уже не просто символ, не вызывающий никаких чувств.

Я повторила сказанное не единожды:

– Он был моим командиром. Научил меня читать и писать. Хороший был человек. – Я негромко рассмеялась. – Насколько можно быть хорошим, принадлежа к Черному Отряду.

Тобо замер. Глубоко вздохнул. И спросил, глядя куда-то в сумрак над моим левым плечом:

– Вы были любовниками?

– Нет, Тобо. Мы были друзьями. Почти. Он и узнал-то, что я женщина, аккурат перед тем, как отправился на плато Блистающих Камней. А я не догадывалась об этом, пока не прочла его Анналы. Никто не знал. Все считали меня смазливый пареньком, которому не повезло вырасти повыше. Я не разубеждала. Считала, что так безопаснее.

– Угу...

Голос у него был настолько бесцветный, что я просто не могла не поинтересоваться:

– Почему спрашиваешь?

Конечно, у него не было причин полагать, что до нашего знакомства я вела себя не так, как сейчас. Он пожал плечами:

– Просто хотел узнать.

Просто, да не просто... Небось у Гоблина и Одноглазого

эту манеру перенял. Любят они приговаривать: «Посмотрим, что из этого выйдет» – например, когда испытывают самодельные яды в слоновьих дозах.

– Ладно, это твое дело. Ты оставил «катышки» за театром теней?

– Все сделал, как мне велели.

В театре теней используют плоских кукол на палках. У артистов есть движущиеся конечности с бечевками. Свеча, расположенная позади, отбрасывает тени на белую ткань. Кукловод манипулирует куклами и говорит за них разными голосами. Если зрители останутся довольны, ему бросят несколько монет.

Этот кукловод давал представления на одном и том же месте уже больше двадцати лет. Ночевал он у себя под сценой. И вообще жил припеваючи – по сравнению с большинством бездомных обитателей Таглиоса.

Он был стукачом. В Черном Отряде его не любили.

Его пьесы по большей части основывались на мифах и так или иначе были связаны с циклом Кади. В каждой непременно участвовала эта многорукая богиня, без усталости пожиравшая демонов.

Конечно, демон был один, он лишь появлялся в разных сценах. Почти как в реальной жизни, где демон приходит снова и снова.

Сначала чуть окрасилось небо над крышами на западе. Потом раздался душераздирающий крик. Люди останавли-

вались, чтобы поглазеть на разгорающийся оранжевый свет и подсвеченный оранжевым дым, который повалил из-за кукольного театра. Жгуты дыма сплетались в известную всем эмблему Черного Отряда – клыкастый череп без нижней челюсти, выдыхающий пламя. В левой глазнице тлел огонь – будто алый зрак заглядывал в самую душу зрителя, выскивая то, чего человек боялся пуще всего.

Созданное дымом недолговечно. Прежде чем рассеяться, он успел подняться на десять футов. Но оставил после себя испуганное молчание. Сам воздух, казалось, шептал: «Воды спят».

Снова жалобный вой и вспышка. Вознесся второй череп. Этот был серебряный с голубоватым оттенком. Он просуществовал дольше и поднялся на дюжину футов выше. И прошептал: «Мой брат не отмщен».

– Сюда идут серые! – прокричал кто-то достаточно высокий, чтобы видеть поверх чужих голов.

Маленький рост позволяет мне с легкостью затеряться в толпе, но зато я не вижу того, что происходит вне ее.

Серые всегда где-то рядом, однако против такого рода беспорядков они бессильны. Наша акция может случиться где угодно и когда угодно, и среагировать они не успеют. Для них же лучше, если они не окажутся поблизости, когда заговорит «катышек». Серые это понимают. Они просто ломаются в толпу. Протектора необходимо ублажать, а еще нужно кормить собственных детей, маленьких шадаритов.

– И еще разок! – шепнул Тобо, когда появились четверо серых.

За театром грянул пронзительный визг. Кукловод выскочил наружу, развернулся и привалился к ширме, разинув рот. Возникло сияние, уже не такое яркое, но продержавшееся дольше. Образ, сотканный из дыма на этот раз, был сложней и прочней предыдущих. Сущее чудовище. Но чудовище не абы какое, а знакомое шадаритам.

– Ниасси... – пробормотал один из серых.

Ниасси – главный демон в шадаритской мифологии. Похожая нечисть, только с другим именем, существует и в гуннитских верованиях. Ниасси возглавляет внутренний круг демонов, куда собраны наиболее могущественные. Шадариты, будучи отколовшимися от культа Ведны еретиками-сектантами, верят в посмертное наказание, но допускают и существование ада на земле, ада наподобие гуннитского, где заправляют демоны во главе с Ниасси и куда попадают самые отвязленные грешники.

Серые смекнули, что над ними издеваются, но тем не менее заколебались. Мы им преподнесли нечто новенькое, ужалили с неожиданной стороны в чувствительное место. К тому же по городу уже пробежала мощная волна слухов, которые увязывали серых с гнусными ритуалами, якобы практикуемыми Душелов.

Пропадают дети. Логика подсказывает, что по-другому и быть не может в таком огромном и многолюдном городе, да-

же если никакие злобные монстры не прикладывают к этому руку. Малыши бродят где хотят, вот и теряются. Но если увязать все воедино, искусно распространив нужные слухи, то слепые случайности обернутся расчетливыми преступлениями. И тогда вполне мирные, добропорядочные люди озвереют и перестанут верить властям.

Их память станет избирательной.

Нам не зазорно подбрасывать горожанам любую ложь о наших врагах.

Тобо выкрикнул что-то оскорбительное. Я схватила его за руку и потащила к нашему логову. Люди уже осыпали стражей руганью и насмешками. Брошенный Тобо камень угодил серому в тюрбан.

Темнота не позволила этим четверым разглядеть наши лица.

Серые взяли на изготовку бамбуковые палки – настроение толпы становилось опасным. Как тут не заподозрить, что не один лишь образ демона тому причиной? наших отрядных колдунов я знаю как облупленных. Знаю и то, что таглиосцы – люди хладнокровные, они умеют держать себя в руках. Чтобы жить в такой неестественной скученности, требуется огромный запас терпения и железный самоконтроль.

Я огляделась в поисках ворон, летучих мышей или других шпионов Протектора. Ночью мы рискуем несравнимо больше, чем днем, потому что в темноте трудно обнаружить этих соглядатаев. Я крепче вцепилась в руку Тобо:

– Ты не должен был этого делать. Знаешь же, что в темноте выползают Тени.

Мои слова не произвели на него ни малейшего впечатления.

– Гоблин будет счастлив. Он так долго возился с этой штукой, и она сработала отлично.

Серые засвистели, вызывая подкрепление.

Четвертый «катышек» тоже выпустил дымный призрак, но мы его уже не увидели. Я протащила Тобо через все ловушки для Теней, расставленные между кукольным театром и нашим штабом. Мальчишке предстоит объясниться с некоторыми его «дядями». Тем из нас, для кого паранойя по-прежнему образ жизни, предстоит выполнить важную задачу – придать остроту многочисленным блюдам нашей мести. С Тобо нужно провести серьезную разъяснительную работу. Умный советник сделает так, что от энергии мальчишки будет больше пользы.

Сари вызвала меня вскоре после нашего возвращения. Не для того, чтобы сделать выговор за нелепый риск, которому при моем попустительстве подверг себя Тобо. Нет, она просто хотела сообщить, что собирается перейти к следующему этапу. Возможно, когда-нибудь Тобо попадет в такой серьезный переплет, что с перепугу возьмется за ум. Жизнь в подполье – суровая учительница, она редко дает второй шанс. Тобо должен крепко-накрепко зарубить это на своем носу.

Конечно, Сари допросила меня с пристрастием обо всем,

что произошло в городе, и постаралась довести до сведения Гоблина и Одноглазого, что она недовольна и ими тоже. Тобо отсутствовал и не имел возможности защищаться.

Гоблина и Одноглазого ее упреки оставили равнодушными. Колдунам такие пигалицы не страшны, даже накинься они на наших старикашек ордой в сорок голов. Вдобавок эти двое считали, что добрая половина проделок Тобо лежит исключительно на его совести.

– Сейчас буду вызывать Мургена, – сказала Сари.

Прозвучало это без воодушевления. С Мургеном она общалась крайне редко, и всем нам хотелось бы знать почему. Их с Мургеном связывала настоящая романтическая любовь, какая бывает в легендах, со всеми атрибутами этих бессмертных историй: пренебрежение волей богов, разочарование родителей, горькие разлуки и счастливые воссоединения, интриги недоброжелателей и все такое прочее. Оставалось лишь одному из них сойти в царство мертвых, чтобы спасти другого. Вот и спровадили Мургена в холодный подземный ад... Наша безумная колдунья Душелов такая затейница! Он и все остальные Пленные не мертвы, но и не живы, пребывают в оцепенении под блистающей каменной гладью. И о том, где они очутились и при каких обстоятельствах, мы узнали лишь благодаря способности Сари вызывать дух Мургена.

Может, проблема в этом самом магическом оцепенении? Сари с каждым прожитым днем все старше, а Мурген – нет.

Может, она боится, что станет дряхлее его матери к тому времени, когда мы освободим Пленных?

Посвятив годы изучению истории, я пришла к выводу, что она почти всегда порождается личными интересами, а вовсе не борьбой за темные или светлые идеалы.

Давным-давно Мурген научился во сне покидать свою брэнную плоть. Способность эту он сохранил, но, увы, она была ослаблена сверхъестественными условиями его заключения. Даже в качестве призрака он не может самостоятельно выбраться из пещеры старцев – его непременно должна вызвать оттуда Сари – или другой некромант, знающий, где он находится.

Дух Мургена – превосходный разведчик. Вне нашего круга никто, кроме Душелов, не способен обнаружить его присутствие. Благодаря Мургену мы узнаем все замыслы врагов – разумеется, тех из них, кто настолько могуществен, что их замыслами стоит интересоваться. Это достаточно сложный процесс, он имеет ряд ограничений, но все же Мурген едва ли не самое мощное наше оружие. Без него мы бы попросту не выжили.

А Сари сегодня почему-то совсем не желает вызывать его. Одни боги знают, как это трудно – сквозь года и невзгоды пронести свою веру. Многие наши братья утратили ее и ушли, затерялись в объявшем империю хаосе. Некоторые, возможно, снова воодушевились бы, добейся мы достаточно громкого успеха.

Сари пришлось в жизни тяжко. Она потеряла двоих детей – такую боль матери нелегко снести, даже если она никогда не любила их отца. Его она потеряла тоже, но от этой утраты страдала мало. Никто из помнивших этого человека не сказал о нем доброго слова. Вместе со всеми нами она терпела лишения в посаженном Джайкуре.

Может быть, Сари – и все нюень бао – чем-то страшно разгневала Гангешу. Или этот бог со слоновьими головами любит шутить злые шутки со своими приверженцами. Кина уж точно потешается, когда ее розыгрыши заканчиваются смертью ее же фанатиков.

Гоблин и Одноглазый обычно не присутствовали при явлениях Мургена. Сари не нуждалась в их помощи. Ее мастерство было ограниченным, но сильным, а эти двое только и способны, что мешать, сколько бы ни тужились вести себя прилично.

Однако на этот раз наши ископаемые оказались здесь, и я сделала вывод, что затевается нечто необычное. До чего же они стары! Наверное, уже и счет годам потеряли. Держатся только благодаря своему мастерству. Одноглазому, если Анналы не лгут, уже далеко за двести, а его «юный» друг моложе меньше чем на век.

Оба они, мягко говоря, ростом не вышли. Оба ниже меня и никогда не были выше, даже задолго до того, как превратились в иссохшие ходячие мощи, что случилось, наверное, в пятнадцатилетнем возрасте. Я даже представить себе не мо-

гу Одноглазого молодым. Должно быть, он родился уже старикашкой и в этой дурацкой шляпе – второй такой же уродливой и грязнящей на всем белом свете не сыщешь.

Может, Одноглазый только благодаря этой шляпе и прожил столь долгий век? Может, это такое проклятие? Шляпе он служит конем и потому не может умереть?

Заскорузлый смердящий кусок войлока полетит в ближайший костер еще до того, как тело Одноглазого перестанет содрогаться в смертных конвульсиях. Все ненавидят его шляпу.

Но пуще всех шляпу ненавидит Гоблин. Считает своим долгом прицепиться к ней всякий раз, когда между ним и Одноглазым завязывается перебранка, а происходит это почитай при каждой их встрече.

Одноглазый – маленький, черный и морщинистый. Гоблин – маленький, белый и морщинистый. Лицом он похож на сушеную жабу.

Одноглазый не забывает напомнить об этом каждый раз, когда они начинают браниться, а происходит это почти всегда, когда имеются в наличии зрители. Зрители, не желающие их разнять.

Нужно признать, что в присутствии Сари колдуны стараются вести себя прилично. У этой женщины особый дар, она пробуждает в людях все лучшее. Что, правда, не относится к ее матери. Впрочем, если дочери нет поблизости, Тролль брюзжит куда больше.

К счастью для нас, мы редко видим Кы Готу. За это надо благодарить ее больные суставы. Тобо помогает ухаживать за ней – таким образом мы цинично эксплуатируем его удивительную невосприимчивость к ее сарказму. Мальчика она нежно любит, не то что ее отца, гадкого чужеземца.

Сари объяснила мне:

– Эти двое утверждают, что придумали более эффективный способ частично материализовать Мургена. Чтобы ты могла общаться с ним напрямую.

Прежде только Сари разговаривала с Мургеном, когда вызывала его. У моей психики, что называется, плохо со слухом.

– Если мы и вправду сможем видеть его и слышать, неплохо бы и Тобо при этом поприсутствовать, – сказала я. – А то много вопросов об отце задает в последнее время.

Сари как-то странно посмотрела на меня, будто не понимая, что я имею в виду.

– Верно говоришь – мальчик должен знать своего папашу, – проскрипел Одноглазый.

И уставился на Гоблина, ожидая возражений от человека, который своего отца не знал. Такой уж у них обычай – по любому поводу устраивать бурный спор, наплевав на мелочи вроде фактов или здравого смысла. А братья по Отряду, поколение за поколением, спорили о том, стоит ли эта парочка причиняемых ею хлопот.

На этот раз Гоблин воздержался. Он еще успеет отыграть-

ся, когда Сари не будет рядом. Она лишь сбивает его с толку своими призывами образумиться.

Сари кивнула Одноглазому:

– Но сначала нужно проверить, работает ли ваш способ.

Одноглазый тотчас взбеленился: кто-то посмел предположить, что его колдовство нуждается в полевых испытаниях? И все, что было раньше, не в счет? Ну раз так...

Я прервала его:

– Не заводись.

Время не пощадило Одноглазого. Память у него ослабла, и в последнее время он все чаще клюет носом посреди разговора или дела. А иной раз орет на своего дружка-коротышку – и вдруг забывает, из-за чего сыр-бор. А то и вовсе сам себе противоречит в конце спора.

Когда я его встретила впервые, он уже выглядел как старая мумия; теперь же от него осталась только тень. Нельзя сказать, что он утратил свою силу, но подчас в пути он ухитряется забыть, куда и с какой целью направлялся. Изредка это бывает даже кстати, но чаще – просто беда. Когда Одноглазому поручают что-то важное, к нему приставляют Тобо – следить за тем, чтобы колдун двигался в верном направлении. Одноглазый, как и все мы, обожает мальчишку.

Чем дряхлее этот малорослый чародей, тем легче удерживать его дома, вдали от городских соблазнов. И слава богам. Один-единственный неосторожный поступок может погубить нас всех. А что значит быть осторожным, Одноглазый

так и не понял, прожив долгий-предолгий век.

Он умолк, и тут захихикал Гоблин.

– Можете вы оба сосредоточиться на том, чем намерены заняться? – Я боялась, что однажды Одноглазый задремлет аккурат посреди какого-нибудь смертельно опасного ритуала и мы окажемся по уши в демонах или кровососущих насекомых, крайне недовольных тем, что их перенесли за тысячу миль от родного болота. – Дело-то важное.

– У вас любые дела важные, – проворчал Гоблин. – Даже если я слышу: «Гоблин, подсобика, а то лень мне чистить столовое серебро», – это звучит так, точно речь идет о конце света. Важное дело? Ну еще бы!

– Вижу, ты сегодня в хорошем настроении.

– Да хрен там!

Одноглазый неуклюже слез со стула, отпустил в мой адрес несколько нелестных выражений и, опираясь на трость, зашаркал к Сари. Совсем забыл, что я женщина. Когда помнит, старается следить за языком. Впрочем, я не в претензии. Ну угораздило меня родиться существом женского пола – что ж теперь, особого обхождения требовать?

В тот злополучный день, когда Одноглазый приобрел эту трость, он стал еще опасней для нас. Взял моду дрыхнуть в любом месте, где сонливость застанет, и нипочем теперь не угадаешь, спит он или же притворяется, ждет момента, чтобы шлепнуть мимо проходящего тростью или под ноги ее сунуть.

Несмотря на все эти художества, все мы боялись, что Одноглазый долго не протянет. Без него наше дело швах. Конечно, Гоблин будет очень стараться, чтобы нас не обнаружили, но можно ли возлагать надежды на одного-единственного второсортного колдуна? В нашей ситуации их нужно минимум два, причем в расцвете сил.

– Приступай, женщина, – проскрипел Одноглазый. – Гоблин, бесполезный ты бурдюк с жучиными соплями, тащи сюда все, что нужно. Я не намерен торчать тут всю ночь.

Специально для них Сари подготовила стол – самой ей не требовались никакие вспомогательные средства. В урочный час она просто сосредоточивала мысли на Мургене. Обычно связь налаживалась быстро. Во время месячных, когда чувствительность падала, она пела на языке нюень бао.

У меня, в отличие от некоторых братьев по Отряду, нет способности к языкам. А язык нюень бао для меня и вовсе непостижим. Песни Сари похожи на колыбельные, если только слова не имеют двойного смысла. Что очень даже возможно. Дядюшка Дой постоянно говорит загадками, но не устает повторять, что их легко поймет тот, кто не ленится слушать.

Хвала Богу, дядюшка Дой нечасто оказывается поблизости. У него свое собственное расписание – хотя, кажется, он и сам уже не знает, во что верить. Окружающий мир заставляет меняться и его, что ему вовсе не всегда нравится.

Гоблин, не реагируя на дурные манеры Одноглазого, притащил мешок с колдовским добром. С недавних пор он чаще

уступал – наверное, исключительно в интересах дела. Но уж если не был занят делом, то непременно высказывал все, что думает о заклятом друге.

Они наконец начали выкладывать свои магические штучки, но и тут не обошлось без перебранки по поводу размещения предметов. Ну просто дети четырехлетние! Так и хочется отшлепать.

Сари запела. У нее красивый голос, жаль, что такой талант пропадает зря. Некромантией, в строгом смысле этого слова, она не занимается. Не приобретает власти над Мургенем, не заклинает его дух – Мурген все еще жив, пусть и находится не здесь. Но его дух способен покинуть могилу, откликаясь на зов.

Хорошо бы и других Плененных можно было вызывать. Прежде всего Капитана. Он сумел бы нас воодушевить, что пришлось бы весьма кстати.

Между Гоблином и Одноглазым, стоявшими у противоположных концов стола, медленно образовалось что-то вроде пылевого облака. Нет, это была не пыль. И не дым. Я ткнула пальцем и лизнула его. Тончайший, прохладный водяной туман.

– Мы готовы, – обратился Гоблин к Сари.

Она сменила тон, голос зазвучал почти вкрадчиво. Мне даже удавалось разобрать отдельные слова.

Между колдунами материализовалась голова Мургена, подрагивая, как отражение на водной ряби. Я вздрогнула, но

не колдовство меня напугало, а облик Мургена. Точно такой же, каким я его запомнила, без единой новой морщинки на лице. В отличие от всех нас.

Сари стала очень похожа на свою мать, какой та была в Джайкуре. Конечно не такой грузной. И без этой странной покачивающейся походки, от чего у Кы Готы, наверное, и возникли проблемы с суставами. Но красота Сари увядает быстро. От нее еще кое-что осталось, что само по себе чудо, ведь женщины из племени нюень бао начинают блекнуть очень рано. Сари никогда не говорила об этом, но, безусловно, страдала. У нее ведь была собственная гордость, несомненно заслуженная.

Время – самый беспощадный из всех злодеев.

Мурген, похоже, не слишком обрадовался вызову. Может, тяжело переживал недомогание Сари? Он заговорил. И я прекрасно разбирала каждое слово, хотя они произносились еле слышным шепотом.

– Мне снился сон. Это место...

Его раздражение сошло на нет, сменившись смертельным ужасом. Я-то знала, о каком месте речь, – Мурген описывал его в своих Анналах. Ему приснилось поле, усеянное костями.

– Белая ворона...

У нас серьезная проблема, если он предпочитает проблескам жизни медленное плавание по царству грез Кины.

– Мы готовы нанести удар, – сообщила ему Сари. – Ради-

ша приказала созвать Тайный совет. Посмотри, чем они занимаются. Убедись, что Лебедь там.

Туман, из которого был слеплен Мурген, медленно растаял. Сари выглядела печальной. Гоблин и Одноглазый принялись ругать знаменосца за то, что сбежал.

– Я видела его, – сказала я им. – Очень отчетливо. И слышала тоже. Именно так я всегда представляла себе говорящего призрака.

Усмехнувшись, Гоблин ответил:

– Ты потому слышала, что ожидала этого. Да будет тебе известно, слышала ты не ушами.

Одноглазый лишь ухмыльнулся. Он никогда ничего и никому не объяснял. Только, быть может, Готе, если ей случилось застукать его, прокрадывающегося домой среди ночи. И у него наверняка была припасена какая-нибудь история, такая же запутанная, как история самого Отряда.

Заговорила Сари, и это был голос женщины, пытающейся показать, что ничуть не расстроена.

– Можно привести сюда Тобо. Ясно, что никаких взрывов и вспышек не будет. И вы прожгли всего-навсего две дыры в столешнице.

– Какая неблагодарность! – воскликнул Одноглазый. – Эти дыры целиком на совести жаболицего. Не будь его здесь...

Сари не слушала.

– Тобо запишет все, что расскажет Мурген, Дреме это

пригодится для Анналов. Возможно, Мурген выявит какие-нибудь козни против нас. Тогда надо будет предупредить остальных, послать к ним вестника.

Да, таков был наш план. Однако сейчас он не вызывал у меня воодушевления.

Хотелось просто поговорить со старым другом. Но то, что здесь происходило, было куда важнее дружеских посиделок. Не самое подходящее время выяснять, как поживает Бадья.

Мурген плыл по дворцу, точно призрак. Занятие это он находил забавным, хотя с некоторых пор ему было совершенно не до смеха. Проведи в могиле заживо пятнадцать лет, и что останется от твоего чувства юмора?

Дворец, эта бесформенная каменная гряда, ничуть не изменился. Разве что пыли в нем прибавилось да усугубилась и без того отчаянная нужда в ремонте. За это надо было сказать «спасибо» Душелов, которая терпеть не могла людской толчеи. Почти вся многочисленная вышколенная прислуга

была выброшена на улицу, ее заменили поденщики, привлекаемые от случая к случаю.

Дворец стоял на вершине довольно большого холма. Много поколений подряд каждый правитель Таглиоса считал своим долгом что-нибудь пристроить – не из-за нехватки места, а просто отдавая дань многовековой традиции. Таглиосцы шутили, что через тысячу лет от города ничего не останется, все займет дворец. Или, точнее, развалины дворца.

Радиша Дра приняла на веру, что ее брат Прабриндра Дра пропал без вести на войне с Хозяевами Теней, и, побуждаемая страхом перед скорым на расправу Протектором, объявила себя главой государства. Традиционалисты из жреческого сословия не желали, чтобы в этой роли выступала женщина, но весь мир знал: в сущности, Радиша уже много лет правит Таглиосом. Ее слабости существовали разве что в воображении недоброжелателей. Каковые приписывали ей две роковые ошибки. Первая – предательство по отношению к Черному Отряду, совершенное вопреки хорошо известному факту, что еще никто допрежь не получал выгоды от такого вероломства. А вторая ошибка, на которую особенно напирали высшие иерархи, состояла в том, что Радиша когда-то наняла Черный Отряд. И не важно, что благодаря Отряду удалось избавиться от чудовищных злодеяний, чинимых Хозяевами Теней. Об этом просто забыли.

Те, кто вместе с княжной находился в зале собраний, не выглядели ни счастливыми, ни даже довольными. Чисто ма-

шинально взгляд сосредоточивался прежде всего на Протекторе. Душелов выглядела как всегда – хрупкая, андрогинная, чувственная, вся в черной коже, даже лицо под маской и руки в перчатках. Она расположилась в кресле немного левее и позади Радиши, полускрывшись в тени. Этой женщине не требовалось занимать первый план, и без того было ясно, за кем тут решающее слово.

Не проходило дня и даже часа, чтобы Радиша не обнаружила еще какую-нибудь причину пожалеть о том, что пустила козу в свой огород. Цена, которую ей приходилось платить за нарушение договора с Черным Отрядом, стала уже непомерной.

Спору нет, сдержки княжна свое обещание, она бы себя избавила от кучи неприятностей. Навалившихся после того, как она и ее брат помогли Капитану найти дорогу в Хатовар.

С обеих сторон от Радиши, лицом друг к другу, на расстоянии пятнадцати футов за пюпитрами стояли писцы; они прикладывали титанические усилия, чтобы записать все услышанное, до единого слова. Как-то раз после заседания Тайного совета возникли разногласия по поводу трактовки принятого решения, и это не должно было повториться. Одна группа писцов обслуживала Радишу, другая – Душелов.

Перед женщинами стоял стол размерами двенадцать футов на четыре. За этой громадиной почти терялись четверо мужчин. У левого края сидел Плетеный Лебедь. Его роскошные золотые кудри поседели и поредели; на макушке уже

проглядывала плешь. Лебедь был здесь чужаком. Приглядишься к нему – не человек, а комок нервов. Он занимался делом, которое было ему не по душе, но от которого он не мог отказаться. Уже не в первый раз в своей жизни Лебедь скакал верхом на тигре.

Плетеный Лебедь был главой серых. В глазах простых людей. На самом деле если он и был главой, то лишь говорящей. Рот открывал исключительно для того, чтобы озвучить мысли Душелов. Ненависть народа, в полной мере заслуженная Протектором, обратилась против Лебеда.

Вместе с Плетеным сидели три старших жреца, обязанные своим положением милости Протектора. Мелкие людишки в большом деле. Их присутствие на совете было всего лишь проформой. Они не принимали участия в значительных дебатах, но иногда получали инструкции. Их обязанность состояла в том, чтобы соглашаться с Душелов и поддакивать, когда та говорила. Показательно, что все трое представляли культ гуннитов. Хотя Протектор добивалась исполнения своей воли с помощью серых, шадариты не имели голоса в совете. И веднаиты тоже. Последних было слишком мало, что не мешало им неустанно возмущаться поведением Душелов: она-де присвоила себе многое из того, что может принадлежать только Богу. Веднаиты были неисправимыми монотеистами и не желали поступаться своими убеждениями.

Глубоко внутри, под коконом страха, Лебедь был хорошим человеком. При малейшей возможности он отстаивал

интересы шадаритов.

Кроме длинного стола, в зале были два высоких, за которыми расположились персоны более значительные, чем Лебедь и жрецы. Они восседали на высоких стульях и смотрели на всех сверху вниз, точно пара тощих старых грифов. Оба в свое время утвердили задним числом приход к власти Протектора, которой пока не удалось найти подходящего предложения, чтобы от них избавиться, хотя они нередко ее раздражали.

По правую руку Душелов сидел главный инспектор учета Чандра Гокле. Титул был обманчив, этот человек вовсе не являлся высокопоставленным канцеляристом. Он контролировал финансы и большую часть общественных работ. Старый, лысый, худой как змея и вдвое более подлый, своим назначением он был обязан отцу Радиши. До последних дней войны с Хозяевами Теней его роль была крайне незначительной. Благодаря войне и его должность набрала вес, и личное влияние существенно расширилось. Чандра Гокле всегда был готов прибрать к рукам любой, даже самый пустяковый клочок бюрократической власти, до которого мог дотянуться. Он был стойким приверженцем Радиши и заклятым врагом Черного Отряда. Что не помешало бы ему, с учетом змеиной натуры, в мгновение ока поменять свои приоритеты, если бы это сулило изрядную выгоду.

Стол слева занимала фигура еще более зловещая. Арджуна Друпада, жрец культа Рави-Лемны, отродясь не питал к

людям братской любви. Он носил официальный титул Пурохита – пожалуй, «княжеский капеллан» будет наиболее точным переводом. Не кто иной, как он, был истинным голосом жречества при дворе. Выполняя волю святош, он вступил в альянс с Радишей в то тяжелое для нее время, когда она готова была пойти на любые уступки, чтобы обрести поддержку. Подобно Гокле, Друпада интересовался не столько благом Таглиоса, сколько борьбой за власть и прочими политическими играми. Но он не был абсолютно циничным манипулятором. Его нравственные увещевания заставляли Протектора морщить нос даже чаще, чем увертки и протесты главного инспектора, неисправимого скряги. Броской внешность Друпады делала буйная седая шевелюра, похожая на бесформенную копну сена, – похоже, ее владелец отродясь не водил знакомства с гребенкой.

Гокле и Друпада не подозревали о том, что их дни сочтены. Протектор всего Таглиоса не питала к ним ни малейшего расположения.

Последний член совета отсутствовал. Как обычно, главнокомандующий Могаба предпочитал воевать. Под этим словом он подразумевал набеги на тех, кого считал своими врагами. Дворцовые распри вызывали у него только отвращение.

Впрочем, сейчас распри отошли на второй план. Произошли кое-какие инциденты. Требовалось выслушать свидетелей. Протектор не скрывала недовольства.

Плетеный Лебедь встал и поманил сержанта серых, застывшего во мраке позади двух стариков:

– Гхопал Сингх.

Никто не обратил внимания на необычное имя. Возможно, это новообращенный. Случаются и более странные вещи.

– Сингх со своими людьми патрулировал участок, примыкающий к дворцу с севера. Сегодня днем его подчиненный обнаружил молитвенное колесо, установленное на одном из мемориальных столбов перед северным входом. К ручкам колеса было прикреплено двенадцать копий вот этой сутры.

Лебедь продемонстрировал маленький бумажный прямоугольник таким образом, чтобы свет упал на текст. Письмена были явно жреческие. Лебедь не знал таглиосского алфавита и не смотрел на карточку, однако не сделал ни одной ошибки, излагая по памяти:

– Раджахарма. Долг князей. Знай: княжеский сан – это доверие. Князь – облеченный высшей властью и наиболее добросовестный слуга народа.

Лебедею был в новинку этот стих, такой древний, что некоторые ученые приписывали его авторство кому-то из Князей Света и относили еще к тем временам, когда боги вручали законы прародителям нынешних людей. Но Радише Дра изречения были знакомы. И Пурохите тоже. Это предостережение и упрек. Кто-то погрозил пальцем обитателям дворца.

Душелов тоже поняла это. Сразу же уловив суть проблемы, она заявила:

– Только монаху культа Бходи могло прийти такое в голову – выговаривать княжескому дому. А монахов Бходи, как известно, очень мало.

Этот культ, в основе которого миролюбие и нравственная чистота, был еще очень молод. К тому же в войну он пострадал едва ли меньше, чем паства Кины. Один из принципов Бходи состоял в том, что адепты отказывались от самозащиты.

– Я хочу, чтобы совершивший это был найден, – произнесла Душелов голосом сварливого старика.

– Ммм... – только и сумел выдавить из себя Лебедь.

Спорить с Протектором – себе дороже, но не те у серых возможности, чтобы выполнить такое поручение.

Одной из самых жутких черт Душелов было ее кажущееся умение читать мысли. На самом деле такой способностью она не обладала, в чем, конечно же, никогда бы не призналась. Люди верят в то, во что им хочется верить, и это ей только на руку.

– Он же Бходи, а значит, сам отдастся в наши руки. Даже искать не придется.

– Ммм?..

– В одной из деревушек провинции Семхи растет дерево, которое нарекли Древом Бходи. Репутацию этому дереву создал, отдохнув в его тени, Бходи Просветленный. Верующие считают его своей главной святыней. Сообщите им, что я прикажу срубить Древо, если человек, который установил

молитвенное колесо, не явится ко мне. Причем сделаю это безотлагательно. – В этот раз Душелов воспользовалась голосом мелочной, мстительной старухи.

Мурген отметил в уме: сказать Сари, чтобы человека, которого ищет Протектор, убрали за пределы ее досягаемости. Если Душелов и впрямь уничтожит святыню культа Бходи, у нее появятся тысячи новых врагов.

Плетеный хотел что-то сказать, но Душелов не дала ему и рта раскрыть:

– Их ненависть, Лебедь, я как-нибудь переживу. Меня интересует только одно: чтобы любой мой приказ они выполняли беспрекословно и безотлагательно. Да и не посмеют приверженцы Бходи бунтовать. Не станут пятнать свою карму.

Циничная женщина наш Протектор.

– Уладь это, Лебедь.

Тот вздохнул:

– Сегодня вечером появилось еще несколько дымовых картинок. Одна небывалой величины. И опять во всех эмблема Черного Отряда.

По его знаку вперед вышел еще один свидетель-шадарит. Рассказал о том, как толпа забросала его людей камнями, но не упомянул о демоне Ниасси.

Эти новости никого не удивили: именно они были одной из причин, по которым собрался совет. Радиша спросила – требовательно, но без огня в глазах:

– Как такое могло произойти? Почему ты не помешал это-

му? Твои люди стоят на каждом углу! Чандра? – Она посмотрела на человека, которому было доподлинно известно, как дорого обходится содержание всех этих серых.

Гокле величаво склонил голову.

Пока Радиша задавала вопросы, в душе Лебеда поднялась мощная волна протеста. Эта женщина не может помыкать им, как прежде! Наравне с Протектором – не может!

– Ты вообще когда-нибудь выходишь из дворца? – спросил он. – Стоит хотя бы разок изменить облик и отправиться на прогулку. Как Сарагоз в волшебной сказке. Улицы полны люда; тысячи спят прямо на мостовой, остальные вынуждены перешагивать через них. Дворы и переулки забиты нищими. Иногда толпа настолько плотная, что можно убить человека в десяти футах от моих подчиненных и уйти незамеченным. Люди, играющие в эти игры с дымовыми картинками, вовсе не глупы. А если они и в самом деле из Отряда, то не глупы тем более. Хотя бы потому, что ухитрились пережить все беды, которые сыпались на их головы. Они прикрываются толпой точно так же, как прежде прикрывались скалами, деревьями и кустами. Они не носят мундиров. Они ничем не выделяются. И уж конечно, они не иноземцы. Если ты действительно хочешь их переловить, обяжи их своим указом носить красный шутовской колпак. – Лебедь взбелевился не на шутку. Но последний камень был брошен не в Радишин огород. Не по своей охоте, а под нажимом Душелов она издала несколько прокламаций, памятных своей абсурд-

ностью. – Эти люди, фанатичные приверженцы идей Отряда, не задерживаются возле создаваемых ими дымовых эмблем. Нам даже не удалось узнать до сих пор, каким образом возникают эти картинки.

Из горла Душелов вырвалось глухое рычание. Это означало, что она сомневается в способности Лебеда узнать хоть что-то. Его раж тотчас ослаб, как огонек догорающей свечи. На лбу выступил пот. Лебедь прекрасно понимал: имея дело с этой безумицей, он ходит по краю пропасти. Его терпят, как вредную домашнюю зверушку, однако причины такой снисходительности известны только самой колдунье. Она очень часто руководствовалась в своих действиях сиюминутным капризом, который в любой момент мог обернуться чем-то прямо противоположным.

Лебеда могут сместить в любой момент. Замена найдется. Душелов не интересуют факты, непреодолимые препятствия или простые трудности. Ее интересуют результаты.

Лебедь осторожно произнес:

– К числу плюсов можно отнести то, что даже самые ловкие осведомители не обнаружили ничего, кроме этих шалостей с картинками. Следовательно, деятельность наших недоброжелателей можно расценивать как мелкую неприятность. Даже если за всем этим стоят те немногие из Черного Отряда, кто сумел уцелеть... И сегодняшние беспорядки – не повод для серьезного беспокойства.

– Наши недоброжелатели были и останутся мелкой непри-

ятностью. – В этот раз Душелов говорила голосом решительной девочки-подростка. – Их акции – это жесты отчаяния. Я сломила волю Отряда, когда похоронила всех его вождей.

Теперь это голос сильного мужчины, привыкшего к неукоснительному повиновению. Но уже сам факт, что эти слова прозвучали, был равносителен косвенному признанию, что кое-кто из Отряда, возможно, все еще жив, а повышенная интонация, с которой был произнесен конец фразы, выдавала неуверенность. Случившееся на плато Блισταющих Камней бередило умы, и на некоторые вопросы сама Душелов не могла дать ответа.

– Вот если они научатся призывать своих вождей из мира мертвых, тогда я и начну беспокоиться.

Она не знает.

Поистине, мало что происходит так, как мы планируем. Ее бегство с Лебедем – чистое везение. Но Душелов не из тех, кто верит, что сияющий лик Фортуны будет обращен к ней всегда.

– Вероятно, ты права. Проблема не стоит выеденного яйца, если я правильно тебя понял.

– Зашевелились иные силы, – с пафосом предсказательницы изрекла Душелов.

– Пошли слухи о душалях, – сообщила Радиша, вызвав испуганную реакцию у всех присутствующих, даже у бестелесного шпиона. – Недавно из Дежагора, Мелдермхая, Годжи и Данджиля пришли сообщения о людях, убитых в клас-

сической манере душил.

Лебедь уже явно пришел в себя.

– Классическая работа душил – это когда только убийцы знают, что именно произошло. Они не террористы. Умерщвляемые ими люди погребаются в освященной земле с соблюдением религиозных обрядов.

Радиша проигнорировала его замечание.

– Сегодня убийство произошло здесь, в Таглиосе. Жертва – некий Перхуль Коджи. Он задушен в борделе, специализирующемся на очень юных девушках. Такие места с некоторых пор под запретом, но все же они существуют.

Это было обвинение. Серым вменялось в обязанность громить такого рода притоны. Но серые работали на Протектора, а Протектора гнезда разврата не интересовали.

– Я так понимаю, здесь по-прежнему все продается и все покупается, – заключила Радиша.

Общественная мораль пребывала в полном упадке, и в этом некоторые винили Черный Отряд. Другие считали, что виновато правящее семейство. Находились даже те, кто упрекал Протектора. На самом деле это не имело смысла, ведь большинство самых грязных пороков поселились здесь еще в ту пору, когда на берегу реки выросла первая грязная хибарка.

Таглиос изменился. И люди, впавшие в отчаяние, готовы на все, чтобы выжить. В такой ситуации только глупец может рассчитывать на хороший итог.

– Кто такой Перхуль Коджи? – спросил Лебедь, оглянувшись – позади в потемках скрипел пером его собственный писец. Плетеного явно интересовало, почему Радише известно об этом убийстве, а ему нет. – Может, он просто получил то, за чем пришел? Забавы с малютками иногда заканчиваются печально.

– Не исключено, что Коджи действительно получил по заслугам, – с сарказмом проговорила Радиша. – Как веднаит, он сейчас обсуждает это со своим богом, так я себе представляю. Нас не интересует нравственность этого человека, Лебедь. Все дело в его положении. Он был одним из главных помощников главного инспектора. Собирал налоги в Чекке и на восточных приморских землях. Его смерть создает нам кучу проблем, которую не разгрести и за полгода. Области, которыми он управлял, давали существенную часть годового дохода.

– Может, кто-то из должников...

– Его малолетняя партнерша осталась жива. Она-то и позвала на помощь. В подобных местах всегда есть люди, чья работа – улаживать неприятности. Нет, здесь точно потрудился обманник. Ритуальное убийство, инициация. Кандидат в душилы оказался неуклюж, но с помощью рукохватов он все-таки сломал Коджи шею.

– Так их поймали?

– Нет. Там была та, кого они зовут Дщерью Ночи. Контролировала инициацию.

Это что же получается? Узнав ее, крутые вышибалы перепугались насмерть? Ни гунниты, ни шадариты не хотят верить, что Дщерь Ночи – просто скверная девка, а не мифическая фигура. Среди таглиосских приверженцев этих религий немного найдется смельчаков, которые рискнут встать у нее на дороге.

– Хорошо, – уступил Лебедь. – Похоже, и впрямь поработали душилы. Но откуда известно, что там присутствовала Дщерь Ночи?

Душелов процедила, не сдержав раздражения:

– Она сама заявила об этом, кретин! «Я Дщерь Ночи! Я Предреченная! Я дитя грядущей Тьмы! Отправляйся к моей матери или молись бестиям опустошения в Год Черепов». Горазда она на зловещую чепуху. – Теперь Душелов говорила монотонно, нудным голосом образованного скептика. – Не забывай, что она точная копия моей сестры, какой мерзавка была в детстве. Только бледная, как вампир.

Дщерь Ночи не боялась никого и ничего. Знала, что за нее всегда вступится ее духовная родительница, Кина-Разрушительница, Матерь Тьмы. Что с того, что эта богиня во сне шевелится не чаще, чем раз в десять лет? Слухи о Дщери Ночи уже который год бередили городскую чернь. Очень многие верили: она действительно та, за кого себя выдает. И это лишь добавляло ей власти над человеческим воображением.

Другой слух, со временем утративший силу, связывал Черный Отряд с предсказанным Киной Годом Черепов, ко-

торый наступит, когда таглиосское государство решит предать своих наемных защитников.

Обманники и Отряд оказывали на людей в чем-то схожее психологическое воздействие, отчего молва значительно преувеличивала их численность. Превращение в призраков сделало и тех, и других еще более жуткими в глазах народа.

Важнее всего, однако, было то, что Дщерь Ночи появилась в самом Таглиосе. Причем показалась на публике. А там, где проходила Дщерь Ночи, за ней по пятам, точно прикормленный шакал, следовал вождь всех обманников, живая легенда, живой святой душил Нарайян Сингх – и тоже делал свое злое дело.

Мурген задумался, не прервать ли ему свою миссию, чтобы предостеречь Сари: пусть все прекратит и дождетя прояснения ситуации. Впрочем, остановить раскручивающийся маховик событий теперь едва ли возможно.

Нарайян Сингх был самый заклятым врагом Черного Отряда. Ни Могаба, ни даже Душелов, очень старый недруг братства, не породили такой лютой ненависти к себе, как этот обманник. Сингх и сам, мягко говоря, не питал любви к Отряду. Угодив однажды в руки наемников, он претерпел уйму неудобств от людей, чья совесть была черным-черна от совершенных злодеяний. Со своими обидчиками он надеялся поквитаться, если будет на то воля его богини.

Заседание Тайного совета, как обычно, очень скоро выродилось в нытье и тыканье друг в друга пальцем. При этом Пу-

рохита и главный инспектор юлили, пытаясь валить с большой головы на здоровую; больше всего доставалось голове Лебедея. Пурохита мог рассчитывать на помощь трех «ручных» жрецов – если только это не противоречило планам Душелов. Главного инспектора обычно поддерживала Радиша.

Такие перебранки бывали, как правило, продолжительными, но пустыми, скорее символическими, чем затрагивающими существо дела. Протектор следила, чтобы они не выходили за рамки дозволенного.

Мурген уже был готов отправиться восвояси – его присутствие так и не было замечено, – но тут в зал вбежали два княжеских гвардейца и направились к Плетеному Лебедею, хотя он не был их начальником.

Возможно, они просто боялись сообщить новость непосредственно Протектору, своей непредсказуемой официальной начальнице.

Лебедь выслушал и ударил кулаком по столешнице:

– Проклятие! Так и знал, что это больше чем мелкая неприятность.

Он встал и обогнул Пурохиту, одарив его презрительным взглядом. Эти двое терпеть не могли друг друга.

Началось, подумал Мурген. Надо срочно возвращаться на склад До Транга. Того, что пришло в движение, уже не остановить. Но необходимо рассказать находящимся в штабе о Нарайяне и Дщери Ночи, чтобы ими как можно скорее занялись.

Сари бывала разной, очень разной – как актер, легко меняющий маски. То некромантка, заговорщица, безжалостная, коварная, холодно-расчетливая. То соломенная вдова знаменосца и официальный летописец Отряда. Иногда – просто нежно любящая мать. А всякий раз, отправляясь в город, она превращалась в совершенно другое существо, носившее имя Минь Сабредил.

Минь Сабредил принадлежала к отверженным. Полукровка, внебрачный ребенок хуситского жреца и шлюхи из пле-

мени нюень бао. Минь Сабредил знала о своих предках больше, чем половина людей на улицах Таглиоса о своих, и постоянно сама с собой разговаривала на эту тему. И готова была рассказывать о себе всякому, кого удавалось завлечь в разговор.

Эта жалкая, обделенная судьбой женщина очень рано превратилась в согбенную старуху. Даже люди, никогда с ней прежде не встречавшиеся, узнавали ее по статуэтке Гангешы, с которой она не расставалась. Того самого бога Гангешы, которому, согласно верованиям гуннитов и некоторых нюень бао, подчинялась удача. Минь Сабредил разговаривала с Гангешей, когда больше слушать ее было некому.

Овдовевшая Минь Сабредил вынуждена была содержать единственную дочь, выполняя самую грязную поденщину во дворце. Каждое утро перед рассветом она вливалась в толпу бедолаг, которые собирались у северного входа для слуг в надежде получить работу. Иногда она брала с собой Саву, тупоумную сестру покойного мужа. Приводила и дочь, но довольно редко. Девочка уже была достаточно большой, чтобы привлекать нежелательное внимание.

К ним выходил помощник ключаря Джауль Барунданди и сообщал, сколько нынче нужно работников, а потом отбирал счастливцев. Барунданди всегда указывал на Минь Сабредил – плотские утехы с этакой уродиной его не интересовали, но он мог рассчитывать на изрядную часть ее заработка. Минь Сабредил была в отчаянном положении.

Барунданди нравилась статуэтка, с которой вдова никогда не расставалась. Гуннит и приверженец Хусы, он часто молился о том, чтобы его избавили от участи столь же плачевной, что и у Сабредил. Никогда не признаваясь в этом единоверцам, он питал к Минь сочувствие – из-за того что ей не повезло с отцом. Как и большинство негодяев, он был злым не всегда, а лишь большую часть времени, да и то разменивался на мелкие подлости.

Сабредил, она же Кы Сари, никогда не молилась. Кы Сари не привыкла полагаться на помощь богов. Не подозревая о том, что в душе Барунданди существует крошечный уголок, где ютятся добрые чувства, она уже решила судьбу помощника ключаря. У этого хищника еще будет время и возможность пожалеть о своих грязных делишках.

И не только у него, но и у всех негодяев на необъятных просторах Таглиосской империи.

Мы прошли сквозь лабиринт чар, которыми Гоблин и Одноглазый в течение долгих лет опутывали наш штаб, миновали тысячу волшебных нитей, предназначенных для обмана незваных гостей. Нити обмана были настолько тонки, что обнаружить их могла только сама Протектор.

Но Душелов не рыскала по улицам в поисках укрывшихся врагов. Для этого у нее имелись серые и Тени, летучие мыши и вороны. А эти соглядатаи были слишком глупы, чтобы заметить, как их уводят прочь или искусно препровождают

через территорию, на вид ничем не отличающуюся от соседних. Два маленьких колдуна не жалели времени на починку и расширение своих тенет. И теперь в пределах двухсот ярдов от нашего главного логова никто не оказывался просто так, по своей охоте.

Мы пересекли лабиринт безо всякого труда – с нитяными браслетами на запястьях. Они разгоняли миражи, позволяя видеть вещи такими, каковы они на самом деле.

Вот что часто позволяло нам узнавать о планах дворца еще до того, как они начинали осуществляться. Работая там, Минь Сабредил, а иногда и Сава держали ухо остро.

– Чего ради мы тащимся в такую рань? – пробормотала я.

– Как бы рано мы ни встали, найдутся те, кто нас опередит.

В Таглиосе тьма-тьмущая голи перекатной. Некоторые беодолаги даже ютятся неподалеку от дворца, но не ближе, чем позволяют серые.

Мы оказались возле дворца на несколько часов раньше, чем обычно. Было еще темно, и это позволило нам посетить некоторых братьев из Отряда, которые жили, а иногда и работали, в городе под видом простых обывателей. При каждой встрече из убогой халупы доносился ведьмин голос Минь Сабредил, а Сава следовала за ней по пятам, пуская слюну из уголка кривого рта.

Большинство братьев не узнавали нас. Да от них этого и не требовалось. Они ждали кодового слова, которое должны были передать от начальства мы, мнимые посланники. И это

слово они получали.

Наши люди и сами часто меняли облик. Каждому брату Отряда полагалось создать несколько ролей, чтобы играть их на людях. У одних это получалось лучше, у других хуже. Последним давали менее рискованные задания.

Сабредил посмотрела на огрызок луны, выглянувший сквозь прореху в облаках.

– Пора идти.

Я что-то проворчала, нервничая. Прошло много времени с тех пор, как я принимала участие в предприятии более опасном, чем блуждания вокруг дворца или посещения библиотеки. В этих местах никто не выказывал намерения ткнуть в меня чем-нибудь острым.

– Такие облака бывают перед сезоном дождей, – заметила я.

Обычно сезон дождей начинается позже и приносит с собой ливни, идущие круглые сутки. Погода словно срывается с цепи, безумные температурные перепады сопровождаются градом, а грохочут небеса так, словно все боги гуннитского пантеона упились в доску и затеяли склоку. И тем не менее жару я ненавижу гораздо больше.

Таглиосцы делят год на шесть сезонов. Только один из них, который они называют зимой, дает мало-мальское облегчение от зноя.

– Стала бы Сава обращать внимание на облака? – спросила Сари.

Она считала, что ни при каких обстоятельствах нельзя выходить из образа. В городе, где правит Тьма, никогда не знаешь, чьи глаза наблюдают из сумрака, чьи невидимые уши встали торчком.

– Гм... – Это было, наверное, самое умное из сказанного Савой за всю ее жизнь.

– Пошли.

Сабредил повела меня во дворец – как всегда, держа за руку. У главного северного входа, который находился всего в сорока ярдах от двери для слуг, горел единственный факел – чтобы гвардейцы могли следить за происходящим снаружи. Но он был установлен так неудачно, что помогал им видеть лишь честных людей. Когда мы были уже совсем рядом, кто-то прокрался вдоль стены, подпрыгнул и накинул на факел мокрый мешок из сыромятной кожи.

Один из стражников грубо выругался – значит, заметил, что свет погас. Интересно, хватит у него глупости пойти и выяснить, что случилось?

Скорее всего, да. Княжеская гвардия стала довольно беспечной – на протяжении пары десятилетий она не сталкивалась с серьезными неприятностями.

Край луны скрылся за облаками, и тут же какая-то тень скользнула ко входу во дворец. Наступал этап нашей операции, который требовал особой ловкости. С этим необходимо успеть, пока меняется караул.

Возня. Сдавленный вскрик. Громкий голос – кто-то поже-

лал узнать, что происходит. Треск, стук, лязг – люди ломаются в ворота. Вопли. Свист. Через четверть минуты ответный свист с разных сторон. Пока все идет точно по плану. Через некоторое время свист, доносившийся от входа во дворец, стал пронзительным.

Когда замысел только обсуждался, разгорелся нешуточный спор по поводу того, должно ли нападение быть реальным. Было мнение, что одолеть охранников не составит труда. Некоторые решительно настроенные, уставшие ждать, настаивали на том, чтобы ворваться внутрь, убивая всех подряд.

Какое-то удовлетворение это, безусловно, принесло бы, но мы бы наверняка не смогли уничтожить Душелов. К тому же массовое убийство ни в коей мере не способствовало бы выполнению нашей главной задачи, освобождению Плененных.

Я постаралась убедить всех, что нам следует воспользоваться старинной тактикой Отряда, почерпнутой из Анналов. Пустим врага по ложному следу, заставим думать, что у нас на уме одно, а на самом деле сделаем нечто совсем другое и в другом месте.

Поскольку Гоблин и Одноглазый совсем состарились, наши уловки должны быть все более изощренными. У колдунов не хватило бы ни чар, ни выносливости, чтобы создать длительную иллюзию серьезной потасовки. И обучить Сари своим секретам они не могут, даже если бы захотели. У ее

таланта совсем иная направленность.

Первые серые, которые прибежали на шум, угодили в засаду. Последовала жестокая схватка, но все же несколько серых ухитрились прорваться ко входу во дворец и присоединиться к защищавшим его из последних сил охранникам.

Мы с Сабредил заняли позицию у стены, между главным входом и тем, который предназначался для слуг. Сабредил крепко сжимала в кулаке своего Гангешу и что-то бормотала. Вцепившаяся в нее Сава несла всякую чушь и время от времени испуганно вскрикивала и пищала.

Хотя атакующие косили серых как траву, пробиться сквозь заслон не удалось. Потом прибыла помощь, из дворца наружу хлынул взвод княжеской гвардии с Плетеным Лебедем во главе. Нападающие мигом рассеялись. Настолько быстро, что Лебедь закричал:

– Стойте! Здесь что-то не так!

Внезапно ночь взорвалась. Огненные шары со свистом рассекали воздух. О них уже и думать забыли – это оружие никто не пускал в ход после тяжелых сражений, завершивших войну с Хозяевами Теней. Тогда Госпожа создавала его в огромных количествах, но, кроме нее, этого не мог делать никто. Оставшийся запас приходилось заботливо экономить.

Согласно нашему плану стреляли те из нападающих, которые прежде устроили схватку у входа. Их задачей было отделить Лебеда от гвардейцев и серых.

От этого зависела его жизнь.

Шары падали возле взвода, на приличном расстоянии от Сабредил и меня. Лебедь явно струхнул. Когда комок огня лег у самого входа, отрезав Плетеного от остальных, он, как и предполагалось, отступил ко входу для прислуги. Мимо нас.

Добрый старый Лебедь. Можно подумать, что он читал придуманный мной сценарий. Когда его люди, спасаясь от шаров, бросились в разные стороны, он шарахнулся к стене, едва успев уклониться от очередного снаряда. Над нашими головами летели брызги расплавленного камня и куски горячей плоти, и я подумала, что мы малость перестарались. Может, и не малость, а самым роковым образом. Просто забыли, какой разрушительной силой обладает это оружие.

Лебедь споткнулся о ногу, которую выставила Минь Сабредил. Растянувшись на булыжной мостовой, он обнаружил, что над ним склонилась бормочущая какую-то чушь идиотка. Кончик кинжала уперся ему под нижнюю челюсть.

– Попробуй только пикнуть, – прошептала она.

Огненные шары ударились о стену дворца и расплавляли ее, торя себе путь внутрь. Деревянные ворота пылали. Света хватало, и братья прекрасно разглядели сигнал о том, что нужный человек у нас в руках.

Огонь становился более прицельным. Усиливался натиск на серых, к которым на подмогу сбегались товарищи. Вторая демонстративная атака. Двое братьев подбежали и забрали Лебедея, отогнав нас пинками и руганью. А потом наши отхлынули, так и не встретив серьезного сопротивления.

Когда они исчезли во мраке, случилось то, чего мы опасались больше всего.

Душелов поднялась на стену посмотреть, что происходит. Догадаться об этом нам с Сабредил было несложно, – едва кто-то заметил Протектора, бой прервался на несколько секунд. Потом огненный шквал полетел в ее сторону.

Нам повезло. Застигнутая врасплох, она ничего не смогла предпринять, только уворачивалась. Наши братья действовали четко по плану: бегом спустились с холма и затерялись среди горожан прежде, чем Душелов смогла отправить следом за ними летучих мышей и ворон.

Я не сомневалась, что в считанные минуты ближайшие кварталы будут охвачены смятением. Наши этому посодействуют, распуская самые дикие слухи. Лишь бы только не пороли горячку.

Сабредил и Сава переместились шагов на двадцать в направлении входа для слуг. Постояли в обнимку, бессвязно лопоча и озирая горящие трупы, и тут испуганный голос осведомился:

– Минь Сабредил? Что ты здесь делаешь?

Джауль Барунданди. Помощник ключаря, наш начальник. Я даже головы не подняла. И Сабредил не отвечала, пока Барунданди не пнул ее носком башмака и не повторил вопрос. В его тоне, впрочем, не чувствовалось злости.

– Мы решили прийти сегодня пораньше, Саве очень нужна работа. – Сабредил огляделась по сторонам. – Где все?

Где им еще быть, всем? Тем четверым или пятерым, что ухитрились занять очередь первыми? Естественно, разбежались. У нас могут быть неприятности. Что эти люди успели увидеть? Предполагалось, что их прогонит первый же залп, прежде чем Лебедь окажется рядом с нами, но я не могла вспомнить, так ли все произошло.

Сабредил повернулась к Барунданди. Я крепче вцепилась в ее руку и жалобно заскулила. Она успокаивающе погладила меня по плечу и пробормотала что-то неразборчивое. Барунданди купился на этот спектакль. Сабредил была очень убедительной, обнаружив, что у Гангеша отломился один из хоботов. Как она рыдала, в какой панике искала пропажу на земле!

Вместе с Барунданди наружу вышло несколько его подручных, они оглядывались и спрашивали друг у друга, что стряслось и чем они должны заняться. Похожая ситуация у главного входа, там толпятся растерянные охранники и заспанная прислуга. Ну и дела! Несколько огненных шаров прожгли стену, а ведь она в шесть-восемь футов толщиной! Шадариты, проделавшие путь в добрую милю, собирали мертвых и раненых серых. Они тоже ломали голову над происшедшим.

Смягчившись, Джауль Барунданди подозвал помощника: – Проводи этих двух внутрь. Будь деликатен, – возможно, с ними захочет поговорить кто-нибудь высокопоставленный и могущественный.

Я надеялась, что не выдала себя, вздрогнув. Попасть во дворец я и сама хотела, но мне не приходило в голову, что его хозяева могут заинтересоваться: не заметили ли чего-нибудь важного две женщины из городских низов, чуть ли не из касты неприкасаемых.

Напрасно я волновалась. С нами побеседовал сильно растерявшийся сержант княжеской гвардии, и делал он это, по-видимому, только в качестве одолжения Джаулю Барунданди. У которого, как считал вояка, просто разыгрались амбиции и который затеял угодить правителям, приведя к ним свидетелей трагедии.

Поняв, что никакой выгоды не будет, Джауль утратил к нам интерес.

Спустя несколько часов мы все же оказались внутри. Тут

по-прежнему царило возбуждение и носились тысячи самых нелепых слухов. Предводители княжеской гвардии и серых пригоняли все новые отряды надежных бойцов и рассылали по казармам регулярной армии соглядатаев – а вдруг солдаты как-то замешаны в нападении?

В это время Минь Сабредил и ее идиотка-золовка уже усердно трудились. Барунданди велел им навести порядок в комнате, где собирался Тайный совет. Там все было перевернуто вверх дном. Будто кто-то вышел из себя и принялся крушить все вокруг.

– Сегодня придется хорошенько поработать, Минь Сабредил. Утром пришло совсем мало народу. – Судя по голосу, Барунданди был изрядно расстроен. Из-за налета большинства поденщиков разбежались, а значит, ему достанется меньше mzды. Пройдохе даже в голову не приходило поблагодарить судьбу за то, что вообще остался жив. – Как она, в порядке?

Он имел в виду меня, Саву. Я все еще вздрагивала, причем весьма натурально.

– Все будет хорошо, пока я рядом. Не стоит отправлять ее сегодня туда, где она не сможет меня видеть.

– Ладно, работы и здесь хватит, – проворчал Барунданди. – Только глаза господам не мозольте.

Сабредил отвесила легкий поклон – что-что, а глаза не мозолить она умела. Та еще скромница.

Минь усадила меня за двенадцатифутовой длины стол, на-

валила передо мной гору ламп, подсвечников и всего прочего, чем недавно здесь швырялись в ярости. Я заставила себя полностью сосредоточиться на работе, как и полагалось Сава, и принялась их чистить. Сабредил приводила в порядок пол и мебель.

Люди входили и уходили; хватало среди них и важных персон. Никто не обращал на нас внимания, только главный инспектор Чандра Гокле в сердцах отшвырнул пинком Сабредил, которая скоблила пол как раз там, где ему захотелось пройти.

Сабредил, вернувшись в коленопреклоненную позу, робко извинилась. Гокле было на нее наплевать. Она принялась вытирать разлившуюся воду, не проявляя никаких эмоций. Минь Сабредил привыкла к такому обращению. Но у меня возникло подозрение, что в этот момент Кы решила, кто из врагов попадет к нам в руки следующим после Плетеного Лебеда.

Появились Радиша с Протектором и уселись на свои места. Вскоре, точно из воздуха, возник Джауль Барунданди – чтобы увести нас. Сава, казалось, не замечала ничего, сосредоточившись на подсвечнике.

Торопливо вошел высокий капитан-шадарит.

– О великие, согласно предварительному подсчету, погибло девяносто восемь и покалечено сто двадцать шесть человек, – сообщил он. – Часть раненых умрет. Министр Лебедь не найден, но многие тела так сильно обожжены, что это за-

трудняет опознание. Те, в кого попадал огненный шар, вспыхивали, точно сальные факелы.

Капитану стоило немалых усилий сохранять спокойствие. Совсем молодой, он наверняка до сих пор не сталкивался с последствиями реального боя.

Я продолжала работать, изо всех сил стараясь сохранять образ. Мне не случалось находиться так близко к Душелов ни разу за пятнадцать лет, с тех пор как она держала меня в плену. Не слишком приятные воспоминания. Дай бог, чтобы она меня не узнала.

Я вдруг вспомнила о своем внутреннем убежище, где тоже ни разу не бывала после плена. Петли на дверях заржавели, но я все же пробралась туда и теперь могла ни о чем не волноваться, пока оставалась Савой. Сосредоточенность и самоуглубленность не мешали следить за происходящим вокруг.

Протектор внезапно спросила:

– Кто эти женщины?

Барунданди завилял хвостом:

– Простите, о великие. Моя вина. Я не знал, что эта комната может понадобиться.

– Отвечай на вопрос, дворецкий, – приказала Радиша.

– Конечно, о великая. – Барунданди поклонился чуть не до полу. – Женщина, которая моет пол, – Минь Сабредил, вдова. Вторая – ее дурочка-золовка Сава. Они не служат во дворце постоянно, мы даем им поденную работу согласно

благотворительной программе Протектора.

– Такое ощущение, будто я видела одну или, может быть, даже обеих прежде, – задумчиво проронила Душелов.

Барунданди снова низко поклонился. Этот внезапный интерес испугал его.

– Минь Сабредил работает здесь много лет, Протектор. Сава помогает, когда ее разум проясняется настолько, что можно поручать ей несложные задачи.

Я чувствовала, что он решает для себя вопрос, стоит ли упомянуть о том, что мы непосредственные свидетельницы утреннего нападения. Затем я так глубоко ушла в себя, что пропустила происходившее в течение нескольких минут.

Похоже, Барунданди пришел к выводу, что лучше помалкивать. Может, опасался, что при более тщательном допросе вылезет наружу тот факт, что мы вынуждены отдавать ему половину своего ничтожного заработка за право выполнять работу, от которой руки превращаются в кровоточащие, ноющие клешни.

В конце концов Радиша сказала ему:

– Уйди, слуга. Пусть они работают. Сейчас здесь не будет решаться судьба империи.

И Душелов махнула рукой в перчатке, прогоняя Барунданди, но внезапно остановила его и осведомилась:

– Что там валяется на полу, рядом с этой женщиной?

Она, конечно, имела в виду Сабредил, поскольку я сидела за столом.

– А? А-а... Гангеша, о великая. Вдова с этим божком не расстается, просто помешана на нем. Он...

– Ладно, ступай.

Вот так и получилось, что Сари на протяжении почти двух часов присутствовала при обсуждении мер, которыми власти должны были ответить на нападение.

Спустя некоторое время я очнулась и успела услышать изрядную часть совещания. Приходили и уходили курьеры. Постепенно вырисовывалась достаточно верная картина. Подтвердилось, что ни у армии, ни у обывателей нет серьезных причин, чтобы именно сейчас поднять мятеж. Радишу вполне удовлетворила эта новость.

Однако Протектор была и умнее, и подозрительнее. Циничная старуха.

– Никого из нападавших не удалось захватить, – сказала она. – Даже трупов они не оставили. Похоже, вообще не понесли потерь. Если разобраться с этой историей повнимательней, получается, что они постарались избежать малейшего риска. И при первом намеке на серьезное противодействие поспешили убраться. К чему же тогда весь спектакль? Какова их истинная цель?

Чандра Гокле заметил вполне резонно:

– Они атаквали с исключительным пылом, пока ты не появилась на парапете. Именно в этот момент противник обратился в бегство.

– Протектор, некоторые уцелевшие слышали, как банди-

ты спорили между собой, ты ли это на самом деле, – добавил капитан-шадарит. – Похоже, рассчитывали, что тебя нет во дворце. Может, нападение вообще не состоялось бы, знай они о твоём присутствии.

Я считаю, что морочить врагу голову полезно. Похоже, сейчас это сработало.

– И тем не менее все в целом не имеет смысла. Что за безумная идея? – Она не рассчитывала на ответ и не дожидаясь его. – Удалось ли опознать кого-нибудь из сгоревших?

– Только троих, Протектор. Большинство даже облик человеческий утратило.

– Чандра, каковы материальные повреждения? – спросила Радиша. – Ты уже получил донесение от специалистов?

– Да, Радиша. Ничего хорошего они не сообщили. Очевидно, в стене есть структурные разрушения. Полную оценку мы получим чуть позже. Но уже можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время стена будет не слишком надежной защитой для дворца. Предлагаем прикрыть зону восстановительных работ временной деревянной стеной. И подумать, не усилить ли этот участок войсками.

– Солдат пригнать? – спросила Протектор. – Зачем нам здесь еще солдаты?

В ее голосе, долго остававшемся ровным, зазвучала подозрительность. Известно, что братья Черного Отряда страдали паранойей. Для тех же, у кого вообще нет друзей, это заболевание практически неизбежно.

– Имеющийся гарнизон слишком мал, чтобы защитить дворец. Даже если всю челядь вооружим, это не снимет проблему. Враг может проникнуть не только через ворота. Что, если он перелезет через стену на неохраемом участке?

– И заблудится во дворце, не имея подробной карты, – возразила Радиша. – Я знаю лишь одного человека, передвигавшегося тут совершенно свободно. Его звали Копченый, и он когда-то был у нас придворным колдуном. Чутье у него было особое.

Главный инспектор заметил:

– Если нападение было организовано кем-то из случайно уцелевших братьев Черного Отряда – а огненные шары позволяют усмотреть тут некоторую связь, даром что Отряд был уничтожен Протектором, – то у них могут быть карты коридоров дворца, изготовленные в то время, когда здесь квартировали люди Освободителя.

– Карту дворца составить невозможно, – стояла на своем Радиша. – Мне это доподлинно известно. Я сама пыталась.

А вот за это, княжна, нужно благодарить Гоблина и Одноглазого. Много лет назад Капитан добился, чтобы наши колдуны засучили рукава и щедро начинили дворец своими запутками. Были у нас кое-какие секреты, которые требовалось надежно защитить от Радиши. Среди них и древние тома Анналов, в которых, как предполагается, объяснена тайна возникновения Отряда. До них пока никто не добрался. Только Минь Сабредил знает, где искать эти тома. При ма-

лейшей возможности она проникала в хранилище, вырывала несколько страниц и потихоньку выносила для меня. Я шла с ними в библиотеку и, когда никто не видел, переводила помаленьку, надеясь когда-нибудь наткнуться на ту единственную фразу, которая поможет нам освободить Плененных.

Сава чистила медь и серебро. Минь Сабредил отмывала пол и мебель. Члены Тайного совета и их помощники приходили и уходили. Паника понемногу утихала, поскольку новых нападений не случалось. Жаль, что нас слишком мало и мы не можем беспокоить врагов достаточно часто, чтобы они забыли о сне и отдыхе.

Душелов держалась на удивление тихо. Лучше, чем она, Отряд знали только Капитан, Гоблин и Одноглазый – и лишь потому, что они знали Отряд изнутри. Протектор понимала – чуяла, – что все не так просто.

Я очень надеялась, что она так и не разгадает загадку сегодняшнего нападения, хотя и опасалась, что ей уже многое ясно, поскольку она продолжала интересоваться сгоревшими охранниками и Плетеным Лебедем. Неужели мой план настолько примитивен, что до сих пор не понят Протектором только потому, что мысль о похищении просто не укладывается у нее в голове?

Вот и отмыт последний подсвечник. Я не глядела по сторонам, не говорила, не двигалась. Все-таки легче не думать о чудовище, сидящем напротив, когда руки заняты. Я принялась молча молиться – как меня учили, когда я была малень-

кой. Женщине, объясняли мне тогда, это занятие никогда не повредит. Да и Сари не раз повторяла, что молитва помогает не выходить из образа.

Помогло и на этот раз.

Потом вернулся Джауль Барунданди. Под взглядами своих господ он вел себя с нами как лучший в мире начальник. Сказал Сабредил, что пора уходить. Сабредил растормошила Сава. Слезая со стула, я жалобно захныкала.

– Что с ней? – спросил Барунданди.

– Голодна. Мы не ели весь день.

Обычно нас кормили – объедками, конечно. Какой ни есть, а приварок. Сабредил и Сава обычно часть своей доли забирали домой. Все работницы так делали, во дворце к этому давно привыкли.

Протектор наклонилась вперед, пристально взгляделась в наши лица. Чем, хотелось бы знать, вызвано подозрение? Может, у нее настолько тяжелая паранойя, что просыпается по малейшему сигналу интуиции? Или Душелов действительно может читать мысли, хотя бы отчасти?

– Ладно, пошли на кухню, – сказал Барунданди. – Сегодня у поваров осталось много несъеденного.

Мы потащились за ним. Каждый шаг ощущался как прыжок длиной в лигу – от зимы к весне, от тьмы к свету. Отойдя на приличное расстояние от зала заседаний, Барунданди сильно удивил нас. Пригладив ладонью кудри и переведя дух, он сказал Сабредил:

– Ох, до чего же хорошо вырваться оттуда! В присутствии этой женщины у меня волосы дыбом.

Мне тоже рядом с ней было неуютно. И только глубочайшее проникновение в образ помогло не выдать себя.

Кто бы мог подумать, что в Джауле Барунданди сохранилось что-то человеческое? Сабредил сильно сжала мою руку, и я вздрогнула.

Минь смиренно подтвердила: да, Протектор жуткий человек.

Кухня, обычно недоступная таким, как мы, поденщикам, была настоящей драконьей пещерой, полной съедобных сокровищ. И даже дракон отсутствовал. Сабредил и Сава наелись так, что едва могли двигаться. Да и с собой прихватили немало, надеясь все это добро вынести. Получили свои жалкие медяки и поспешили смыться, пока на них не навалили новой работы или до помощников Барунданди не дошло, что отдаваемая им обычно часть заработка уплывает из рук.

Снаружи у входа стояли вооруженные охранники. Это что-то новое. Серые, не солдаты. Они не слишком интересовались теми, кто выходил наружу. И не производили обычного беглого досмотра, целью которого было выяснить, не стащил ли кто-нибудь из бедняков княжеское столовое серебро.

Жаль, что мы изображали людей совершенно нелюбопытных. Иначе я смогла бы получше разглядеть причиненные нами повреждения. Плотники уже поставили леса, начали

строить деревянную стену. Но даже замеченного мимоходом было достаточно, чтобы воодушевиться. До сих пор мне не случилось видеть собственными глазами, на что способны более поздние модели оружия, стреляющего огненными шарами. Фасад дворца казался сделанным из темного воска, в который раз за разом втыкали раскаленный железный прут. Камень не только расплавился и потек, но местами просто испарился.

Мы освободились гораздо раньше, чем обычно. Была только середина дня. Я страстно желала поскорее убраться подальше, но Сабредил придержала меня. Дворец окружала безмолвная толпа, собравшаяся поглазеть на разрушения. Минь пробормотала что-то вроде: «Десять тысяч глаз».

Я ошиблась. Люди собрались в великом множестве не только для того, чтобы полюбоваться плодами наших ночных трудов и подивиться тому, насколько слабыми оказались защитники Протектора. Их интерес вызвали четыре монаха Бходи. Один взгромоздился аж на молитвенное колесо, венчающее мемориальный столб из тех, что высились неподалеку от разгромленного входа, с наружной стороны быстро растущей деревянной стены. Двое других распростерлись на шикарно расшитом красно-оранжевом полотне, расстелен-

ном на булыжной мостовой. Четвертый, сияя обритым наголо черепом, стоял перед серым, совсем молодым, лет шестнадцати. Этот монах скрестил на груди руки, глядя как бы сквозь юнца, который неловко переминался с ноги на ногу, не зная, как помешать этим людям. Протектор строго-настрого запретила подобные действия.

А вот это уже нечто, способное заинтересовать даже Минь Сабредил. Она остановилась. Сава вцепилась ей в предплечье и вытянула шею, чтобы лучше видеть.

Неприятное ощущение – стоять вот так, на виду, в дюжине шагов от безмолвствующей толпы зевак.

Вскоре к серому мальчишке прибыло подкрепление в виде мерзкого на вид сержанта-шадарита, который, по-видимому, вообразил, что у монахов проблема со слухом.

– Убирайтесь! – завопил он. – Или мы вас уберем!

Монах со скрещенными руками ответил:

– Протектор посылала за мной.

Поскольку мы с Сари еще не получили последнего отчета от Мургена, то понятия не имели, о чем идет речь.

– Чего-чего?

Бходи, возившийся с молитвенным колесом, объявил, что оно готово. Сержант взревел и ударил тыльной стороной ладони, сбросил колесо со столба. Монах наклонился, поднял колесо и снова приступил к установке. Адепты Бходи никогда не применяли насилия, не оказывали сопротивления, но упрямства им было не занимать.

Двое распростертых на молитвенном ковре поднялись с таким видом, будто выполнили задуманное, и что-то сказали человеку со скрещенными руками. Тот едва заметно кивнул и поднял глаза, чтобы встретить взгляд старшего серого. И провозгласил голосом громким, но пугающе спокойным:

– Раджахарма, долг князей. Знай же: княжеский сан – это доверие. Князь – облеченный высшей властью и самый добросовестный слуга народа.

Все свидетели этой сцены никак не прореагировали на тираду, будто ничего не слышали, а если и слышали, то не поняли.

Монах, который говорил, опустился на молитвенный ковер, имевший почти тот же цвет, что и его одежда.

Распростершись на нем, монах, казалось, растворился в чем-то всепоглощающем, необъятном.

Один из двух собратьев протянул ему большой кувшин. Лежащий поднял его, как будто предлагая небу, а потом опрокинул, вылив на себя содержимое. Испуганный сержант-шадарит заозирался в поисках помощи.

Молитвенное колесо опять стояло на месте. Монах, который им занимался, привел его в движение и отошел к тем двум собратьям, которые прежде лежали на молитвенном ковре.

Адепт, обливший себя, ударил кремнем по огниву и исчез в клубе пламени. Я ощутила запах керосина. Жар обрушился на нас точно удар. Оставаясь по-прежнему в образе,

я вцепилась в Сабредил обеими руками и испуганно залопотала. Она быстро зашагала прочь, ошеломленная, с широко распахнутыми глазами.

Горящий монах не издавал ни звука и не делал ни одного движения до тех пор, пока жизнь не покинула его, оставив лишь обуглившийся труп.

Толпа окружила мертвеца, ругаясь на разных языках. Теперь в ней чувствовалось возбуждение совсем иного рода. Последователи Бходи, которые помогали в подготовке ритуального самосожжения, исчезли, воспользовавшись моментом, пока все взгляды были сосредоточены на сгоревшем.

Над головами кружили вороны, бранясь на своем языке. Душелов уже знает. А если не знает, скоро ей донесут.

Мы шли дальше через возбужденную толпу, направляясь домой. Монахи Бходи, помогавшие свершиться ритуальному самоубийству, исчезли, пока все взоры были прикованы к их горящему брату.

Не могу поверить, что он сделал это! – сказала я, срывая с себя вонючие тряпки Савы вместе с ее юродивой личностью.

Мы никак не могли успокоиться даже дома. Не хотелось говорить ни о чем, кроме этого самоубийства. Наши ночные труды отошли на второй план. Страхи остались позади, мы благополучно выбрались.

Тобо уж точно не поверил. Заявив об этом вскользь, он потребовал, чтобы мы выслушали его рассказ обо всем, увиденном его отцом во дворце этой ночью. Для точности маль-

чик постоянно сверялся с записями, которые сделал с помощью Гоблина. Он ужасно гордился выполненной работой и хотел, чтобы мы по достоинству оценили ее.

– Но он даже не поговорил со мной, мама. Только сердился, когда я о чем-нибудь спрашивал. Как будто хотел как можно скорее покончить с делами и убраться отсюда.

– Знаю, дорогой, – сказала Сари. – Знаю. Он и со мной вел себя точно так же. Вот, нам хлеба удалось добыть, поешь. Гоблин, как там Лебедь? В порядке?

Одноглазый захихикал:

– Насколько это возможно для человека со сломанными ребрами. И с полными штанами дерьма. – Он снова захихикал.

– Сломанные ребра? Объясни.

– А что тут непонятного? – ответил Гоблин. – Кто-то, имеющий зуб против серых, малость переусердствовал. Нет причин для беспокойства. У парня будет уйма возможностей раскаяться в том, что он позволил чувствам взять верх над разумом.

– Я вымоталась, – сказала Сари. – Мы целый день провели в одной комнате с Душелов. Думала, что взорвусь.

– А я изо всех сил сдерживалась, чтобы не завопить и не выскочить оттуда. Пришлось так сильно сосредоточиться на Саве, что я пропустила мимо ушей половину того, о чем они говорили.

– То, о чем они не говорили, возможно, даже более важно.

Душелов явно что-то заподозрила.

– Говорил я тебе, нужно добраться до их глоток! – рявкнул Одноглазый. – Пока эти гады не поверили в наше существование. Перебьем всех, и тогда не придется ловчить и хитрить, пытаюсь вызволить нашего Старика.

– Нас бы просто прикончили, – сказала Сари. – Душелов и так уже начеку. Это из-за Дщери Ночи. Кстати, я хочу, чтобы вы поискали ее, и Нарайяна заодно.

– Заодно? – переспросил Гоблин.

– Наверняка Душелов будет охотиться за ними с превеликим энтузиазмом.

– Кине, должно быть, опять не спится, – заметила я. – Нарайян и девушка не появились бы в Таглиосе, не будь они уверены, что богиня их защитит. А это означает также, что Дщерь может возобновить копирование Книг Мертвых. Сари, скажи Мургену, чтобы приглядывал за ними. – Эти жуткие древние Книги были погребены в той же пещере, что и Пленные. – Во дворце у меня возникла мысль, пока я сидела без дела, управившись с подсвечниками. Насколько я помню, в Анналах Мургена нет ничего, что могло бы нам сейчас помочь. Там описывались в основном текущие события. И все же, когда я сидела в нескольких шагах от Душелов, возникло отчетливое ощущение, будто я упустила нечто важное. Аж в дрожь бросило. Но я так давно не заглядывала в Анналы, что не могу сказать, чем вызвано это чувство.

– Теперь у тебя будет время. На несколько дней нам нужно

залечь на дно.

– Ты-то собираешься ходить на работу?

– Если исчезну именно сейчас, это будет выглядеть подозрительно.

– А я собираюсь ходить в библиотеку. Обнаружила там кое-какие исторические труды, относящиеся к ранним дням Таглиоса.

– Да ну? – прохрипел Одноглазый, резко очнувшийся от полудремы. – Тогда окажи услугу, выясни, почему здешние правители – всего лишь князья. Территории, которые им принадлежат, пообширней, чем большинство королевств в округе.

– Мне этот вопрос никогда не приходил в голову, – вежливо ответила я. – И скорее всего, никому из местных жителей тоже. Хорошо, я поищу.

Если не забуду.

Из сумрачной глубины склада донесся нервный смех. Плетеный Лебедь. Гоблин сказал:

– Играет в тонк с ребятами, которых знавал в прежние времена.

– Нужно вывезти Лебеда из города, – решила Сари. – Где можно его содержать?

– Мне он нужен здесь, – возразила я. – Необходимо расспросить его о плато. Потому-то мы его и взяли первым. И если я найду что-нибудь в библиотеке, не тащиться же мне для разговора с ним к черту на кулички.

– Что, если Душелов его как-то пометила?

– У нас найдется пара жопоруких колдунешек, чтобы хорошенько его проверить. Вдвоем уж как-нибудь справятся.

– Что за выражения, девочка?

– Прости, Одноглазый, забылась. Хотела сказать, что вы вдвоем – как один настоящий чародей...

– Дрема дело говорит. Если Душелов его пометила, вы должны с этим разобраться.

– Думай головой! – буркнул Одноглазый. – Будь он помечен, Душелов уже была бы здесь, а не заставляла своих прихвостней разыскивать его косточки.

Кряхтя и постанывая, коротышка выкарабкался из кресла и зашаркал в полумрак, но не туда, откуда доносился голос Лебеда.

– Он прав, – согласилась я.

И направилась в ту сторону, где сидел Лебедь. Я не видела его почти пятнадцать лет. За моей спиной Тобо принял-ся донимать Сари расспросами о Мургене. Его явно задело безразличие отца.

Я подозревала, что Мурген до сих пор не понял, кем ему является Тобо. Это из-за серьезной проблемы с восприятием времени, возникшей еще в осажденном Дежагоре. Возможно, Мурген думает, что все еще живет пятнадцать лет назад, запрыгивая оттуда на время в вероятное будущее.

Свет упал на мое лицо, когда я подошла к столу, где Ле-

бедь играл в карты с братьями Гупта и капралом по имени Недоносок. Плетеный уставился на меня:

– Дрема, ты? Ничуть не изменился. Что, тебя Гоблин или Одноглазый заколдовал?

– Бог добр к тем, кто чист сердцем. Как твои ребра?

Лебедь пригладил остатки волос.

– А, ничего страшного. – Он потрогал бок. – Жить буду.

– Неплохо держишься.

– Я уже давно нуждался в отпуске. Теперь от меня ничего не зависит. Можно отдыхать, пока она не найдет меня снова.

– А она может?

– Ты сейчас Капитан?

– У нас уже есть Капитан. Я по части ловушек. Так что, разыщет она тебя?

– Ну, сынок, я бы сказал, что ответ на этот вопрос лежит в области «а хрен его знает». С одной стороны Черный Отряд с его четырехсотлетним опытом выпутывания из передрыг и напастей. На другой – Душелов с четырьмя же веками ведьмовства и безумия. Хоть монетку бросай.

– Она тебя как-нибудь пометила?

– Только шрамами.

Тон, которым это было произнесено, побудил меня высказать догадку:

– Хочешь перейти на нашу сторону?

– Шутишь? Неужели весь этот сыр-бор только для того, чтобы завербовать меня в Черный Отряд?

– Весь этот сыр-бор только для того, чтобы показать миру: мы все еще живы и можем делать, что и когда пожелаем, и плевать нам на Протектора. А еще нужно было захватить тебя. С живейшим интересом послушаю, что ты знаешь о плато Блистающих Камней.

Он несколько секунд изучающе разглядывал меня, а потом уткнулся в свои карты.

– Не ко времени этот разговор.

– Решил в молчанку поиграть?

– Да помилуй! Я готов болтать, пока у тебя уши не завянут. Но держу пари, ты не услышишь ничего, о чем еще не знаешь. – Он сбросил пикового валета.

Недоносок взял карту из колоды, выложил группу от девятки до дамы, сбросил даму червей и ослабился. Да, пора ему с такими зубами на прием к Одноглазому.

– Вашу мамашу! – проворчал Лебедь. – Продул партию. Парни, как вам это удастся? Наипростейшая игра в мире, но вроде я не встречал еще таглиосца, сумевшего ее постичь.

– Играй почаще с Одноглазым – и научишься. Син, подвинься, я сыграю, а заодно поковыряюсь в мозгах у этого типа.

Я придвинула стул к столу, ни на миг не спуская с Лебеда глаз. Уж он-то не хуже меня умеет входить в образ. Это не тот Плетеный Лебедь, о котором рассказывал Мурген в своих Анналах, и не тот, которого Сари встречала во дворце.

Я взяла свои пять карт:

– Завидная невозмутимость, Лебедь.

– А зачем напрягаться? Хуже, чем есть, уже не будет. У меня нет даже двух карт одинаковой масти.

– Уверен, что хуже не будет?

– А что я могу? Только расслабиться и получать удовольствие. Играть в тонк, пока не придет моя подружка и не уведет меня домой.

– Неужели совсем не боишься? Судя по донесениям нашей разведки, у тебя во дворце положение даже более шаткое, чем было у Копченого.

У Лебедея отвердели лицевые мышцы. Сравнение не пришлось ему по вкусу.

– Самое худшее уже случилось, разве нет? Я в руках врагов. Но все еще не замучен.

– Никаких гарантий, что так будет и дальше. Если не захочешь нам помогать. Проклятье! Если так дело пойдет и дальше, мне придется сходить в ближайший храм и обчистить ящик для пожертвований!

Карта ко мне так и не шла до конца партии.

– Я готов петь, как дрессированная ворона, – сказал Лебедь. – Как целая стая ворон. Но помощи от меня будет немного. Неужто веришь, что я в самом деле был среди заправил?

– Может, и не верю.

Он сдавал, а я пристально наблюдала за руками: а ну как попробует смухлевать? Вроде был момент, когда эго искус-

ного шулера побуждало Лебедея вспомнить, не изменила ли ему ловкость рук. Но если и возникла у него такая мысль, он решил, что меня не провести, и воздержался. Выходит, не зря я обучалась тонкостям игры у Одноглазого.

– Но ты должен это доказать. Для начала объясни, как вам с Душелов удалось живыми выбраться с плато.

– Ну, это просто. – Он сдал карты без фокусов. – Мы неслись быстрее гнавшихся за нами призраков. На тех черных конях, которых Отряд привел с севера.

Может, он и не лгал. Мне самой не раз приходилось ездить на этих волшебных бестиях. Они скачут несравненно быстрее обычных коней, а усталости и вовсе не знают.

– Ну, допустим. И что, у нее нет какого-нибудь особого талисмана?

– Ни о чем таком не слышал.

Опять дрянные карты. Допрос Лебедея может дорого мне обойтись. В нашей команде я не самый сильный игрок в тонк.

– Что случилось с конями?

– Насколько мне известно, все пали. Их прикончило время, или магия, или раны. Что весьма огорчило эту суку. Она не любит ни ходить, ни летать.

– Летать?

Я так сильно удивилась, что сбросила карту, которую следовало придержать. Один из братьев Гупта воспользовался этим и заработал еще пару монет.

– Пожалуй, мне нравится играть с тобой, – заявил Лебедь. – Да. Летать. У нее пара ковров, сделанных Ревуном, но управлять ими она толком так и не научилась. В этом я на собственном опыте убедился. Тебе сдавать. Эта хреновина так вихляет, что свалиться с нее ничего не стоит. А вихляет она даже на пятифудовой высоте.

Неизвестно откуда возник Одноглазый. Как обычно в эти дни, под мухой.

– Еще одного примете? – спросил он, дыхнув перегаром.

– Знакомый голосок, – проворчал Лебедь. – Дудки. Я тебя раскусил еще двадцать пять лет назад. Вроде мы отправили в Кадигхат твою задницу, нет? Или это была Бхарода? Или Наланда?

– Я скор на ногу.

– Можешь играть, но только если покажешь сначала деньги и согласишься не сдавать, – проговорил Недоносок.

– И держать руки все время на столешнице, – добавила я.

– Ты разбиваешь мне сердце, Малышка. Люди могут подумать, будто ты считаешь меня мошенником.

– Вот и отлично. Зачем им терять время и разочаровываться?

– Малышка? – У Лебедея что-то мелькнуло в глазах.

– У Одноглазого словесный понос. Садись, старик. Лебедь рассказывал нам о волшебных коврах и о том, что Душелов не любит на них летать. Как думаешь, может это нам пригодиться?

Лебедь молча переводил взгляд с одного на другого, а я следила за руками Одноглазого, когда тот брал свои карты. Он запросто мог «поработать» над этой колодой раньше.

– Девочка?

– У нас что тут, эхо гуляет? – буркнул Недоносок.

– У тебя проблемы? – спросила я.

– Нет-нет! – Лебедь выставил вперед свободную ладонь. – Просто слишком много сюрпризов вдруг посыпалось на мою голову. К примеру, я уже видел четырех человек, которых Душелов считает мертвыми. В том числе самого паршивого колдунешку в мире и женщину из племени нюень бао, которая ведет себя так, точно она тут главная.

– Не смей так о Гоблине, – проворчал Одноглазый. – Мы с ним приятели. Я за него заступиться должен... буду когда-нибудь. – Он захихикал.

Лебедь не обратил на его слова никакого внимания.

– А вот теперь ты. Вообще-то мы тебя мужчиной считали.

Я пожала плечами:

– Немногие в курсе. И это не важно. Я надеялась, у этого остолопа с повязкой на глазу и в вонючей шляпе хватит ума не распускать язык при постороннем. – Я недобро взглянула на Одноглазого.

Он усмехнулся, взял карту из колоды, посмотрел и сбросил на кучу.

– Дрема жуть какая склочная, Лебедь. Но и смышленная. Это она придумала, как заполучить тебя. И уже начала раз-

рабатывать другой план, правда, Малышка?

– Даже несколько. Похоже, Сари хочет, чтобы следующим был главный инспектор.

– Гокле? А какой нам с него прок?

– Задай этот вопрос ей. Лебедь, тебе известно что-нибудь о Гокле? Он случайно не падок на девочек, как Перхуль Коджи?

Одноглазый бросил на меня злобный взгляд. Лебедь посмотрел... удивленно. Я явно сболтнула что-то лишнее.

А, ладно. Поздно жалеть.

– Ну?

– Вообще-то да. – Лебедь сделал вид, что полностью сосредоточился на картах, но он заметно побледнел и едва сдерживал дрожь в руках. – Не только эти двое, но и еще несколько администраторов. Общие интересы сближают. Радиша не знает. Точнее, не хочет знать.

Он сбросил вне очереди, резко утратив интерес к игре.

До меня наконец дошло. Он решил: раз я говорю при нем так свободно, это может означать лишь одно – ему крышка.

– Не надо бояться, Лебедь. Пока ведешь себя хорошо. Пока отвечаешь на наши вопросы. Черт, ты нужен мне живой! И даже не столько мне, сколько нашим парням, погребенным на плато Блισταющих Камней. Они очень хотят узнать твое мнение насчет того, как им выбраться оттуда.

А интересно было бы понаблюдать за его разговором с Мургенем.

– Они все еще живы? – ошеломленно спросил он.

– Еще как живы. Просто заморожены во времени. И с каждой минутой злятся все сильнее.

– Я думал... Великий бог... Дерьмо!

– Не смей так о Господе! – взвился Недоносок.

Он тоже был веднаит, из джайкури. И гораздо более ревностный, чем я. Молился по крайней мере раз в день и несколько раз в месяц посещал храм. Местные веднаиты принимали его за дежагорского беженца, нанятого Бань До Трангом за то, что во время осады он оказывал нюень бао услуги. Большинство наших устроились на работу, причем трудились в поте лица, чтобы не выделяться среди местных.

Сглотнув, Лебедь сказал:

– Ваши люди вообще едят? У меня со вчерашнего дня во рту ни крошки.

– Едят, – ответила я. – Но не то, к чему ты привык. Про нюень бао говорят, что в пищу они употребляют только рыбы головы и рис, причем восемь дней в неделю. Так вот, это правда.

– Рыба? Годится. Будет брюхо полным, воздержусь от капризов.

– Недоносок, – сказала я, – нужно послать боевую группу в Семхи, к Древу Бходи. Очень может быть, Протектор и впрямь намерена срубить его. Если помешаем ей, то у нас появятся друзья. – Я рассказала о монахе Бходи, который сжег себя, и об угрозе Душелов уничтожить Древо. – Жаль, что

не могу сама там побывать и посмотреть, как сработает их этика непротivления. Они что, в самом деле будут просто стоять и смотреть, как уничтожают их главную святыню? Но у меня слишком много дел здесь. – Я бросила карты. – Вообще-то, мне и сейчас надо работать.

Я устала, но считала своим долгом поизучать перед сном час-другой Анналы Мургена.

– Черт, откуда ей все это известно? – прошептал Лебедь за моей спиной, когда я выходила. – И еще. Она в самом деле «она»?

– Никогда не пытался проверить, – ответил Недоносок. – У меня есть жена. Но у Дремы определенно имеются кое-какие женские привычки.

Интересно, что он имеет в виду? Я просто один из парней.

Дело пошло, дело пошло! Весть о нашей дерзкой вылазке распространилась по всему городу. Интересно, что говорят обыватели? Мне захотелось поскорее оказаться среди них. Быстро глотая холодный рис, я слушала, что говорил Тобо. Он снова жаловался, что отец не уделяет ему никакого внимания.

- Считаешь, я могу тебе в этом как-то помочь?
- Чего?
- Если думаешь, что я способна склонить его к задушев-

ному разговору с родным чадом, то ты напрасно тратишь свое время и мое терпение. Где мать?

– На работе. Уже давно ушла. Сказала, что могут возникнуть подозрения, если она сегодня не придет.

– Разумно. Какое-то время власти будут крайне бдительны. Тебе не кажется, что вместо бессмысленного нытья лучше подумать о том, что ты будешь делать в следующий раз, когда увидишь отца? А пока держись подальше от неприятностей. Мне нужно, чтобы ты записывал все вопросы, которые задают пленнику. И ответы, конечно.

Судя по ворчанию, предложение потрудиться вызвало у Тобо не больше восторга, чем у любого мальчишки его возраста.

– Мне тоже пора на работу.

Очень подходящее утро для того, чтобы пойти в библиотеку пораньше. Там почти целый день никого не будет, поскольку на сегодня назначено большое собрание бхадралока – разномастной компании, которая не любит Протектора и находит сам институт Протектората совершенно ненужным и даже вредным для страны. Они в шутку называют себя интеллектуальными террористами. Слово «бхадралок» означает что-то вроде «порядочные люди», и они действительно себя считают такими. Все они знатные и образованные гунниты, из чего закономерно следует, что подавляющее большинство таглиосцев не питает к ним симпатии. Самая главная претензия аристократов к Протектору состоит в том, что та

презирает их за гонор и спесь. Как революционеры и террористы, они гораздо менее энергичны, чем другие кружки заговорщиков, которые имеются едва ли не в каждом квартале. Очень сомневаюсь, что Душелов приставила к «интеллектуальным террористам» шпионов. Они и выглядят-то сущими клоунами, прячась друг у друга за спиной и крича, что мир катится в ад в запряженной козлами телеге, которой правит демон в черном. Зато раз в неделю библиотека почти полностью в моем распоряжении. Я всячески поддерживаю их бунтарское рвение.

Покончив с едой, я наконец собралась в дорогу. Недалеко от ворот склада стояли двое наших братьев, обычно выполнявших мелкие поручения До Транга. Завидев меня, один из них знаком дал понять, что есть новости. Вздохнув, я свернула к парням.

– В чем дело, Рекоход?

Так его звали у нас. Настоящего имени этого человека я не знала.

– У нас сработали ловушки для теней.

– Проклятие! – Я покачала головой.

– Плохо?

– Очень плохо. Беги, расскажи Гоблину. Я подожду тут с Раном, пока ты вернешься. Да не застревай там. Я опаздываю на работу.

Таглиосцы плоховато представляют себе, что значит торопиться, а такое понятие, как пунктуальность, и вовсе чуждо

большинству из них.

В ловушки угодили Тени. Событие не из радостных, это уж точно. Насколько нам известно, у Душелов осталось не больше двух-трех десятков послушных ей Теней. Куда больше их одичало, сбежало далеко на юг и превратилось в ракшасов, то есть демонов или дьяволов, но не совсем таких, с какими в былые времена встречалась на севере моя родня. Северные демоны, похоже, существа одинокие, но обладающие изрядной силой. Ракшасы слабы, поэтому они действуют сообща. Очень опасные твари.

Судя по древним мифам, в прошлом они, конечно, были гораздо сильнее. Лупили горами друг друга по голове, у каждого на месте снесенной башки вырастали две новые. А еще эти симпатяги коллекционировали прекрасных жен королей, которые являлись инкарнациями божеств, даже не подозревая об этом. Похоже, в давние времена жизнь ракшасов была гораздо увлекательней, чем ныне, хотя день ото дня все больше утрачивала смысл.

Душелов глаз не спускает со своих Теней. Это ее самые ценные помощники. Посылая их шпионить, она всегда старается точно знать, где находится каждая. Во всяком случае, я на ее месте берегла бы свой невосполнимый ресурс. Именно так я вела себя в отношении Плетеного Лебеда и всех тех, кому было поручено его караулить. Знала, куда и каким путем они пошли, когда и как возвращались и что происходило между этими двумя событиями. И если бы кто-нибудь,

не дай бог, не вернулся вовремя, я сама отправилась бы на поиски.

В свете раннего утра приковылял Гоблин. Ругаясь на чем свет стоит. В коричневой хламиде с капюшоном и до пят, какую носят веднаиты-дервиши. Он ненавидел эту экипировку, но что поделаешь? Выходя в город, нужно маскироваться. Я не осуждала его – в плотной шерстяной одежде жарко. Святым людям она служит напоминанием об аде, которого можно избежать единственным способом – встав на путь аскетизма и добрых дел.

– На кой черт нужно это дерьмо? – ворчал он. – Жара такая, что того и гляди яйца сварятся.

– Ребята говорят, что в наши ловушки попались Тени. Я предположила, что ты захочешь разобраться с ними сам, пока мамаша не прибежала за своими детишками.

– Вот же срань! Снова работа...

– Старик, не таскай в пасти то, к чему рукой не притронешься.

– Ханжа веднаитская. Вали отсюда, пока не получила настоящий урок языка. И принеси пожрать чего-нибудь попримечнее, когда будешь возвращаться. Или приведи корову.

Они с Одноглазым уже давно зарились на священных коров, которые бродили по городу. Пока что безуспешно – никто из наших не пожелал в этом участвовать. Большинство по происхождению были гуннитами.

Много времени не понадобилось, чтобы понять: в ловуш-

ки угодили Тени из тех, которых Душелов время от времени по ночам выпускала подкормиться. В городе только о них и говорили. Даже новости о нападении на дворец и о самосожжении монаха Бходи отошли на второй план. Этой ночью убийства были совершены совсем недалеко от нашего дома, и, как обычно, жертвами стали случайные прохожие. От человека, чью жизнь пожрала Тень, оставался даже не труп, а лишь сморщенная оболочка.

Я незаметно пробралась в толпу, собравшуюся вокруг дома, где жила пострадавшая от Теней семья. Это нетрудно, если ты невысокая, гибкая и умеешь работать локтями. Как раз в этот момент выносили тела. Я надеялась, что они будут открыты, но мои ожидания не оправдались. Нет, я не хотела полюбоваться на результат охоты Теней, но людям не мешало бы увидеть, что творит Душелов. Пусть у нее будет как можно больше недругов.

Трупы были плотно укутаны, и все же по толпе пробежал ропот.

Я побродила вокруг дома и узнала, что большинство погибших принадлежали к числу бедолаг, вынужденных ютиться на улице. Кроме этого, у них не было ничего общего. Похоже, Душелов выпускала Тени на волю демонстрации ради: она может, хочет и будет убивать.

Впрочем, эти первые смерти большого страха не вызвали. Люди думали, что на том все и закончится. Мало кто из них был знаком с погибшими, что тоже объясняло отсут-

ствие гнева. В толпе преобладали любопытство и интерес.

По возвращении домой, решила я, нужно будет обсудить с Гоблином: нельзя ли днем держать Тени в плену, а по ночам выпускать? Обнаружив, что ее бестии продолжают резвиться, Душелов будет считать, что с ними все в порядке, и не станет разыскивать тех, кто поймал их. А тем временем Тени существенно увеличат армию ее врагов.

Поначалу мне казалось, что серые исчезли с улиц. Во всяком случае, они гораздо реже попадались на глаза. Но когда я шла по краю Чор-Багана, поняла, в чем дело. Почти все они стянулись сюда. Наверное, решили: если кто-то из Черного Отряда (бандитов, как называла нас Протектор) и уцелел, то, скорее всего, скрывается среди местных воров и мошенников. Забавно.

Мы с Сари всегда настаивали, что нужно иметь как можно меньше дел с криминальной средой. Одноглазый протестовал, Бань До Транг соглашался, но время от времени нарушал обещание. Что такое криминальная среда? Люди весьма сомнительной нравственности, не имеющие ни малейшего представления о дисциплине. Им ничего не стоит пойти на убийство ради горсти монет, чтобы купить кувшин нелегального вина. Я надеялась, они с серыми займутся друг другом. Может, кто-нибудь забудет правила и прольется кровь. Нам от этого только польза.

Любая прогулка по Таглиосу вскрывает его жестокую суть. Наверное, нигде в мире нет столько нищих. Если бы

кто-то сумел увести из города всех обездоленных и дать им оружие, он получил бы армию гораздо больше той, которую собрал Капитан для войны с Хозяевами Теней. Если ты хоть чуточку похож на иноземца или просто состоятельного человека, они накинутся на тебя со всех сторон, как мухи на мед. И все будут давить на жалость.

Недалеко от склада До Транга живет мальчик, у него вместо рук и ног деревяшки, и он ползает, держа кружку в зубах. Каждый калека старше пятнадцати клянется, что он герой войны. Но самое страшное – дети. Часто их увечат умышленно, жестоко деформируя конечности, и продают людям, которые считают несчастных своей собственностью, потому что «кормят» их – раз в несколько дней дают горстку поджаренных зерен.

С недавних пор имеется у этого города загадочное свойство: подонки такой вот жестокосердной породы сами рискуют после свирепых пыток начать карьеру увечного попрошайки. Для этого достаточно лишь на миг утратить осторожность.

Я как раз проходила мимо такого бедолаги. Он худо-бедно мог орудовать одной рукой, ползая с ее помощью. Остальные конечности ни на что не годились. Кости были переломаны, лицо и обнаженное тело покрыты шрамами ожогов. Я бросила ему в кружку медяк.

Нищий промямлил что-то жалобное и пополз. Один глаз у него видел.

Куда ни кинь взгляд, везде кипела жизнь в неповторимой, сугубо таглиосской манере. Все колесницы были увешаны людьми, кроме разве что рикши, нанятого каким-нибудь богачом, к примеру банкиром, сопровождаемым скороходами-телохранителями с бамбуковыми палками, чтобы разгонять прохожих. Многие лавочники сидели прямо на своих крошечных прилавках – просто потому, что не было другого места. Семенили труженики, сгибаясь под тяжестью клади и неистово браня оказавшихся на пути. Люди спорили и смеялись, всю размахивая руками. Кому-то приспичивало побольшему, и его просто обходили стороной. Кто-то мылся в сточной канаве – и нипочем ему, что в пяти шагах прохожий решил помочиться туда же.

Таглиос – это насилие над всеми человеческими чувствами, но особенно страдает обоняние. Я терпеть не могу сезон дождей, однако без него город как среда обитания стал бы непригоден даже для крыс. Эндемичные холера и оспа косили бы людей гораздо сильнее, чем сейчас, – хотя дожди приносят с собой малярию и желтую лихорадку. Болезни – самые разные – явление обычное и воспринимаемое стоически.

А еще здесь есть прокаженные, чья участь придает новую глубину таким понятиям, как ужас и отчаяние. Всякий раз, когда я думаю об этих несчастных, моя вера в Бога подвергается самому трудному испытанию. С некоторыми из них я знакома и могу с уверенностью сказать: очень немногие дей-

ствительно заслуживают столь жуткого наказания. Разве что гунниты правы, и эти люди платят за то зло, которое совершили в прошлой жизни.

Над городом кружат коршуны и вороны, канюки и грифы. С точки зрения этих падальщиков, жизнь прекрасна. Пока не приедут в фургоне мортусы, чтобы собрать трупы.

В поисках лучшей доли люди стекаются в Таглиос отовсюду, им и пятьсот миль нипочем. Но богиня удачи двулика – и уродлива, с какой стороны ни взгляни.

Понаблюдай десяток лет за ее проделками – и у тебя замылится глаз. Забудешь, что жизнь может и должна быть совсем иной. Перестаешь удивляться тому, как много зла способен породить человек одним лишь фактом своего существования.

Библиотека, созданная и переданная в дар городу одним из прошлых князей, значительно преуспевшим в коммерции и проникшимся уважением к образованию, восхищает меня: это символ знания, вознесшийся, чтобы пролить свет в окружающий мрак невежества. Едва ли не самые жуткие городские трущобы примыкают к стене, которая окружает территорию библиотеки. Рядом со входом постоянно толкутся нищие. И это, между прочим, странно. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь бросил им монету.

В библиотеке имеется сторож, но он не сторожит. У него даже нет бамбуковой палки. Впрочем, она и не нужна. Святость этого места соблюдается абсолютно всеми. Точнее, всеми, кроме меня.

– Доброе утро, Аду, – поздоровалась я, когда сторож отворил передо мной кованые ворота.

Хотя я здесь считалась всего лишь уборщиком и мальчишкой на побегушках, у меня был определенный статус. Все знали, что кое-кто из бхадралока оказывает мне покровительство.

Статус и каста играют все более важную роль, по мере того как растет число жителей Таглиоса и ресурсы, добываемые городом, не успевают за этим ростом. Только за последние десять лет заметно ужесточились требования, предъявляемые к людям, желающим принадлежать к той или иной касте. Обыватели отчаянно цепляются за то немногое, что имеют. Заметно влиятельнее стали торговые гильдии. Некоторые из них обзавелись небольшими отрядами вооруженных охранников, которые следят за тем, чтобы пришлые не покушались на собственность хозяев, и которых иногда сдают внаем жрецам или другим нуждающимся в защите своих прав. На такую работу подрядились и некоторые наши братья. Она позволяет пополнять казну, налаживать связи и незаметно проникать в закрытые сообщества.

Снаружи библиотека похожа на богато изукрашенный гуннитский храм. Ее стены и колонны покрыты барельефами

на исторические и мистические темы. Это не такое уж большое здание, всего тридцать ярдов в длину и шестьдесят футов в ширину. Оно стоит на небольшом холме, заросшем деревьями, в тени которых прячутся памятники. Первый этаж возвышается на десять футов. Вторым этажом служит подвесная галерея по всему периметру здания, а над ней расположена мансарда. Внизу находится хорошо осушаемый подвал. Слишком много открытого пространства, на мой вкус. Когда я в зале, а не в подвале или мансарде, любой может видеть, чем я занимаюсь.

Пол в зале из мрамора, привезенного издалека. На нем ровными рядами стоят столы, за которыми работают ученые, читая и переводя рукописи или копируя пришедшие в негодность. Здешний климат не благоприятствует долгой жизни книг. Но главным образом библиотека страдает от того, что вокруг нее сгущается атмосфера пренебрежения. С каждым годом уменьшается число ученых. Протектор не заботится о библиотеке, поскольку та не может похвастаться древними текстами, содержащими смертоносные магические рецепты. Здесь нет ни одного гримуара. Хотя обнаружилось бы немало интересного – если бы Душелов дала себе труд поискать. Но любопытство такого рода несвойственно ее характеру.

Столько застекленных окон я не видела больше нигде. Копиистам нужно много света. Большинство из них уже слабые глазами старцы. Шри Сантараксита часто говорит, что у библиотеки нет будущего. Грамотные горожане давно за-

были сюда дорогу. Он убежден: нужно что-то делать с истерическим страхом перед прошлым, который возник еще во времена его молодости, вскоре после того, как появились Хозяева Теней. С Черным Отрядом дело обстояло несколько иначе – страх перед ним таглиосцы испытывали задолго до его появления.

Я вошла в библиотеку и огляделась. Мне здесь нравилось, при других обстоятельствах я была бы рада стать одной из помощниц Сантаракситы. Если бы выдержала более тщательную проверку, которой непременно подвергаются будущие ученики.

Я не исповедую гуннитскую веру, не принадлежу к высокой касте. Думаю, мне не составило бы труда сфальсифицировать прошлое достаточно правдоподобно. Я прожила среди гуннитов всю жизнь, но кастовые обычаи мне известны. Получить образование могут только люди из жреческой и некоторых влиятельных коммерческих каст. Зная и общепринятый язык, и высокий стиль, я все же никогда не смогла бы выдать себя, скажем, за человека, выросшего в семье жреца, для которой наступили трудные времена. Если на то пошло, я не смогла бы выдать себя за человека, выросшего в какой угодно семье.

Библиотека оказалась в полном моем распоряжении. И срочной уборки не требовала.

Меня всегда удивляло, что в библиотеке никто не живет. Что она более священна и жутка, чем любой храм. Для кан-

гали, этих бесстрашных мальчишек, которые в возрасте шести-восьми лет убегают из дома и сбиваются в уличные шайки, храмы – всего лишь охотничьи уголья. Однако в библиотеку беспризорники никогда не лезли.

С точки зрения неграмотных, книги – это зло. Невежды шарахаются от книг, словно те переплетены в кожу существ таких же порочных, как Душелов.

У меня было одно из лучших рабочих мест в Таглиосе. Мне поручили содержать в порядке самое большое книгохранилище в империи. Понадобилось три с половиной года интриг и несколько тщательно продуманных убийств, чтобы я получила эту должность, доставлявшую мне столько удовольствия. Здесь мной очень часто овладевал соблазн забыть об Отряде. Соблазн настолько сильный, что я забывала и о своих обязанностях уборщика, погрузившись с головой в книги. Разумеется, когда никто не видел.

Я быстро достала свои инструменты и поспешила к одному из копировальных столов. Он стоял далеко в стороне, но позволял все видеть и слышать, занимаясь чем-нибудь недозволенным.

Уже дважды меня застали врасплох – по счастью, когда я изучала тантрические книги с цветными иллюстрациями, – и решили, что я интересуюсь скабрёзными картинками. Шри Сантараксита посоветовал рассматривать стены храмов, коль скоро меня привлекают вещи такого сорта. Однако я не могла не почувствовать, что после второго случая

он затаил серьезные подозрения.

Мне никогда не угрожали увольнением или хотя бы взысканием, но дали ясно понять, что я не права и что боги наказывают тех, кто выходит за рамки своего кастового или общественного положения. Они, конечно, понятия не имели о моем происхождении и связях, о нежелании принять религию гуннитов с ее идолопоклонством и терпимостью ко злу.

Я вынула из тайника книгу, посвященную ранним дням Таглиоса. Это список с древнего манускрипта, в котором большие фрагменты были выполнены в том же стиле, что и старые Анналы, над чьей расшифровкой мне пришлось изрядно поломать голову. Если бы не это обстоятельство, я бы на рукопись и внимания не обратила. Баладита, пожилой копиист, безо всяких затруднений перевел текст на современный таглиосский. Я припрятала изъеденный плесенью, рассыпающийся оригинал. Предположила, что, сравнив его с современной версией, смогу освоить диалект старых Анналов.

Если же нет, предложу Гиришу перевести кое-что для Черного Отряда – на такой шанс он должен наброситься, учитывая, как мало сейчас подобной работы.

Книги, которые я хотела бы перевести, были скопированы с еще более ранних версий. По крайней мере две из них первоначально вообще были написаны на другом языке – может быть, на том самом, на котором говорили первые братья Отряда, когда они явились в наш мир с плато Блистающих Камней.

Я приступила к делу.

Книга оказалась очень интересной.

Таглиос начинался как скопище глинобитных хижин на берегу реки. Одни жители рыбачили, стараясь не угодить в пасть крокодилу, другие занимались земледелием. Без всякой очевидной причины город, разрастаясь, захватывал плодородные земли перед рекой, а затем и кишашие насекомыми топи дельты, где еще не обитали нюень бао. Торговцы спускались с верховьев реки, перегружали свои товары и дальше везли их сушей «во все великие княжества юга». Какие именно, не уточнялось.

Вначале Таглиос платил дань Баладилтиле. Согласно устным сказаниям, когда-то это был великий город. Поговаривают, что к нему имеют отношение очень древние развалины, находящиеся неподалеку от селения под названием Видеха. А селение связывают с интеллектуальными достижениями Курасской империи; в его центре находятся развалины совсем другого типа. В Баладилтиле родился Райдрейнак, князь-воин, который почти истребил обманников в незапамятные времена, а горстку выживших вынудил захоронить их священные тексты, Книги Мертвых, – в той самой пещере, где теперь в ледяной паутине сидят Мурген и вся наша Старая Команда.

Сведения эти я почерпнула не только из книги, которую я сейчас читала. Я связывала прочитанное с тем, что доводилось читать или слышать раньше. Очень увлекательное за-

нятие.

А вот и ответ для Гоблина. Князя Таглиоса не могли быть королями, потому что считали своими повелителями королей Нханды, из чьих рук они получали власть. Конечно, Нханды давно уже нет, и Гоблин наверняка захочет узнать, почему в таком случае князя Таглиоса не могут взять да и короновать себя сами. Прецедентов хватает. До появления Черного Отряда на протяжении веков это было любимое развлечение для каждого, кому согласились подчиниться хотя бы три-четыре человека.

Я преодолела настойчивое желание заглянуть вперед и прочитать о тех временах, когда в мире возникли Вольные Отряды Хатовара. Не нужно торопиться. То, что происходило до их появления, наверняка поможет разобраться в том, что случилось после него.

Я вздрогнула, внезапно почувствовав, что не одна. Даже не заметила, как прошло время. Солнце уже несколько часов ползет по небу. В библиотеке изменилось освещение, оно куда слабее утреннего. Должно быть, набежали облака.

Очень надеюсь, что я не подпрыгнула или как-то иначе не выдала испуг. Ни в коем случае нельзя демонстрировать осведомленность о том, что за спиной у меня кто-то есть. Возможно, все дело в его дыхании – запах карри с чесноком ощущается явственно. С уверенностью могу сказать лишь

одно: никаких звуков я не слышала.

Я постаралась унять сердцебиение, изобразила на лице спокойствие, повернулась и... встретила взглядом с главным библиотекарем, моим непосредственным начальником, Сурендранатом Сантаракситой.

– Итак, Дораби, ты умеешь читать.

В библиотеке меня знали под именем Дораби Дей Банержай. Достойное имя. Носивший его человек погиб много лет назад, сражаясь рядом со мной близ леса Дака. Оттого что я присвоила его имя, хуже ему не стало.

Я не произнесла ни слова. Нет смысла отпираться, если библиотекарь стоял за моей спиной достаточно долго. Я прочла уже половину книги, в которой нет ни картинок, ни даже тантрических эпизодов.

– Я некоторое время наблюдал за тобой, Дораби. Твой интерес и навыки не вызывают сомнений. Очевидно, ты читаешь лучше большинства моих копиистов. Равным образом очевидно, что ты не принадлежишь к касте жрецов.

На моем лице застыла деланая улыбка. Я размышляла, не прикончить ли его и куда потом девать труп. Может, сделать так, чтобы подумали на душил... Нет. Главный библиотекарь стар, но достаточно крепок, чтобы отшвырнуть меня. В некоторых случаях малый рост – серьезный недостаток. Сантараксита выше меня всего на восемь дюймов, а кажется, что на несколько футов. И к тому же в дальнем конце зала раздаются голоса.

Я не стала раболепно опускать взгляд. Сантараксита уже понял, что перед ним нечто большее, чем любознательный уборщик, пусть даже и неплохой. Чистоту я наводила старательно. Таков закон Отряда: на людях мы морально крепки и чрезвычайно трудолюбивы.

Я ждала. Пусть Сантараксита сам решит свою судьбу. А заодно и судьбу библиотеки, которую так обожает.

– Выходит, у нашего Дораби гораздо больше талантов, чем мы подозревали. Что еще ты умеешь, о чем нам следовало бы знать? Может, писать?

Разумеется, я не ответила.

– Где ты этому научился? Многие господа из бхадралока убеждены, что люди, не принадлежащие к касте жрецов, не обладают гибкостью ума, необходимой для постижения высокого стиля.

Я по-прежнему молчала.

Рано или поздно он что-нибудь предпримет, и тогда я среагирую соответственно. Я надеялась обойтись без крайних мер вроде уничтожения персонала библиотеки и похищения из нее того, что может пригодиться. Когда-то на таком образе действий настаивал Одноглазый. Если нужно – схитри. Не следует настораживать Душелов, а это непременно произойдет, если у нее под носом случится нечто из ряда вон выходящее.

– Молчишь? Что, нечего сказать в свое оправдание?

– Тяга к знаниям не нуждается в оправданиях. Еще шри

Сондхел Гхоз, великий джанака, утверждал, что в Саду Мудрости нет каст.

Хотя в те времена касты значили гораздо меньше.

– Сондхел Гхоз имел в виду университет в Викрамасе, где желающий учиться должен был успешно сдать изнурительные экзамены, чтобы ему позволили войти под своды сего достойнейшего учреждения.

– Многие ли студенты, представители разных каст, неспособные прочесть «Панас и Пашидс», были к этим экзаменам допущены?

Сондхела Гхоза недаром называли джанакой. В Викрамасе изучали прежде всего религию джанай.

– Уборщик, который разбирается в религиях, уже не уборщик. Видно, и в самом деле настал Век Кади, когда все встает с ног на голову.

Кину в Таглиосе предпочитали называть Кади, имея в виду не самую ужасную ее ипостась. Имя Кина употребляли редко – вдруг Матерь Тьмы услышит и откликнется? Только обманники ждут ее появления.

– Где ты приобрел эти навыки? Кто тебя учил?

– Много лет назад начало было положено одним моим другом. После того как мы его похоронили, я продолжал учиться самостоятельно.

Все это время я не сводил глаз с лица собеседника. Для старого ученого, чья профессиональная закоренелость – предмет насмешек молодых копиистов, он казался на ди-

во сообразительным. Возможно, был даже сообразительнее, чем казался. В этом случае он должен был догадаться: одно неосторожное слово – и его труп поплывет по реке, чтобы сгинуть где-нибудь в топях дельты.

Нет. Шри Сурендранату Сантараксита не приходилось жить в мире, где тот, кто читает и хранит в памяти священные тексты, успевает резать глотки и пересекаться с колдунами, мертвецами и ракшасами. Шри Сурендранат Сантараксита не думал о том, что с ним станет, если он сболтнет лишнее. Он был кем-то вроде святого отшельника, и заботило его лишь одно: сохранение всего хорошего, что есть в науке и культуре. Впрочем, это я поняла уже давно, понаблюдав за ним. Но не вызывало сомнений и другое: наши мнения о том, что считать хорошим, наверняка совпадают нечасто.

– Значит, ты просто очень хочешь учиться?

– Испытываю влечение к знаниям, подобно тому как некоторые испытывают влечение к удовольствиям плоти. Так было всегда. Это наваждение, и я не в силах ему сопротивляться.

Сантараксита чуть подался вперед, всмотрелся в мое лицо близорукими глазами:

– Ты старше, чем кажешься.

Я не стала возражать.

– Меня считают моложе из-за маленького роста.

– Расскажи о себе, Дораби Дей Банержай. Кем был твой отец? Из какой семьи происходила твоя мать?

– Вряд ли ты слышал о них.

Мелькнула мысль, что едва ли стоит развивать эту тему. Однако Дораби Дей Банержай имел свою историю, и я вживалась в нее на протяжении семи лет. Если просто не выходить из образа, все будет выглядеть вполне правдоподобно.

Играть роль. Быть Дораби, которого застали за чтением. А тем временем Дрема пусть думает, что будет делать, когда появится возможность снять личину.

– Напрасное самоуничужение, – сказал Сантараксита. – Возможно, я знал твоего отца... Если это тот самый Доллал Дей Банержай, который не смог воспротивиться призыву Освободителя и вступил в его легион, одержавший потом победу при Годжийском броде.

Я уже упоминала о том, что отец Дораби умер, – не отказываться же теперь от своих слов. Как могло случиться, что он был знаком с Сантаракситой? Банержай – одна из самых старых и наиболее распространенных таглиосских фамилий. О людях, ее носивших, упоминается и в тексте, который я читала совсем недавно.

– Наверное, это был он. Я ведь почти не знал его. Помню, как он хвастался, что завербовался одним из первых. Отец участвовал в походе Освободителя, когда потерпели поражение Хозяева Теней, и не вернулся с Годжийского брода. – Кроме этого, мне мало что было известно о семье Дораби. Я не знала даже имени его матери. Как такое могло произойти, чтобы во всем огромном Таглиосе я столкнулась именно

с тем человеком, который помнил его отца? Фортуна и в самом деле богиня с причудами. – Ты хорошо его знал?

Если это так, библиотекаряю, пожалуй, придется все же исчезнуть, иначе мое разоблачение неминуемо.

– Нельзя сказать, что хорошо. Скорее даже плохо. – Похоже, шри Сантараксита утратил интерес к этой теме; на его лице отражались беспокойство и задумчивость. Немного помолчав, он сказал: – Пойдем со мной, Дораби.

– Зачем, шри?

– Раз уж зашел разговор об университете в Викрамасе... У меня есть перечень вопросов, которые задают желающим там учиться. Хочу проэкзаменовать тебя, просто из любопытства.

– Я слабо разбираюсь в джанае, шри.

По правде говоря, я слабо разбиралась и в хитросплетениях своей собственной религии, а потому всегда опасалась, что кому-то вздумается меня экзаменовать. Другие религии не так тесно скованы рамками рационализма, коль скоро в них нашлось место для персонажей вроде Кины. Не хотелось бы напороться на какой-нибудь абсурдный риф, торчащий из морского дна моей собственной веры.

– Этот экзамен по сути своей нерелигиозен, Дораби. Он выявляет качества потенциального студента в области морали, этики и способности мыслить. Жрецы джаная не хотят давать образование потенциальным лидерам, которые затем приступили бы к исполнению своего долга, имея пятна тьмы

на своей душе.

Коли так, мне и впрямь придется погрузиться в образ Дораби очень глубоко. У девчонки по кличке Дрема, веднаитки и солдата родом из Джайкура, душа чернее, чем ночная тьма.

И что ты потом сделала? – спросил Тобо.

Набив рот пряным рисом по-таглиосски, я ответила:
– Потом я пошла наводить в библиотеке чистоту.

А Сурендранат Сантараксита так и стоял столбом, потрясенный ответами жалкого уборщика. Я могла бы объяснить ему, что всякий, кто прислушивается к уличным рассказчикам, нищенствующим проповедникам и щедрым на советы отшельникам и йогам, сможет удовлетворительно ответить на большинство викрамасских вопросов. Проклятие! Да в

Джайкуре любая веднаитка на такое способна!

– Мы должны убить его, – сказал Одноглазый. – Как предлагаешь это сделать?

– Других решений у тебя не бывает? – спросила я.

– Чем больше уберем сейчас, тем меньше их будет трепать мне нервы, когда состарюсь.

Это что, он так шутит? Никогда не угадаешь.

– Давай будем беспокоиться об этом, когда ты начнешь стареть.

– Расправиться с этим типом будет проще простого, Малышка. Он ничего такого не ждет. Хлоп, и нет его. И никто не побеспокоится. Задуши этого козла. И оставь на нем ру-мел. Пусть это будет на совести нашего старого друга Нарайяна. Он в городе, и нужно поосновательней вывалить его в дерьме.

– Следи за языком, старик.

Одноглазый забулькал, выплевывая скотские ругательства на тысяче языков. Я повернулась к нему спиной.

– Сари? Ты что-то совсем притихла.

– Пытаюсь переварить то, чего нынче наслушалась. Между прочим, Джауль Барунданди был очень огорчен, что ты осталась дома. Пытался забрать из моего заработка и твою долю. Довел Минь Сабредил до белого каления. Я пригрозила, что закричу. Он, конечно, не поддался бы на блеф, не окажись его жена поблизости. Ты уверена, что оставлять в живых библиотекаря не опасно? Если устроить ему «есте-

ственную» смерть, никто не заподозрит...

– Может, и опасно, но не исключено, что и выгодно. Шри Сантараксита хочет провести надо мной своего рода эксперимент. Выяснить, способна ли шавка из низшей касты освоить простейшие трюки: перекатываться и притворяться мертвой. Как там Душелов? И что с Тенями? Ты узнала что-нибудь?

– Она выпустила всю стаю. Это просто каприз – ей захотелось лишний раз напомнить городу о своей власти. Она рассчитывала, что погибнут иммигранты, которые ютятся на улицах. По ним никто не заплачет. Перед рассветом домой вернулась только горстка Теней. Мы подержим пленных до завтра.

– Можно было бы захватить еще несколько...

– Летучие мыши, – сказал Гоблин, без приглашения плюхнувшись в кресло.

Одноглазый делал вид, будто дремлет. Хотя по-прежнему крепко держал свою палку.

– Летучие мыши. Они теперь носятся по городу.

Сари подтвердила его слова кивком.

– Помню, перед тем как отправиться на войну с Хозяевами Теней, мы убивали летучих мышей, – сообщил Гоблин. – За каждую нам платили, и на эти деньги даже можно было жить. Мыши шпионили для Хозяев Теней.

Мне припомнились времена, когда безжалостно убивали ворон, считая их «глазами» Душелов.

– Хочешь сказать, что нам до утра лучше не выходить из дому?

– Ум у тебя, старушка, остер, как каменный топор.

– Что Душелов думает о нашем нападении? – обратилась я к Сари.

– При мне об этом не было разговора. – Она придвинула ко мне по столу несколько страниц из старых Анналов. – Гораздо больше ее беспокоит самоубийство адепта Бходи. Боятся, что это только начало.

– Начало? Среди монахов могут найтись и другие болваны, желающие себя сжечь?

– Она считает, что могут.

– Мама, сегодня ночью мы позовем папу? – спросил Тобо.

– Пока не могу сказать, сынок.

– Я хочу поговорить с ним.

– Поговоришь. Уверена, он тоже хочет поговорить с тобой. – Судя по тону, она пыталась убедить сама себя.

– Нельзя ли сделать так, чтобы этот туман, из которого вы лепите Мургена, сохранялся все время? – спросила я Гоблина. – Тогда мы смогли бы постоянно поддерживать с ним связь и отправлять его на разведку, когда понадобится.

– Мы работаем над этим.

Он пустился в технические объяснения. Я не поняла ни слова, но не мешала ему болтать. Любому человеку приятно время от времени почувствовать себя спецом в каком-нибудь деле.

Одноглазый захрапел. Это хорошо, но все же стоит держаться подальше от его трости.

– Тобо мог бы постоянно вести записи... – начала я.

У меня вдруг возникло видение: сын летописца наследует дело своего отца, как это происходит в таглиосских гильдиях, где ремесленные навыки и орудия труда передаются из поколения в поколение.

– А я считаю, – заявил Одноглазый, как будто наша беседа на интересующую его тему не прерывалась и как будто он не притворялся спящим мгновение назад, – пора, Малышка, проделать древний-предревний, грязный-прегрязный трюк Старой Команды. Пошли кого-нибудь к торговцам тканями. Скажи, чтобы купил разноцветного шелка. Наделай точно таких же шарфов, как у обманников. И мы будем душить тех, кто нам не нравится, иногда оставляя румел на месте преступления. Так и с этим твоим библиотекарем разделаемся.

– Отличный план, – сказала я. – За одним исключением, и это исключение – шри Сантараксита. Не обсуждается, старикашка.

Одноглазый захихикал:

– Никаких исключений. Человек должен твердо стоять в вере.

– Слишком многие станут пальцами показывать, – сказал Гоблин.

Одноглазый снова хихикнул:

– Но в какую сторону, Малышка? Наверняка не в нашу.

Что-что, а лишнее внимание нам сейчас ни к чему. Кажется, никто из наших даже не понимает, как зыбка под нами почва.

– Воды спят. Нужно позаботиться о том, чтобы к нам относились серьезно.

– А я о чем? Мы попользуемся шарфами, чтобы убраться от стукачей и тех, кто слишком много знает. Библиотекарей, к примеру.

– Правильно ли я подозреваю, что ты уже давно подумываешь обо всем этом и имеешь списочек людей, которыми следует заняться?

В этом списке наверняка есть все те, кого он считает ответственными за свои неудачные попытки утвердиться на таглиосском черном рынке.

Он затрясся от смеха. И замахнулся на Гоблина тростью.

– А ты прав насчет ее ума-топора.

– Давай сюда список. Увижу Мургена – обсудим.

– С призраком? Иль не знаешь, что у призраков нет чувства перспективы?

– Ты имеешь в виду, что он все видит и понимает, чего ты на самом деле хочешь? По мне, так это и есть чувство перспективы. Поневоле задумаешься: а может, в свое время наши братья сумели бы добраться до Хатовара, будь в Отряде призрак, который приглядывал бы за тобой?

Одноглазый пробурчал что-то о несправедливости и порочности мира. Сколько я его знаю, он всегда пел эту песню. И будет продолжать в том же духе даже после того, как сам

станет призраком.

– Как думаешь, стоит попросить Мургена, чтобы нашел источник этой вони? – спросила я. – Он где-то на складе. Здесь До Транг хранит крокодиловы шкуры, но это не они так смердят. У крокодиловых шкур другой запах.

Колдун посмотрел на меня так, словно готов был разорвать на куски. Сейчас он охотно сменил бы тему разговора. Эту вонь источал спрятанный в подвале заводик по производству пива и крепких напитков, о чем, как считали Одноглазый с До Трангом, никто не догадывался. Бань До Транг, помогавший нам прежде только ради Сари, теперь практически стал партнером нашего старого хрыча, потому что питал слабость к продукции Одноглазого. А еще его тянуло к нелегальным и теневым доходам. А еще ему нравилось иметь под рукой крутых парней, которым можно платить чисто символическое жалованье. Он был уверен, что о его грешке знают только Одноглазый и Гота. Эта троица напивалась дважды в неделю.

Воистину, алкоголь – бич для племени нюень бао.

– Не стоит беспокоиться, Малышка. Скорее всего, смердят дохлые крысы. В этом городе крысы прямо-таки кишат. До Транг постоянно раскладывает отраву, целыми фунтами. Охота на грызунов – не то занятие, на которое стоило бы тратить время Мургена. У вас обоих есть задачи поважнее.

Мне действительно есть о чем потолковать с Мургеном, была бы возможность иметь с ним дело напрямую. Удалось

бы завладеть на время его вниманием. Хочется из первых рук узнавать все то, что обычно становится известно от других людей. Я вовсе не подозреваю злого умысла, тем более со стороны Сари. Просто люди часто переиначивают информацию в соответствии со своими предубеждениями. Это относится даже ко мне самой, хотя в последнее время моя объективность была безупречной. Чего не скажешь о всех моих предшественниках-летописцах... От их текстов так и разит предвзятостью.

Конечно, большинство из них сделали тот же вывод насчет своих предшественников. Тут мы одинаковы. Лгут все, кроме нас самих. Правда, только Госпожа не стыдилась восхвалять себя. Не упускала любой возможности напомнить, какой умной, решительной и удачливой она была, как круто переломила ход войны с Хозяевами Теней, хотя вначале могла полагаться исключительно на собственные силы. Мурген большую часть времени пребывал, мягко говоря, не в своем уме. И все же, поскольку я сама была участницей многих тогдашних событий, могу подтвердить, что в его Книге они описаны довольно правдиво. Может быть, все именно так и происходило. Мне с ним не поспорить, но кое-что кажется фантастическим.

А разве не фантастически звучит «вчера ночью я долго беседовала с призраком Мургена»? Или с его духом? Или с *ка*. Да как ни назови... Если только это и в самом деле был Мурген, а не какой-нибудь подсыл Кины или Душелов.

Мы даже на сотую долю процента не можем быть уверены, что все в точности таково, каким кажется. Кина – царица Обмана. А Душелов, если цитировать человека, который был несравненно мудрее меня, но имел грязный язык, – безумная сука. Способная на все.

Отлично. – Я пришла в восторг, когда Сари снова вызвала Мургена. Сама она, впрочем, энтузиазма не выказывала, и присутствие Тобо никоим образом не улучшило ее настроения. – Я хочу, чтобы в первую очередь он занялся Сурендранатом Сантаракситой.

– Значит, ты и сама не доверяешь этому своему библиотекарю. – Одноглазый захихикал.

– Думаю, он не опасен. И все же зачем оставлять ему хоть малейший шанс разбить мне сердце, если можно послать ту-

да Мургена на разведку?

– А моего мнения тебе недостаточно?

– Ты судишь о человеке заочно, а разве это правильно? К тому же ты отказался работать с Анналами. Мне нынешнюю ночь придется за книгами провести. Возможно, удастся что-то нащупать. – (Тщедушный колдун заворчал.) – Кажется, сегодня я обнаружила в библиотеке нечто ценное. Если Сантараксита не помешает, уже к концу недели я получу общее представление о том, как возник Отряд.

Мы давно поставили перед собой задачу отыскать не только независимые исторические источники, но и неповрежденные экземпляры первых трех томов Анналов.

У Сари, однако, было на уме другое.

– Дрема, Барунданди хочет, чтобы Сава тоже ходила со мной на работу.

– Нет. Савы пока не будет. Заболела, причем нешуточно. Холерой. У меня наконец кое-что получается, не хочу все испортить.

– Еще он спрашивал насчет Шихи.

В тех редких случаях, когда Тобо приходил с матерью во дворец, она называла его Шихандини. Смысл этой шутки был недоступен Джаулю Барунданди, поскольку тот никогда не уделял внимания исторической мифологии. У одного из царей легендарного Хастинапура была старшая жена, оказавшаяся бесплодной. Как добрый гуннит, он молился и добросовестно приносил жертвы. Наконец кто-то из богов спу-

стился с Небес и заявил, что можно получить желаемое – а царь очень хотел сына, – но путь к цели будет нелегким, поскольку сын родится дочерью. Так и вышло. Вскоре жена родила девочку, которую царь назвал Шихандин – женский вариант имени Шихандини. Это долгая и не слишком увлекательная история, суть которой состоит в том, что девочка выросла и стала могучим воином.

Неприятности начались, когда пришло время царевичу выбирать себе невесту.

Личины, носимые нами на публике, часто содержали скрытую аллюзию, иногда с элементом юмора. Так братьям было интереснее играть свои роли.

– Нельзя ли подловить Барунданди на чем-нибудь? – поинтересовалась я. – Кроме его жадности? – Вообще-то, я думала, что он наиболее полезен для нас именно в своем теперешнем качестве. Любой, кто займет его место, наверняка окажется столь же продажным, но вряд будет столь же великодушен к Минь Сабредил. – И еще. Может, есть смысл выманить его оттуда?

Никто не видел стратегического резона в том, чтобы захватить этого человека.

– Почему спрашиваешь? – поинтересовалась Сари.

– Потому что, думаю, его будет нетрудно соблазнить. Тобо оденется девушкой, а когда Барунданди подкатится к нему, твой сын скажет, что готов встретиться, но только не во дворце...

Сари ничуть не оскорбило такое предложение. Хитрость – законное оружие войны.

– А не лучше ли проделать все это с Гокле?

– Пожалуй. Хотя он, похоже, интересуется совсем уж малолетними. Можно спросить у Лебеда. Вообще-то, я предполагала захватить Гокле в том месте, где обманники убили Коджи.

Наши враги, засевшие во дворце, редко покидали его. Именно поэтому так важно было заполучить Плетеного Лебеда.

Сари запела. Мурген, однако, не торопился.

– Мургену тоже надо заглянуть в этот веселый дом. Он лучше любого из нас разберется, что там происходит.

Хотя, без сомнения, нашлось бы немало братьев, которые пожелали бы рискнуть собой и отправиться туда на разведку. Желательно с условием, что торопиться не обязательно.

Сари кивнула, не нарушая ритма своей колыбельной.

– Можно даже...

Нет. Нельзя просто сжечь этот бордель, когда там будет Гокле. Никто из наших не понял бы, зачем уничтожать такой замечательный публичный дом, – хотя некоторых наверняка увлекла бы сама идея устроить пожар.

Одноглазый снова притворился спящим, но потом спросил, не открывая глаз:

– Ты уже решила, что предпринять, Малышка? Я имею в виду стратегический план?

– Да.

Я сама удивилась, когда у меня это вырвалось. Чисто интуитивно, где-то глубоко внутри, совершенно не отдавая себе в этом отчета, я уже разработала детальный план освобождения Пленных и воскрешения Отряда. И этот план начал осуществляться. После стольких лет бездействия и безмолвия.

Возник Мурген и забормотал что-то о белой вороне. Вид у него был совсем безумный. Я спросила колдунов:

– Вы уже придумали, как удержать его здесь?

– Опять она за свое, – проворчал Одноглазый. – Что ни сделай, все мало.

– Это можно, – заявил Гоблин. – Но мне по-прежнему непонятно, зачем это нужно.

– Мурген не очень-то склонен к сотрудничеству. Не нравится ему здесь, и он потихоньку теряет связь с реальным миром. Предпочитает в полусне бродить по своим пещерам. – Я говорила все это наугад. – И парить на белых крыльях. Быть посланцем Кади.

– Почему белых?

Они не читали Анналы.

– Ворона-альбинос, которая иногда внезапно появляется. Временами Мурген как бы оказывается внутри ее. Его туда помещает Кина. Или делала так прежде, а теперь он цепляется за эту возможность, как делал в те времена, когда Душелов его на такое сподвигла.

– Откуда тебе все это известно?

– Я читаю, в отличие от некоторых. И временами даже читаю Анналы. И в процессе чтения стараюсь понять, что у Мургена скрыто между строк. Даже такое, о чем он и сам мог не догадываться. Полагаю, образ белой вороны сейчас привлекает его тем, что позволяет обрести реальную плоть и выбраться из пещер. Либо он подпадает под влияние Кины всякий раз, когда та пробуждается. Но сейчас все это не имеет значения. Важно лишь одно: чтобы он следил за шайкой наших врагов. И чтобы я могла заломать ему руку, если понадобится.

Поставленная задача должна быть выполнена во что бы то ни стало. Этому меня учил сам Мурген.

– Дрема права, – сказала Сари. – Зацепите его чем-нибудь. А я схвачу за шкуру и надаю хороших пинков, – глядишь, и удастся полностью завладеть его вниманием.

Настроение у Сари резко улучшилось, как будто эта идея насчет прямого общения с Мургеном была ей совершенно в диковинку, а теперь, будучи озвучена, подарила надежду.

Сари даже готова пойти на открытую конфронтацию с Мургеном, поддержки ради втянув в эту историю Тобо. Не исключено, что ей и впрямь удастся восстановить связь Мургена с внешним миром.

Я повернулась к остальным:

– Утром я обнаружила еще один миф, в котором фигурирует Кина. Отец вовсе не погрузил ее в сон. Она умерла. То-

гда ее муж до того огорчился...

– Муж? – пискнул Гоблин. – Что еще за муж?

– Не знаю. В этой книге нет имен. Она написана для людей, воспитанных в гуннитской вере. Авторы были уверены, что всякий читающий ее поймет, о ком речь. Когда Кина умерла, ее муж настолько опечалился, что схватил труп и принялся с ним танцевать. В точности как, по рассказам Мургена, она это делала в его видениях. Несчастный до того разошелся, что другие боги испугались, как бы он не разрушил мир. Тогда отец швырнул в Кину заколдованный нож, который разрезал ее на пятьдесят кусков. И все места, куда эти куски упали, стали святыми для тех, кто ей поклоняется. Читая между строк, я предположила бы, что Хатовар – это место, где ударилась оземь ее голова.

– Видать, Одноглазый был на правильном пути, когда хотел выйти в отставку и поселиться в глуши.

Одноглазый вытаращил глаза. Гоблин говорит о нем добрые слова?

– Черта с два! Это был всего лишь приступ юношеской неуверенности в будущем. Но я с ним благополучно справился, ко мне вернулось чувство ответственности.

– Одноглазый – и ответственность? – хмыкнула я. – Абсурд.

– Разве что за мор и глад, – ухмыльнулся Гоблин.

– Я не понял этой истории про Кину, – заявил Одноглазый. – Если она давным-давно умерла, то как ей удалось до-

ставить нам столько неприятностей за последние двадцать или тридцать лет?

– Это религия, дубина, – проворчал Гоблин. – В ней и не должно быть смысла.

– Кина – богиня, – сказала я. – Сдается мне, боги никогда не умирают до конца. Не знаю, Одноглазый. Я просто рассказала то, о чем прочла. Вспомни: гунниты не верят, что человеческая жизнь прекращается навсегда. Душа продолжает жить.

– Хе-хе-хе, – захихикал Гоблин. – Если гунниты правы, ты по уши в дерьме, коротышка. Колесо Жизни будет возрождать тебя снова и снова, пока ты не станешь совсем хорошим. Тебе предстоит избыть уйму кармы.

– Хватит! – взорвалась я. – Мы, кажется, собирались работать.

Работать. Вряд ли найдется человек, которому нравится это слово.

– Прибейте Мургена гвоздями к полу, – продолжала я. – Или на цепь посадите. Что хотите делайте, чтобы мы могли держать его под контролем. Тогда Сари сумеет разбудить его по-настоящему. В самое ближайшее время события начнут развиваться очень бурно. Мурген должен быть ясен рассудком и полностью дееспособен.

– Похоже, ты не собираешься стоять тут у нас над душой, – проворчал Одноглазый.

Я уже поднялась:

– Ты догадлив. Мне нужно кое-что почитать и перевести. Обойдетесь без меня, если дадите волю чувству ответственности.

Одноглазый сказал Гоблину:

– Нужно засунуть Малышку в один спальный мешок с каким-нибудь парнем, это ей вправит мозги.

Один спальник на двоих – для него лекарство от всех болезней, несмотря на возраст.

– Когда Мурген разберется с тем, о чем я говорила, пусть поищет Нарайяна и Дщерь Ночи, – сказала я, прежде чем уйти.

Не надо было объяснять колдунам, что эта парочка ни в коем случае не должна достигнуть своих целей.

Получилось! – воскликнула я, бегом возвращаясь в тот угол, где друзья и родственники Мургена истязали его, пытаясь пробудить устойчивый интерес к миру живых. – Я нашла!

– Надеюсь, ты не на меня это вывалишь, – проворчал Одноглазый.

Мое возбуждение было так велико и кричала я так громко, что даже Мурген, пойманный в тенета колдовского тумана и явно не испытывающий от этого никакого удовольствия,

озадаченно посмотрел на меня.

– Я всегда подозревала, чисто интуитивно, что ответ – в Анналах. В Анналах Мургена. Я просто проглядела. Может, дело в том, что я слишком давно их читала и мне даже не приходило в голову поискать там снова.

– И вот пожалуйста! – глумливо воскликнул Одноглазый. – Он там, только тебя и дожидался. Написанный золотом на дорогом пергаменте, с алыми указующими стрелками. Прямо так и сказано: «Это здесь, Малышка. Секрет в том...»

– Заткнись, болван! – рявкнул Гоблин. – Я хочу послушать, что там Дрема отыскала.

– Это все связано с нюень бао. Ну, может, и не все, – поправила я, заметив хмурый взгляд Сари, – но часть уж точно. С дядюшкой Доем и матушкой Готой. Теперь понятно, почему они не ушли на свои болота, хотя у них не было долга чести, как у твоего, Сари, брата.

Ее брат, Тай Дэй, погребен вместе с Мургеном под плато Блистающих Камней. Он был телохранителем Мургена, расплачивался за то, что в осажденном Джайкуре и Мурген, и весь Отряд помогали нюень бао.

– Сари, тебе наверняка что-то известно об этом.

– Может, и так, Дрема. Но прежде ответь, к чему ты клонишь.

– Я клоню к тому, что Тысячегласая совершила кражу в храме Гангешы в промежутке между окончанием осады и тем

моментом, когда дядюшка Дой и твоя мать прибыли сюда, в Таглиос. Мурген вскользь снова и снова касался этого вопроса, но не думаю, что он в полной мере понимал ситуацию. Что бы ни украла Тысячегласая, дядюшка Дой называл эту вещь Ключом. Некоторые доказательства, лежащие в самом документе, позволяют предположить, что это еще один ключ к Вратам Теней, наподобие Копья Страсти.

Тысячегласой нюень бао прозвали Душелов.

– И думается мне: заполучив этот Ключ, мы сможем освободить Плененных.

Если моя догадка верна, то она порождает новую цепочку вопросов. Из которых первый – при чем здесь нюень бао?

Сари медленно покачала головой.

– Я ошибаюсь? Тогда что собой представляет этот Ключ?

– Я не говорю, что ты ошибаешься, Дрема. Я просто не хочу, чтобы это оказалось правдой. Есть вещи, которым лучше бы оставаться вымыслом.

– О чем ты?

– О мифах и легендах, Дрема. О гнусных мифах и легендах. Я их знаю далеко не все. Наверняка мне неизвестны самые худшие. Дой – их собиратель и хранитель. Вот как ты в Черном Отряде. Но Дой ни с кем не делится своими секретами. Тобо, разыщи бабушку и приведи ее сюда. И До Транга тоже, если он на складе.

Недоумевающий мальчишка зашаркал прочь.

Из колдовской снасти, в которую был пойман Мурген, до-

несся призрачный шепот:

– Наверное, Дрема права. Я припоминаю нечто подозрительно похожее. Неплохо бы найти подробную историю нюень бао – тогда, возможно, удалось бы разобраться, в чем тут дело. Нужно также как следует расспросить Плетеного Лебеда.

– Непременно, только не сейчас, – ответила я. – И наедине. Плетеному вовсе ни к чему знать, что происходит. Ты пришел в себя, знаменосец? Понимаешь, где мы находимся и что делаем?

– Да.

Тон у него, однако, какой-то... Словно Мурген просто подчиняется обстоятельствам. В точности как я, когда поутру нужно вставать.

– Тогда расскажите о храме Гангешы. Вы оба. Почему этот Ключ хранился там?

Сари не хотелось говорить об этом. Вся ее поза и выражение лица свидетельствовали о яростной внутренней борьбе.

– Почему для тебя это так трудно? – спросила я.

– На прошлом моего народа лежит пятно древнего зла. Я имею о нем лишь самое смутное представление. Всю правду знает Дой. Мы, теперешние, помним лишь, что на совести наших предков тяжкий грех и, пока мы не искупим его, вся наша раса обречена жить на болоте, в горькой нужде и лишениях. Этот храм был святым местом задолго до того, как нюень бао начали принимать гуннитскую веру. В нем что-

то хранилось. Может быть, тот самый Ключ, о котором ты говоришь. То, что разыскивал дядюшка Дой.

– Откуда пришли нюень бао, Сари?

Этот вопрос занимал меня с детства. Снова и снова, с промежутками в несколько лет, сотни этих странных людей проходили через Джайкур, совершая паломничество. Тихо, спокойно, никого не задирая, но и не подпуская к себе. И спустя год возвращались с севера тем же путем, через город. Даже когда могущество Хозяев Теней достигло пика, этот цикл неукоснительно повторялся. Никто не знал, куда идут жители болот. Никого это не интересовало.

– Откуда-то с юга, много лет назад.

– Из-за Данда-Преша?

Мне не представить, что вынуждало детей и стариков проделывать путь столь далекий и трудный. Очевидно, это шествие было чрезвычайно важно для нюень бао.

– Да.

– Но паломничеств больше не бывает.

Насколько мне известно, то, которое закончилось гибелью в Джайкуре сотен нюень бао, было последним.

– После Кьяулунских войн и войн с Хозяевами Теней они стали невозможны. А прежде происходили раз в четыре года. Каждый взрослый нюень бао де дуань обязан был совершить паломничество хотя бы раз. Раньше проблем не возникало, но сейчас Протектор не позволяет нашим людям выполнять свой долг. – Мне отвечал До Транг. Он прикатил на своем

кресле как раз вовремя, чтобы уловить суть моих вопросов и включиться в разговор. – Есть вещи, которые мы обсуждаем только среди нюень бао.

У меня возникло ощущение, что все его слова имеют два смысла: один предназначенся мне, другой – Сари. Тут могли появиться определенные трудности. Никто из нас не дерзнул бы обидеть Бань До Транга, чья дружба была для нас так важна.

Не бывает в жизни ничего простого и прямолинейного.

Только я начала излагать старику свои соображения, как приковыляла Кы Гота. У меня глаза на лоб полезли, когда Одноглазый галантно предложил ей свой стул. Наш мир, несомненно, полон чудес. Потом маленький колдун отошел за другим стулом, на который и уселся рядом с Готой. Эти двое застыли, опершись на свои трости, точно пара храмовых гаргулий. Из-под широкой, как лопата, и хмурой маски, заменявшей Кы Готе лицо, выглядывал призрак былой красоты.

Я объяснила ситуацию.

– Но тут какая-то тайна. Где сейчас этот Ключ? – (Никто ничего не знал.) – Думаю, будь он у Тысячегласой, она бы каждый месяц возвращалась в Кьяулун и отлавливала новую стаю Теней-убийц. Если бы могла открывать Врата Теней без вреда для себя. А если бы Ключ был у дядюшки Доя, он не скитался бы в поисках. Бодро и весело вернулся бы на болота, предоставив всем нам катиться в аль-шил. Ну что, ма-

тушка Гота? Я не права? Ты хорошо знаешь этого человека. Уверена, тебе есть что сказать.

Может, и есть. Но вот чего нет, конечно, так это желания. На мои вопросы о тех временах, когда Отряд находился на юге, никто не отвечает. Молчат как рыбы. Боятся, что ли? Чего? Что наш собственный год рождения, будучи узнан нами, станет оружием против них?

И тот факт, что сейчас Отряд почти целиком состоит из местных, ничего не меняет. Наш образ жизни не привлекает умную, образованную часть населения. Если бы какой-то жрец пожелал к нам записаться, очень скоро его труп поплыл бы вниз по реке – с заведомыми шпионами мы не церемонимся.

– Уж не у тебя ли эта чертова штуковина? – спросил Одноглазый.

– Ты кого спрашиваешь?

– Тебя, Малышка. Тебя, плутовка. Я не забыл, что ты побывала в гостях у Душелов, когда ты, доставив в Таглиос послание от Мургена, возвращалась обратно. Я не забыл, что наш старый миляга дядюшка Дой освободил тебя чисто случайно. Он искал свою пропавшую безделушку, Ключ. Или я неправду говорю?

– Нет, это правда. Как и то, что я оттуда ничего не вынесла. Если не считать нескольких новых шрамов на спине.

– Тогда нужно выяснить, продолжает ли Душелов поиски Ключа.

– С уверенностью ничего сказать нельзя. Но время от времени она летает на юг и рыщет там, как будто что-то разыскивает.

Об этом мы узнали от Мургена, хотя вплоть до сегодняшнего дня поведение Душелов казалось лишенным смысла.

– Итак, кто еще мог бы прибрать к рукам это сокровище? Одноглазый не стал вытягивать из Кы Готы информацию. Чего-то добиться от этой мегеры можно лишь одним способом: делая вид, что не замечаешь ее. Временами старухе хотелось, чтобы ее заметили.

Я вспомнила бледную девочку в лохмотьях. Ей было всего четыре года, но она казалась безвозрастной – молчаливая, не по-детски терпеливая и совершенно не напуганная тем, что оказалась в плену. Дщерь Ночи. Она не разговаривала со мной. И не замечала моего существования – кроме тех моментов, когда я, слишком уж разозлившись на нее, забирала всю жалкую еду, оставленную нам Душелов. Эх, жаль, что я не задушила ее тогда. Но в те времена я понятия не имела, кто она такая.

В те времена мне больше всего хотелось вспомнить, кто такая я. Душелов что-то подмешала мне в пищу, проникла в самую душу и утащила оттуда половину того, что делало меня мной. А потом сама прикинулась мной, чтобы попасть в Отряд. Интересно, много ли ей удалось тогда узнать обо мне, приобрела ли она эмоциональное оружие против меня? Известно ли ей, что я пережила Кьяулунские войны? Лучше

бы она числила меня среди мертвых, так безопаснее.

– Потом пришел Нарайян, чтобы забрать Дщерь Ночи, – продолжала я вспоминать уже вслух. – Но я видела его лишь мельком. Ужасно тощий коротышка в грязной набедренной повязке. Чудовище и на вид, и по сути. Я вообще не догадывалась, что это он, пока не стало ясно, что меня никто освобождать не собирается. Я не видела, что они делали, и не знаю, взяли ли что-нибудь с собой. Мурген, ты же наблюдал за ними тогда. Я сама читала, что наблюдал. Взяли они с собой что-нибудь похожее на этот Ключ?

– Не знаю. Хочешь верь, хочешь нет, мы замечаем не все, что происходит вокруг нас. – Тон его показался мне уязвленным.

– Ну все равно, напрягись, попытайся вспомнить, – попросила я.

И поймала себя на том, что не удосужилась выслушать его доклад. В чем и призналась.

– Вряд ли от этого будет много толку, – буркнула Сари, не желая, чтобы Мурген повторял все с самого начала.

– Ты можешь найти их сейчас?

Конечно, это было бы довольно опасно, поскольку девчонка могла поддерживать связь с Киной. Если та снова зашевелилась, Мургену нужно действовать со всей осторожностью, чтобы не привлечь к себе внимание богини Тьмы.

Вот какие приоритеты мы установили относительно Дщери Ночи. Убить ее. В случае неудачи – убить ее дружка. В

случае неудачи – позаботиться о том, чтобы она не смогла скопировать Книги Мертвых. Ничуть не сомневаюсь, что она снова примется за это, как только установит прочный контакт с Киной. И последнее: отобрать у нее все, что они с Сингхом унесли, когда душила освобождал ее.

Одноглазый перестал кивать как заведенный и лениво хлопал в ладоши:

– Разорви их в клочья, Малышка. Сотри в порошок.

– Не ехидничай, старый развратник.

Одноглазый захихикал.

– Можно подойти к этому с другой стороны, – сказал Гоблин. – У тебя ведь есть в библиотеке приятели среди тех, кто переплетает чистые тетради? Постарайся разузнать, кто совсем недавно заказывал такие. Или предложи взятку, чтобы сообщили тебе, когда это произойдет.

– Отлично, – сказала я. – Хоть кто-то использует свои мозги по назначению. Прелесть этого мира в том, что чудеса в нем никогда не закончатся. Проклятие! Куда подевался Мурген?

– Ты же сама сказала ему, чтобы поискал Нарайяна Сингха и Дщерь Ночи, – напомнила Сари.

– Я не имела в виду сию секунду. Сейчас мне гораздо важнее узнать что-нибудь о Чандре Гокле, что можно было бы использовать против него.

– Ну что ты все суетишься, Малышка? – Тон у Одноглазого был такой сладкий, что мне захотелось хорошенько трес-

нуть колдуна. – Расслабься. Сейчас не нужно торопить события.

Вернулись с дежурства и непрошеными явились на совещание начальства двое наших парней, Ранмаст Сингх и те-неземец, которого в Отряде звали Кендо Резчик.

– С тех пор как стемнело, опять орут то там, то здесь, – сообщил Кендо. – Я оповестил всех, чтобы держались там, где посветлее.

– Тени охотятся, – произнесла Сари.

– Здесь нам опасаться нечего, – сказала я. – Но чем черт не шутит. Давай-ка, Гоблин, отправляйся в обход с Кендо и Ранмастом. Нам ни к чему сюрпризы. Сари, может Душелов выпустить на свободу совершенно одичавшие Тени?

– В качестве урока послушания? Ты у нас летописец. Что в книгах о ней сказано?

– Там сказано, что она способна на все. Что ее связи с человеческим родом разорваны. Должно быть, ей очень одиноко.

– Что-что?

– Итак, наша следующая цель – Чандра Гокле? Нет возражений?

Сари удивленно посмотрела на меня. Ведь уже решено: если не представится более удачной возможности, мы просто ликвидируем главного инспектора, без чьей налоговой и управленческой системы государство пойдет вразнос. Похоже, это самый уязвимый из наших врагов. И если устраним

его, Радиша окажется в такой изоляции, в какой ей бывать еще не приходилось. Зажатая между Протектором и жрецами, она не сможет маневрировать – еще и потому, что она, Радиша, неприступная княжна, в некоторых аспектах полу-богиня.

Наверное, это тоже очень одинокая женщина.

А еще хитрая и коварная.

– Что мы сделали сегодня, чтобы устроить мир? – спросила я.

И тут же поняла, что знаю ответ. Мы обсуждали это, когда составляли план захвата Плетеного. Наше братство должно действовать крайне осторожно. Сегодня вечером состоится демонстрация наших дымовых и световых картинок, «камышки» для которых были установлены раньше. Это и «Воды спят», и «Мой брат не отмщен», и «Их дни сочтены». Теперь такое будет происходить каждый вечер.

Сари сказала задумчиво:

– Кто-то опять принес молитвенное колесо и установил его на мемориальном столбе у северного входа. Его еще не заметили, когда я уходила из дворца.

– С очередным сообщением?

– Наверняка.

– Жуть какая! Это может оказать сильное воздействие. Раджахарма.

– Радиша тоже так думает. Она разволновалась из-за монаха, который сжег себя.

Вот так всегда. Я трачу месяцы на разработку точнейшего плана в малейших деталях – и вдруг меня затмевает какой-то безумец, которому вздумалось поиграть с огнем.

– Значит, эти чудики-сектанты придумали удачный ход. А может, попробуем снять пенки с их молока? – Одноглазый злорадно захихикал.

– Ты чего? – зыркнула на него я.

– Да ничего, просто сам себя иногда удивляю.

Гоблин, уже собравшийся, чтобы уйти вместе с Ранма-стом и Кендо, заметил:

– Ты веселишь сам себя уже двести лет. В основном потому, что больше никто не интересуется такой козявкой.

– Ты теперь лучше спать не ложись, жабомордый...

– Господа, – произнесла Сари мягко, но тем не менее сумев завладеть вниманием обоих колдунов, – может, займемся делом? Мне еще нужно хоть немного поспать.

– Вот именно! – воскликнул Гоблин. – Займемся делом! Если у старого пердуна есть идея, пусть озвучит ее сейчас, пока она не сдохла от одиночества.

– Тебе дали задачу, вот и займись ею.

Гоблин показал язык и вышел.

– Ну давай, удиви и нас, Одноглазый, – предложила я.

Меньше всего мне хотелось, чтобы он уснул, так и не поделившись с нами своими мудрыми мыслями.

– Когда очередной помешанный монах Бходи подожжет себя, сразу же должны появиться наши картинки. «Воды

спят», конечно. И кое-что новенькое. «Даже смерть не убивает». Согласись, тут есть тонкий религиозный оттенок.

– Пожалуй, – сказала я. – Проклятие, но что это значит?

– Малышка, не цепляйся ко мне...

Призрак нашего злого прошлого прошептал:

– Я нашел их.

Я не спросила вернувшегося Мургена, кого он нашел.

– Где?

– В Воровском саду.

– В Чор-Багане? Там же полным-полно серых.

– Да, – сказал Мурген. – И они из кожи вон лезут, прочесывая это место.

Сари разбудила меня перед рассветом. Терпеть не могу это время суток. Я выбрала военную карьеру, когда город, где я жила, оказался в осаде. Тогда я с утра до ночи твердила себе: как только удастся выбраться оттуда, буду спать до полудня, вдоволь есть непротухшую пищу и никогда-никогда не стану мокнуть под дождем. А пока послужу в Черном Отряде – лучшем из того, что мне доступно.

Вода поднялась на пятьдесят футов. Единственной непротухшей едой были «длинные свиньи», которыми лакомились

Могаба и его нары. Если не считать попадавшихся изредка крыс-доходяг и самых слабоумных ворон.

– Ну что такое? – проворчала я.

Убеждена, что даже от жрецов беззаботного старичка Гангеша не требовалось выражать удовольствие, когда их будили поутру, причем гораздо ближе к полудню, чем меня сейчас.

– Мне нужно во дворец, а тебе следует появиться в библиотеке. И еще. Если мы хотим выхватить Нарайяна и девочку прямо из-под носа у серых, нужно поторопиться с планом.

Что ж, все верно. Но это не значит, что я должна быть в восторге.

Все мы, живущие у До Транга, включая его самого, как обычно, позавтракали вместе. Отсутствовали только Тобо и матушка Гота. Но они и не должны были принимать участия в совещании.

Как и те братья, кто находился снаружи, – Тени все еще рыскали по городу.

– Мы разработали отличный план, – гордо заявил Одноглазый.

– Не сомневаюсь, что все ваши идеи гениальны, – откликнулась я, забирая свою порцию – плоску холодного риса, плод манго и чашку чая.

– Сначала Гоблин напялит свой наряд дервиша и отправится туда. Потом пойдет Тобо...

Доброе утро, Аду, – рассеянно пробормотала я, когда сторож впустил меня на территорию библиотеки.

Меня тревожило, что Гоблин и Одноглазый действуют сейчас самостоятельно. «Это у тебя материнский инстинкт пробудился, – заявили они, показывая свои дрянные зубы. – Прямо как курица, которая боится хоть на шаг отпустить от себя цыплят». Правда, на свете не так уж много кур, вынужденных волноваться из-за того, что их цыплята могут надраться, забыть, чем занимались, и отправиться на поиски приключений.

Аду кивнул в ответ. Сказать ему всегда нечего.

Очутившись в библиотеке, я рьяно взялась за дело, хотя до меня пришла всего пара копиистов. Иногда Дораби удастся сосредоточиться не хуже Савы. Это помогает отвлечься от тревог.

– Дораби? Дораби Дей Банержай?

Я медленно вынырнула из сна, изумляясь, как это меня угораздило уснуть на корточках в углу. В такой позе обычно сидят гунниты и нюень бао, но не веднаиты, не шадариты и не остальные, принадлежащие к малочисленным этническим группам. Мы, веднаиты, предпочитаем сидеть со скрещенными ногами на полу или на подушке. Шадариты любят низкие кресла или стулья. Если у шадарита нет хотя бы самого примитивного стула, это считается признаком бедности.

Я не вышла из образа даже во сне.

– Шри Сантараксита?

– Ты болен? – озабоченно спросил он.

– Устал. Не выспался. Ночью охотились скилдирша. – Вообще-то, Теней так называют тенеземцы, но Сантараксита и ухом не повел. За время Протектората это слово прочно вошло в обиход. – Крики мешали спать.

– Понятно. Я и сам не выспался, хотя по другой причине. Даже не представлял себе, какой это на самом деле кошмар, пока утром не увидел, что они натворили.

– Значит, скилдирша проявляют должное уважение к жреческому сословию.

У него еле заметно дрогнули губы, и я поняла, что ирония дошла.

– Я в ужасе, Дораби. Это зло не похоже ни на что, с чем мы сталкивались прежде. Одно дело – такие слепые бедствия, как наводнение, мор или глад. Их нужно переносить стоически. И против Тьмы иногда бессильны даже сами боги. Но посылать шайку Теней, чтобы они снова и снова убивали, просто так, наобум, а не по какой-то, пусть даже совершенно безумной, причине? Подобное зло прежде творили только северяне. – (Дораби приложил титанические усилия, чтобы не стиснуть челюсти.) – Прости, но я знаю, что говорю. Ты наверняка никогда не встречался с этими чужаками.

Он сделал ударение на последнем слове – его таглиосцы употребляли, имея в виду прежде всего Черный Отряд.

– Встречался. Я видел самого Освободителя, когда был

маленьким. И еще ту, кого они называли Лейтенантом, после ее возвращения из Дежагора. С тех пор прошло много лет, но я все помню, потому что именно в тот день она убила всех жрецов. Видел я пару раз и Протектора. – Ничего особенного в моих словах не было, любой взрослый таглиосец мог бы сказать то же самое. На протяжении нескольких лет, перед тем как отправиться в поход против Длиннотени, засевавшего в своей крепости под названием Вершина, Черный Отряд то входил в город, то оказывался за его пределами. Я поднялась. – Пойду. Мне нужно еще кое-где прибраться.

– Ты добросовестно выполняешь свою работу, Дораби.

– Спасибо, шри Сантараксита. Я стараюсь.

– Бесспорно. – Похоже, у него что-то вертелось на языке. –

Я принял решение: ты можешь пользоваться любыми книгами, кроме закрытого фонда.

В закрытом фонде хранились книги, имеющиеся в единичных экземплярах. Пользоваться ими разрешалось только особо доверенным ученым. Мне пока удалось узнать лишь несколько названий.

– Если для тебя не будет других поручений.

Прекрасно. Фактически, я всегда какую-то часть дня провожу без дела, ожидая, когда мне поручат работу.

– Спасибо, шри Сантараксита.

– Мне хотелось бы обсуждать с тобой прочитанное.

– Да, шри Сантараксита.

– Мы стоим на неизведанном пути, Дораби. Впереди нас

ждет волнующее и пугающее путешествие.

Человек предубежденный, он действительно верил в то, что сказал. Тот факт, что я умею читать, вывернул его вселенную наизнанку, и теперь он пытался приспособиться к ее новой конфигурации.

Я взяла швабру. В моей вселенной волнующие и пугающие события – нормальное явление. И мне ненавистна мысль, что я здесь, а не там, где могла бы держать их под контролем.

Маленький дервиш в коричневой шерстяной хламиде выглядел глубоко ушедшим в раздумья. Он что-то шептал, не замечая происходящего вокруг. Скорее всего, пересказывал сам себе священные тексты Ведны, как их понимали члены его секты. Хотя серые были утомлены и раздражены, они не стали к нему цепляться. Их учили уважать всех святых людей, а не только тех, кто находится под защитой религии шадаритов. Любой, кого коснулась рука мудрости, в конце концов найдет свой путь к свету.

Терпимость к ищущим просветления характерна для всех таглиосцев. Большинство из них озабочено посмертным благополучием души. Гунниты даже считают поиски просветления одной из четырех главных стадий идеальной жизни. Если человеку удалось вырастить и хорошо обеспечить своих детей, ему следует отринуть все сугубо материальное, все свои амбиции и поиски удовольствий. Уйти в лес, чтобы жить отшельником, или странствовать, кормясь подаянием, или каким-то другим способом потратить остаток своих дней на поиски истины и очищение духа. В истории Таглиоса и стран, расположенных дальше к югу, много славных имен властителей и просто богатых людей, которые избрали для себя именно такой путь.

Но человеческая природа остается человеческой природой...

Серые не позволили дервишу продолжить свои поиски в Чор-Багане. Сержант остановил бродягу. Его товарищи окружили святого человека. Сержант сказал:

– Отец, не ходи туда, нельзя. Эта улица закрыта для движения по приказу министра Лебеда.

Даже мертвый, Плетеный Лебедь должен был принять на себя вину за политику Душелов.

Дервиш как будто не замечал серых, пока буквально не натолкнулся на них.

– Что?

Серые помоложе засмеялись. Людям нравится, когда

оправдываются их предрассудки.

Сержант повторил сказанное раньше и добавил:

– Тебе придется свернуть направо или налево. Мы разыскиваем злобных тварей, которые прячутся впереди. – Он явно был неглуп.

Дервиш взглянул направо, взглянул налево. Вздрогнул и изрек слегка дребезжащим голосом:

– Все зло – результат метафизической ошибки.

И двинулся по улице направо. Это была очень странная улица – почти пустая. В Таглиосе такое нечасто увидишь.

Спустя мгновение сержант-шадарит пронзительно взвизгнул от внезапной боли и захлопал себя по боку.

– В чем дело? – спросил другой серый.

– Кто-то ужалил меня... – Он закричал снова, и это означало, что ему и впрямь очень больно, поскольку шадариты гордятся своей способностью терпеть любые мучения.

Двое помощников попытались задрать ему рубашку, а третий ухватил его за руку, не давая дергаться. Сержант снова пронзительно закричал.

У него задымился бок.

Серые в страхе отступили. Сержант упал и забился в конвульсиях. Дым все клубился, и вот он принял форму, которую никому из серых не хотелось видеть.

– Ниасси!

Демон Ниасси начал нашептывать тайны, которые никто из шадаритов не желал слышать.

Самодовольно ухмыляясь, Гоблин проскользнул в Чор-Баган. Он исчез задолго до того, как кому-то пришло в голову задуматься, нет ли связи между страданиями сержанта и появлением дервиша-веднаита.

Со всех сторон к месту происшествия сбегались серые. Офицеры, рвякая и ругаясь, загнали их обратно на посты, прежде чем обитатели Чор-Багана сообразили, что у них появилась возможность скрыться. Очевидно, это был отвлекающий маневр, с целью дать тем, за кем охотились серые, шанс сбежать.

Начала собираться толпа. Среди людей шнырял мальчишка из племени нюень бао, который, улучив момент, срезал у кого-то кошелек и проскочил мимо серых. Один из них вспомнил, что уже видел его в тот вечер, когда блюстителя порядка побили камнями. Дисциплина рушилась.

Офицеры делали все, что могли. И по большому счету справились с задачей. Лишь несколько человек покинули Чор-Баган, и полдюжины проникли в него. Среди них тощий маленький старик, с головы до ног укутанный в желтое, как одеваются прокаженные.

Одноглазому эта идея не понравилась. Почему именно он должен обмотаться желтой тканью? Опять Гоблин задумал какую-то пакость.

Шестеро налетчиков приблизились к дому спереди и с тыла, группами по трое. Одноглазый был среди первых. При виде желтого люди панически разбежались. Прокаженных

боятся все.

Никого из шести не обрадовала идея насчет налета при дневном свете. Это не в обычаях Отряда. Но для нас недоступна ночная тьма, пока на улицах бесчинствуют Тени. И в порядке исключения все – и летописцы, и колдуны – пришли к единому мнению, что днем Дщерь Ночи вряд ли сумеет позвать Кину на помощь. Есть и еще один плюс: наверняка в светлое время суток она меньше опасается нападения, а это шанс застигнуть ее врасплох.

Прежде чем начать штурм, обе группы проверили, на месте ли у всех колдовские нитяные браслеты. Каждый колдун запасся низкопробными пугающими чарами, и теперь они зажуужжали в хлипком строении роем пьяных комаров.

Налетчики были уже в доме, они осторожно продвигались, переступая через одних дрожащих от страха людей, обходя других. Снимавшие здесь жилье семьи до этого момента считали, что им крупно повезло. Как-никак они имели крышу над головой, даже если ютиться приходилось в коридоре. Обе группы оставили снаружи по человеку, чтобы никто посторонний не смог проникнуть внутрь. Еще двое взяли под охрану ветхую лестницу – не нужно жильцам бегать по ней вверх и вниз. Гоблин и Одноглазый встретились у входа в подвал и обменялись жалобами на то, что в их распоряжении так мало людей, а потом с преувеличенной любезностью стали предлагать друг другу первым спуститься в логово врага.

В конце концов согласился Гоблин, но только на том основании, что обладает превосходством молодости и быстротой ума. Он запустил парочку плывущих в воздухе звезд в глубину подвала, где тьма была чернее, чем сердце Кины.

– Они здесь! – воскликнул Гоблин. – Ха! Мы их достали...

Хлоп – и что-то вроде пылающего тигра возникло прямо из ничего. Тигр прыгнул на Гоблина. Сбоку вынырнула тень и выбросила вперед что-то длинное и тонкое, обвившее шею маленького колдуна.

В то же мгновение взлетела трость Одноглазого и опустилась на запястье Нарайяна с такой силой, что хрустнула кость. Живой святой душил выронил румел, и тот плавно полетел в глубину подвала.

Через голову Гоблина Одноглазый швырнул что-то туда, откуда появился тигр. Помещение заполнилось призрачным светом, похожим на сияние болотного газа. Внезапно этот свет пришел в движение, окутав фигуру молодой женщины. Она захлопала по себе ладонями, пытаясь стряхнуть его.

Пока ее внимание было отвлечено, Гоблин сделал движение рукой. Женщина упала.

– Черт! Дерьмо! Сработало! Я гений! Признай, что это так. Я проклятуший чертов гений!

– Ты гений? А кто разработал план?

– План? Какой план? Успех зависит от деталей, коротышка. Кто позаботился о деталях? Подумаешь, он предложил: давайте захватим эту парочку. План! Любой идиот мог при-

думать такой план.

Продолжая ворчать и переругиваться, они связали пленников.

Одноглазый сказал:

– Раз ты такой умный, давай продумай в деталях, как нам выбраться отсюда вместе с ними. И главное, как пройти мимо серых.

– Все уже давно продумано, кретин. У серых теперь хлопот полон рот, им некогда заниматься прокаженными. – Гоблин начал обматывать куском желтой ткани голову Дщери Ночи. – Напомни мне предостережь наших: эта подруга – мастерица создавать иллюзии.

– Пусть только попробует. – Одноглазый, в свою очередь, принялся обматывать желтой тканью Нарайяна.

В мгновение ока Гоблин тоже сменил свою коричневую хламиду на желтую. Четверо братьев, стоявших на ступеньках лестницы, все шадариты, столь же быстро преобразились в серых.

– Я уже говорил и сейчас повторю: дурацкий план, – сказал Одноглазый.

– Потому что его я разработал?

– Вот именно. Смотри-ка, начинаешь соображать. Добро пожаловать в реальную жизнь.

– Если влипнем в какое-нибудь дерьмо, вини не меня, а Дрему. Идея-то ее.

– Нужно что-то делать с этой девчонкой. Чертовски много

у нее идей. Долго ты еще будешь тут воздух портить?

– Не бей Нарайяна слишком сильно. Ты же не собираешься его на руках нести?

– Это ты мне говоришь? А сам чем занимаешься, старый извращенец? А ну-ка убери поганые руки!

– Я всего лишь кладу управляющий амулет ей на сердце, сушеный ты кал. Чтобы не было с ней проблем по дороге домой.

– Ах, ну да. Очень предусмотрительно. Но почему бы не увидеть светлую сторону ситуации? У тебя наконец проснулся интерес к девицам. Она так же хороша, как ее мать?

– Лучше.

– Следи за языком. Может, тут обитают призраки. И я подозреваю, что некоторые из них способны разговаривать друг с другом, что бы там ни утверждал Мурген.

С этими словами Одноглазый поволок едва держащегося на ногах Нарайяна Сингха по ступеням.

– Уверен, у нас все получится! – воодушевился Одноглазый.

Комбинация серых с прокаженными оказалась идеальным способом взбудоражить весь Воровской сад, особенно в тот момент, когда настоящие серые бегали вокруг в полной растерянности.

– Не хочется разбивать тебе сердце, старикашка, – сказал Гоблин, – но, боюсь, мы попались. – Он оглянулся через плечо.

Одноглазый тоже обернулся.

– Твою же мать!

Маленький летучий ковер опускался прямо на них, сопровождаемый молчаливой стаей ворон. Душелов. Судя по позе, злорадствующая.

Она что-то сбросила.

– Рассредоточились! – рявкнул Гоблин. – И не давайте этим двоим улизнуть.

Он повернулся к опускающемуся коврику, чувствуя, что сердце колотится где-то в области горла. Если дойдет до драки, от колдуна останется мокрое место. Он вытянул руку в перчатке, схватил прилетевший черный шар, размахнулся и метнул обратно в небо.

Душелов возмущенно взвизгнула. Это не таглиосцы, среди них не найдется такого наглеца. Она направила ковер в сторону, избегая соприкосновения с черным снарядом.

Удача ей не изменила. Пронзительно свистя, там, где она только что находилась, промчался огненный шар, такой же как и те, что дырявили стену дворца, а людей поджигали, как свечи из дрянного сала. Она возобновила спуск. Еще два комка пламени едва не задели ее. Душелов укрылась за домом. Ее душил гнев, но она не утратила ясности мышления.

Над ее головой запылали фейерверк, это одна за другой взрывались вороны. Дождем посыпались кровь, плоть и перья.

Душелов посовещалась сама с собой, на разные голоса. И

пришла к выводам.

Нет, это не жители Чор-Багана. Чужаки. Их не удалось бы обнаружить, если бы они не пытались отсюда выбраться. А раз пытаются, значит добыли то, за чем пришли. Что именно? Вот это они и стараются скрыть.

– Значит, они здесь, в городе. Но мы их не разыскали. Ни малейшего следа, ни единого слуха – кроме тех, что и были предназначены для наших глаз и ушей. До сего момента. Стало быть, не обошлось без колдовства. Вон тот наглый коротышка, похожий на жабу, Гоблин. А ведь главнокомандующий Могаба клялся, что видел его мертвым. Кто еще уцелел? Неужели главнокомандующий не заслуживает доверия? Неужели пускает нам пыль в глаза?

Исключено. Других друзей у Могабы нет. Душелов накрепко привязала его к себе.

Она опустила летучую снасть на землю, сошла с нее, разобрала легкий бамбуковый каркас, завернула палки в ковер и оглядела улицу. Гоблин со товарищи вышли вон оттуда. Что могло им здесь так отчаянно понадобиться, что они пошли на риск разоблачения? Что-то очень важное. Необходимо выяснить. Наверняка это представляет очень большой интерес для нее самой.

Одно произнесенное шепотом слово силы – и в подвале уже светло. Как же здесь грязно! Душелов медленно поворачивалась, рассматривала. Похоже, тут жили мужчина и жен-

щина. Мужчина – старый, женщина – молодая. Отец и дочь? Одна лампа. Разбросанная одежда. Несколько горстей риса. Еще немного пищи – похоже, рыбное блюдо. А это что? Письменные принадлежности. Книга? Кто-то только что начал писать в ней на неизвестном языке. Краем глаза Душелов заметила промелькнувшее черное пятно. Она резко обернулась и съежилась, опасаясь нападения бродячей Тени. Скилдириша питали особенную ненависть к тем, кто осмеливался командовать ими.

Крыса бросилась наутек, выронив предмет своего любопытства. Душелов опустилась на колени и подняла длинную полосу черного шелка с вышитой в углу эмблемой в виде древней серебряной монеты.

– Ах вот оно что! – Она рассмеялась, точно девчушка, до которой наконец-то дошел смысл непристойной шутки. Взяла книгу и еще раз внимательно осмотрела помещение, прежде чем покинуть его. – Как плохо, однако, оплачивается преданность.

На улице она снова собрала ковер, на этот раз не выказывая ни малейшего беспокойства из-за возможного обстрела. Эти люди давно ушли, они теперь далеко. Свое дело они знают. Но ничего, вороны выследят их.

Душелов замерла, пристально глядя вверх, но не видя сидящей на коньке крыши белой вороны.

– Как им удалось обнаружить этих двоих?

Что случилось? – беспокоенно спросила Сари, даже не успев снять лохмотья Минь Сабредил.

Я и сама еще была одета как Дораби Дей Банержай.

– Исчез Мурген. Гоблин был уверен, что они с Одноглазым его прочно закрепили, но, пока все мы отсутствовали, он куда-то подевался. Не представляю, как нам его вернуть.

– Я спрашиваю, что произошло в Воровском саду? Туда отправилась Душелов. Не знаю, что у нее были за дела, но вернулась она совершенно другим человеком. Я не смогла

подслушать все, что Душелов рассказывала Радише, но одно ясно: она или нашла, или выяснила что-то такое, что полностью изменило ее настроение. Как будто ей внезапно стало не до шуток.

– Не знаю, – сказала я. – Может, Мурген сможет объяснить. Если удастся вернуть его.

Тут к нам присоединился Гоблин – и давай расталкивать Одноглазого, уснувшего в кресле Бань До Транга.

– Оба мирно отдыхают, – сообщил он. – Я их опоил. Нарайян рыпался, девчонка держалась на диво спокойно. Боятся нам надо ее.

– Что это с ним? – кивнула я на Одноглазого.

– Просто устал. Он ведь уже старый. Вот проживешь хоть половину того, что у него за плечами, и посмотрим, будет ли у тебя хоть половина его резвости.

– Почему ты считаешь, что девчонка опасна? – спросила Сари.

– Потому что она дочь своей матери. Еще не очень преуспела в колдовстве, учиться-то ей не у кого, но у нее природные способности, и она может очень далеко пойти. Даже стать такой же сильной, как ее мать, но без рудиментарных представлений об этике, которые были у Госпожи. От нее прямо-таки несет...

– От нее несет не только тем, о чем ты говоришь, – пропищал Одноглазый. – Первое, что надо сделать с этой милашкой, – швырнуть ее в чан с горячей водой. Добавить три-че-

тыре горсти поташного мыла и отмачивать не меньше недели.

Мы с Сари переглянулись. Если девчонке удалось оскорбить даже чувства Одноглазого, значит она и впрямь ходячий кошмар.

Гоблин ухмыльнулся от уха до уха, но смолчал.

– Слышала, вы наткнулись на Протектора, – сказала я.

– Она засела на крыше или где-то еще, ждала, что будет дальше. Ну и дождалась. Пара огненных шаров – и она убралась, поджав хвост. И больше не высывалась.

– И никто за вами не проследил?

Я спросила лишь для проформы, ведь они понимали, что поставлено на карту. Даже не приблизились бы к дому, будь у них хоть малейшее сомнение в том, что это небезопасно.

Допусти они промашку, серые уже подожгли бы наш склад.

– Мы были готовы к встрече с воронами.

– Со всеми, кроме одной, – проворчал Одноглазый.

– Что?

– Я видел там белую ворону. Хотя она не попыталась за нами увязаться.

И снова мы с Сари обменялись взглядами. Сари сказала:

– Я хочу переодеться, поесть и малость отдохнуть. Давайте встретимся через час. Если у тебя осталась хоть капля совести, Гоблин, ты постарайся отыскать Мургена.

– Некромант у нас ты.

– А кто клялся, что посадит его на цепь? У тебя есть час.

Гоблин заворчал что-то под нос. Одноглазый мерзко захихикал и не предложил ему помощи. Вместо этого обратился ко мне:

– Ты как, готова укокошить своего библиотекаря?

Я не призналась ему, что идея уже не вызывает у меня сильного отторжения. Похоже, Сурендранат Сантараксита подозревает, что Дораби Дей Банержай – не тот, за кого себя выдает. А может, я поддалась паранойе, мне слышится в словах библиотекаря то, чего он вовсе даже не думает.

– Пусть тебя не волнует шри Сантараксита. Он очень добр ко мне. Сказал, что я могу брать любую книгу, какую пожелаю. За исключением книг из закрытого фонда.

– Ух ты! – воскликнул Одноглазый. – Кому-то все же удалось найти тропинку к сердцу нашей Малышки. Нипочем бы не догадался, что она проходит через книги. Не забудь называть первенца в мою честь.

Я сунула кулак ему под нос:

– Надо бы выбить тебе последний зуб и сказать, что так и было. Но меня приучили уважать старших, даже тех, кто несет чушь, выжил из ума и песком сыплет. – Моя религия хоть и сосредоточена намертво на едином истинном Боге, все же требует почитать предков. Любой веднаит верит, что покойная родня может услышать его молитвы и похлопотать за него перед Богом и святыми угодниками. Если считает, что потомок ведет себя достойно по отношению к ней. – Я

собираюсь последовать примеру Сари.

– Позови, если захочешь потренироваться, чтобы не ударить в грязь лицом перед новым хахалем.

Его кудахтанье внезапно смолкло – мимо ковыляла Гота. Когда я оглянулась, Одноглазый уже снова храпел. Эстафета брюзжания перешла от старого дурака к старой дуре.

В осажденном Джайкуре я снова и снова клялась себе, что никогда в жизни не стану привередничать в еде. Что бы ни предложили, буду благодарно улыбаться и говорить «спасибо». Но время у любого сотрет память о данных обетах. Рис и вонючая рыба надоели мне едва ли меньше, чем Гоблину и Одноглазому. Поесть чего-нибудь другого удастся крайне редко, и помогает это слабо. Уверена, что нюень бао не обладают чувством юмора исключительно по вине своей кухни.

Я зашла к Сари. Принявшая ванну, отдохнувшая, с распущенными волосами, она выглядела на десять лет моложе. Легко поверить, что десять лет назад любой молодой мужчина при виде ее пускал похотливые слюни.

– У меня еще есть немного денег из тех, что достались от одного человека, принявшего на юге не ту сторону, – сообщила я, помахивая двумя бамбуковыми палочками, между которыми был зажат кусочек рыбы.

Нюень бао не желают пользоваться кухонным скарбом, еще несколько веков назад вошедшим в здешний быт. У До Транга стряпать позволялось только его соплеменникам.

– И что? – недоуменно спросила Сари.

– Я готова их потратить. Если хватит на свинью.

Веднаитам не положено есть свинину. Но уж коли я сподобилась родиться женщиной, местечка в раю для меня не припасено.

– Да на кого угодно, лишь бы он жил не в воде. – Я снова взмахнула палочками.

Сари меня не поймет. Ей все равно, что есть, – была бы пища. Рис да рыба каждый день – это ли не благодать? Возможно, она права. За пределами этих стен очень и очень многие едят сатту, потому что не могут себе позволить рис. Хватает и тех, кто вообще никакую еду не может себе позволить. Правда, теперь стараниями Душелов таких стало гораздо меньше.

Сари начала рассказывать мне еще об одном монахе Бходи, который у входа во дворец сегодня требовал встречи с Радишей. Однако мы как раз подошли к освещенному помещению, где изготовлялся инвентарь для вечерних «представлений», и она вдруг застыла как вкопанная, глядя вперед.

– Неплохо бы поймать следующего... – начала было я, но Сари перебила меня.

– Какого черта он тут делает? – проворчала она.

Теперь и я увидела. В нашу жизнь вернулся дядюшка Дой. И выбрал же момент... Интересно и подозрительно.

Я также отметила, что Сари, когда волнуется, говорит по-таглиосски. У нее с родным племенем свои счеты. Хотя, по правде сказать, у нас на складе языком нюень бао пользова-

лась только матушка Гота, да и та – исключительно из вредности.

Дядюшка Дой ростом невелик, но мускулист и жилист. Ему за семьдесят, и в последние годы у него заметно испортился характер. Он не расстается с длинным, слегка изогнутым мечом, который называет Бледным Жезлом. «Бледный Жезл – моя душа» – так он говорит. В каком-то смысле он жрец, хотя не считает нужным объяснять что-либо по этому поводу. Однако его религия допускает владение боевыми искусствами и использование священного оружия. На самом деле он ничей не дядюшка. Это прозвище у нюень бао является почтительным титулом, а все они считают Доя достойным уважения.

Со времен осады Джайкура дядюшка Дой то возникал среди нас, то исчезал, всегда скорее отвлекая, чем оказывая содействие. То путался под ногами из года в год, то вдруг пропал на недели и даже на месяцы. В последний раз он отсутствовал дольше года. Возвратясь, Дой никогда не снисходил до рассказа о своих приключениях, но, судя по наблюдениям Мургена и моим собственным, он по-прежнему упорно искал Ключ.

Любопытно, что он материализовался так внезапно именно сейчас, когда Нарайян и девчонка оказались в наших руках. Я спросила Сари:

– Твоя мать уходила сегодня со склада?

– Я тоже сразу же задалась этим вопросом. Надо будет вы-

яснить.

В отношениях матери и дочери не ощущалось тепла. Мурген не был причиной разлада, но, безусловно, стал его символом.

Существовало мнение, что дядюшка Дой – колдун, хотя и довольно слабый. Никаких подтверждений тому я не видела, если не считать сверхъестественного владения Бледным Жезлом. Дой стар, суставы у него окостенели, рефлексy притупились. И все же мне не вообразить достойного противника для него. Не приходилось мне встречать и человека, который вот так же посвятил свою жизнь куску стали.

Хотя, вдруг подумалось мне, есть доказательства его принадлежности к колдовской породе. Без малейшего труда он пробирается по лабиринту чар, созданному Гоблином и Одноглазым, чтобы защитить нас от непрошенных гостей. Надо бы поручить этой парочке, чтобы не выпускала его отсюда, пока не объяснит, как проделывает свой трюк.

– Ну и как мы решим эту проблему? – обратилась я к Сари.

В ее голосе заскрежетал камень:

– Можно запереть его вместе с Сингхом и Дщерью Ночи.

– Враг моего врага – все равно мой враг, это ты хочешь сказать?

– Дой мне никогда не нравился. По меркам нюень бао, он выдающийся человек, благородный герой, заслуживающий почитания. И одновременно он олицетворяет собой все, что

мне не нравится в моем народе.

– Ты про скрытность?

Сари не удержалась от улыбки. Она ведь плоть от плоти нюень бао.

– Это у нас в крови.

Тобо заметил, что мы стоим, разговаривая. И стрелой помчался к нам. Так разволновался, что забыл о своем суровом образе.

– Мама, дядюшка Дой здесь.

– Вижу. Он сказал, что ему понадобилось в этот раз?

Я предостерегающе коснулась ее руки. Не нужно затевать ссору.

Дой, конечно, уже заметил наше присутствие. Никогда не встречала человека, столь же чуткого к происходящему вокруг. Дядюшка мог расслышать каждое слово, даже сказанное шепотом. Очень сомневаюсь, что возраст ослабил его слух. Дой жадно ел рис и не глядел в нашу сторону.

– Пойди поздоровайся, – сказала я Сари. – Мне нужна пара секунд, чтобы настроиться на разговор с ним.

– Лучше пошлю за серыми, пусть устроят тут облаву. Как же он мне надоел! – Она даже не потрудилась понизить голос.

– Мама, ты чего?

Напустив на себя невозмутимый вид, я встретилась взглядом с Доем. И спросила голосом, лишенным всяких эмоций:
– Что такое Ключ?

Связанные, с кляпом во рту, Нарайян Сингх и Дщерь Ночи наблюдали за нами, дожидаясь своей очереди.

В глазах Доя промелькнула искорка удивления: «Да кто она такая, чтобы допрашивать меня?»

Я была уже в новом образе, позаимствованном у одного из членов шайки, с которой мы враждовали несколько лет на-

зад. Бандита звали Ваджра Нага. Шайка уже давно распалась, Ваджра Нага благополучно отбыл в лучший мир, но время от времени я пользовалась его наследием.

Дой закономерно ожидал допроса с пристрастием. Но я не собиралась заходить так далеко. Судьбы Отряда и нюеньбао переплелись столь тесно, что жестокое обращение с дядюшкой возмутило бы наших самых ценных союзников.

Дой не издал ни звука. Собственно говоря, я и не рассчитывала, что он прямо так, с ходу, сделается голосистее камня.

– Нам нужно открыть проход на плато Блισταющих Камней. Мы знаем, что у тебя нет Ключа. Знаем также, откуда нужно начинать его поиски. Мы с удовольствием вернем его тебе, как только освободим наших братьев. – Я остановилась, позволяя ему сделать мне приятный сюрприз, то есть ответить. Он не воспользовался этой возможностью. – Похоже, у тебя есть какие-то философские причины не желать открытия прохода. Должна тебя разочаровать: мы его откроем. Найдем способ. У тебя единственный выбор – либо поучаствовать в этом, либо нет.

На одно мгновение взгляд Доя сместился с меня на Сари. Дядюшка хотел понять ее позицию.

А что тут неясного? Ее муж угодил в ловушку на плато Блισταющих Камней. И желания одинокого жреца какого-то мутного культа для нее не имеют ни малейшего значения.

Даже Бань До Транг и Кы Гота не выказывали готовности

поддержать его, хотя в силу вековых традиций были настроены по отношению к нему благосклонно.

– Если не поможешь нам, то не получишь Ключа, когда мы сделаем свое дело. И что значит «помочь», решать нам. Первый шаг к сотрудничеству – отказ от увертливости и избирательной глухоты нюень бао.

Ваджра Нага не тот типаж, к которому можно обращаться часто. В мифологии нага – змея, живущая под землей и не питающая никаких симпатий к роду человеческому. Опасность заключается в том, что легко можно увлечься и влиться в образ так плотно, будто он скроен специально для тебя. Не раз бывало, что я, разозлившись самую малость, становилась Ваджрой Нагой.

– У тебя есть то, что нам нужно. Книга. – Можно это назвать озарением или интуицией, но, чем бы оно ни было, в его основе лежат сведения, полученные мной от Мургена и из Анналов. – Вот такой том, – очертила я квадрат в воздухе и двумя пальцами показала толщину, – в переплете из дубленой телячьей кожи. Написана неумелой рукой на языке, на котором уже семь веков не говорят. Это почти полная копия первой из Книг Мертвых, утраченных священных текстов детей Кины. Допускаю, что ты даже можешь этого не знать.

Нарайян и даже Дщерь Ночи наострили уши.

– Эту Книгу выкрал из крепости Вершина волшебник по прозвищу Ревун, – продолжала я. – И спрятал ее, не желая,

чтобы она попала в руки Душелов или вот этой красотки. А ты либо видел, как Ревун ее прятал, либо случайно наткнулся на нее вскоре после того, как это произошло. И перенес в безопасное место, забыв о том, что все тайное когда-нибудь становится явным. Нет такого клада, которому суждено остаться ненайденным.

И снова я замолчала, предоставляя дядюшке возможность ответить. И снова Дой ее упустил.

– Так что давай решай. Только хочу напомнить: ты стар, выбранный тобой преемник погребен на плато вместе с моими братьями и у тебя здесь нет союзников, кроме Готы, чей энтузиазм, сдается мне, почти угас. Ты, конечно, можешь молчать – в этом случае правда вместе с тобой уйдет во тьму. Но не Ключ. Он останется здесь и попадет в другие руки. Тебя хорошо покормили? Наш До Транг очень заботлив. Эй, принесите дорогому гостю чего-нибудь выпить. Не дадим ему повода обвинить нас в нерадушии.

– Ты из него ни слова не вытянешь, – недовольно проворчал Одноглазый, когда я отошла за пределы слышимости – даже слышимости Доя.

– Я на это и не рассчитываю. Просто дала ему пищу для размышлений. Пойдем-ка побеседуем с этой парочкой. Нужно вынуть кляп у Сингха и развернуть гада спиной к девчонке, чтобы не мог получать от нее подсказки.

Жуткое создание. Даже связанная, с кляпом во рту, девица излучала осязаемую ненависть. Помести ее в компанию

людей, готовых поверить, что она выбрана богиней Тьмы, и станет понятно, почему возродился культ обманников. Даже странно, что это произошло совсем недавно. Лет десять они с Нарайяном скитались, прячась от агентов Протектора и силясь подчинить себе немногих уцелевших душил. И только сейчас, когда мы почувствовали, что способны кое-кому вцепиться в горло, они дали знать о своем существовании. Несложно предвидеть, что гунниты с их богатым воображением наверняка сочтут это событие очередным зловещим предзнаменованием Года Черепов.

– Нарайян Сингх, – сказала я, снова войдя в образ Ваджры Наги, – упрямый старикашка, почему ты еще не подох? Может, Кина и в самом деле благоволит тебе? А если так, то разумно предположить, что здесь, у меня в руках, ты оказался по ее воле.

Мы, веднаиты, горазды все объяснять промыслом Божьим. Вопреки этому промыслу даже травинка не шелохнется. Бог давным-давно знает глубину ямы с коричневой субстанцией, куда он однажды тебя столкнет.

– А крови на этих руках немало, уж не сомневайся.

Сингх молча смотрел на меня. Без особого страха. И не узнавая.

Наши пути уже пересекались, но я слишком мало причинила ему неприятностей, чтобы остаться в памяти.

Дщерь Ночи, напротив, вспомнила меня. По глазам было видно: она считает, что допустила ошибку, которую нельзя

повторить. Я же, глядя на нее, думала об ошибке, которую нам нельзя допустить, и не важно, насколько полезным оружием эта девица могла бы стать для нас. Она напугала даже Ваджру Нагу, слишком тупого, чтобы бояться хотя бы за собственную шкуру.

– Ситуация тебя беспокоит, но не страшит, – продолжала я, обращаясь к Сингху. – Надеешься на свою богиню. Прекрасно. Даю слово, что мы не причиним тебе вреда. При условии, что будешь сотрудничать. Мы в долгу не останемся.

Он не поверил ни единому моему слову, что вполне естественно. Обычное дело – палач дает обреченному надежду, добиваясь от него подчинения.

– А если откажешься, вся твоя боль достанется не тебе.

Он попытался повернуться, чтобы взглянуть на девушку.

– Не прямо сейчас, Сингх. Вернее, не только сейчас. Хотя именно с этого мы начнем. Нарайян, у тебя есть то, что нам нужно. А у нас есть вещи, которые наверняка представляют для тебя ценность. Я готова на честный обмен, клянусь всеми нашими богами.

Нарайян как воды в рот набрал. Но было у меня ощущение, что он не совсем глух к правильно выбранным словам.

Дочь Ночи тоже это почувствовала. И стала корчиться, производить звуки, пытаясь привлечь к себе внимание. Такая же упрямая и безумная, как ее мать и тетка. Кровь, что поделаешь.

– Нарайян Сингх, когда-то давным-давно, можно сказать,

совсем в другой жизни, ты был зеленщиком в городке под названием Гондовар. Каждое лето ты уходил оттуда, чтобы возглавить шайку туга.

Чего-чего, а этого Сингх никак не ожидал. Теперь он выглядел встревоженным и растерянным.

– У тебя была жена Яшодара, которую ты не при посторонних звал Лили. И дочь Кадита, – похоже, имя ты ей дал неспроста. И трое сыновей: Валмики, Сугрива и Аридата. Аридату ты так и не увидел, ведь он родился после того, как Хозяева Теней увели в плен всех трудоспособных мужчин Гондовара.

Вот когда Нарайян по-настоящему забеспокоился. Все, что было до прихода Хозяев Теней, он считал канувшим в безвременье, потерянным навсегда. После своего неожиданного спасения бывший зеленщик всецело посвятил себя богине и ее Дщери.

– Кругом тогда царил хаос, и были причины считать, что привычный тебе мир не переживет Хозяев Теней. Но ты ошибался, Нарайян Сингх. Яшодара родила тебе третьего сына, Аридату, и прожила достаточно долго, чтобы увидеть его взрослым. Несмотря на бедность и лишения, выпавшие на ее долю, твоя Лили умерла всего два года назад. – Фактически, сразу после того, как мы ее обнаружили. Я все еще подозреваю, не перестарались ли мои братья в поисках Нарайяна. – Из сыновей еще живы Аридата и Сугрива. Здравствует и дочь Кадита. Правда, она сменила имя, когда с ужа-

сом узнала, что ее отец – не кто иной, как знаменитый Нарайян Сингх. Теперь она зовется Амбой.

Украд дитя Госпожи, Нарайян прославился как один из величайших злодеев. Все люди – взрослые, по крайней мере, – слышали и это имя, и множество историй о гнусных деяниях того, кто его носил. Хотя, по правде говоря, большинство этих историй были выдумками, они обросли несуществующими подробностями и прежде связывались с именем другого демона в человеческом обличье – именем, постепенно выветрившимся из народной памяти.

Сингх так хотел остаться равнодушным, но мне удалось-таки завладеть его вниманием. Что поделаешь, семья чрезвычайно важна для всех – кроме нас, конечно.

– У Сугривы свое дело, хотя желание избавиться от влияния твоей репутации завело его сначала в Айодак, а потом в Джайкур, когда Протектор решила, что город должен быть вновь заселен. Он рассудил, что там, где все будут пришлыми, ему удастся начать с чистого листа.

Неосторожно сказанное мною слово «Джайкур» не миновало ушей обоих пленников. Пользы им от этого никакой, но они поняли, что я родилась не в Таглиосе. Таглиосец назвал бы этот город не иначе как Дежагор.

– Аридата очень приятный молодой человек, красивый, статный, – продолжала я. – Он служит в армии, младший командир в одном из городских батальонов. Быстро продвигается по служебной лестнице. Весьма вероятно, получит пол-

ноценный офицерский чин из тех, что учредил главнокомандующий.

Я замолчала. Никто не произнес ни слова. Для некоторых сказанное мною стало новостью, хотя мы с Сари начали разыскивать родню Нарайяна много лет назад.

Я встала и вышла, чтобы налить себе большую чашку чая. Терпеть не могу чайных церемоний нюень бао. В их глазах я, конечно, варварка. Терпеть не могу и крошечные чашечки, которыми они пользуются. Уж пить чай, так пить. Заварить покрепче и непременно добавить меду.

Вернувшись, я снова уселась перед Нарайяном. В мое отсутствие все хранили молчание.

– Так что же, живой святой душил, ты и впрямь отказался от всех земных привязанностей? Хотел бы снова увидеть Кадиту? Она была совсем крошкой, когда ты оставил семью. А как насчет встречи с внуками? У тебя их пятеро. Я могу распорядиться, и самое большое через неделю один из них будет здесь. – Я хлебнула чая, глядя Сингху в глаза и надеясь, что он напряженно обдумывает открывшиеся возможности. – Но с твоей головы не упадет ни один волос, Нарайян. За этим я лично прослежу. – Я одарила его улыбкой Ваджры Наги. – Кто-нибудь покажет нашим гостям их комнаты?

– Что ты затеяла? – спросил Гоблин, когда пленников увели.

– Хочу, чтобы Сингх поразмыслил о своей непрожитой жизни. И о возможности потерять даже то, что от нее оста-

лось. О риске лишиться даже своего мессианства. И наконец, о том, что избежать всех этих напастей очень легко: достаточно сказать нам, где лежит сувенир, который он вынес из логова Душелов под Кьяулуном.

– Сингх вздохнуть не смеет без позволения девчонки.

– Посмотрим, как он поведет себя, получив шанс принять самостоятельное решение. Если чересчур заупрямится, а время будет поджимать, с помощью ваших чар я заставлю его поверить, что я – это она.

– А с ней как быть? – спросил Одноглазый. – Ты и ею сама займешься?

– Наложите несколько этих ваших колдовских удавок, по одной на каждую лодыжку и запястье. И двойную вокруг шеи.

Среди прочего у нас было небольшое стадо, и за годы Одноглазый и Гоблин, стимулируемые своей невероятной ленью, разработали для управления им специальные заклинания. Чем дальше заходило животное за запретную черту, тем туже стягивались петли.

– Дочь изворотлива, да и богиня на ее стороне. Я бы предложила убить ее, но тогда нам не дожидаться помощи от Сингха. Другое дело, если ухитрится сбежать. В этом случае она просто умрет от удушья. Меня вполне устроит потеря сознания из-за нехватки воздуха. И еще – нельзя допустить регулярных контактов ни с кем из наших людей. Не забывайте, как ее тетка Душелов окрутила Плетеного Лебедя. Кстати, о

Лебеде. Тобо, не сказал ли он чего-нибудь интересного?

– Только играет в карты, Дрема. Болтает без умолку, но в основном разную чепуху. На манер дядюшки Одноглазого.

– Это ты мальчика так настроил, морда лягушачья? – прошептал «дядюшка».

– Похоже, Лебедь остался прежним, – сказала я.

Я закрыла глаза и начала большим и указательным пальцем массировать лоб, стараясь изгнать образ Ваджры Наги из сознания. Хотя был соблазн его оставить, очень уж нравилось мне его змеиное хладнокровие и отстраненность.

– Ох, и устала же я...

– Так почему бы нам всем не выйти в отставку? – проворчал Одноглазый. – Черт возьми, по чьей вине мы теперь по уши в дерьме? Кто, если не Капитан, десятилетиями рвался в Хатовар и нас туда тащил? И теперь вы, две бабы, затеяли священную войну за освобождение Пленных. Малышка, лучше найди себе парня да потрать годик на постельные утехи. Нам никогда не вытащить наших людей. Смирись с этим. Просто думай о них как о мертвецах.

Предатель, живущий в моей душе, каждую ночь перед сном нашептывал то же самое. Особенно упорно он внушал мысль о невозможности вернуть братьев.

– Нельзя ли вызвать нашего дорогого покойника? – спросила я у Сари. – Одноглазый попросит его оценить новый план.

– Чего-чего?! Нет уж, пусть этим займется жаболицый. А

мне пора принять лекарство.

Ухмыляясь вопреки боли в суставах, Гота заковыляла вслед за Одноглазым. На какое-то время эта парочка исчезнет. Если нам повезет, Одноглазый быстро налижется и уснет. Если нет, он приползет обратно и сцепится с Гоблином, а нам придется его умирять. И это будет целое приключение.

– А вот и наш бродяга.

Сари сумела-таки зазвать Мургена в его туманное вместилище.

– Расскажи о белой вороне, – потребовала я.

Вопрос застал его врасплох.

– Иногда я становлюсь ею. Но не специально.

– Сегодня в Чор-Багане мы захватили Нарайяна Сингха и Дщерь Ночи. Там была и белая ворона. А тебя не было здесь.

– Думаешь, я был там? – Он выглядел совсем уж сбитым с толку и даже обеспокоенным. – Не помню такого.

– Похоже, Душелов заметила птицу. А всех своих ворон она знает наперечет.

– Я там не был, но почему-то знаю, что произошло, – продолжал Мурген. – Неужели опять началось?

– Ладно, успокойся. Расскажи лучше, что именно ты знаешь.

Мурген повторил каждое слово, произнесенное Душелов, и описал все, что она делала после того, как укрылась от нашего обстрела. Каким образом узнал об этом, он не объяс-

нил, да и вряд ли смог бы.

– Ей известно, что Сингх и девчонка у нас, – сказала Сари.

– Интересно, Душелов догадывается, зачем они нам понадобились? Между этими двумя и Отрядом старая вражда.

– Она только тогда решит, что дело именно в старой вражде, и успокоится, когда увидит их трупы. Ей все еще не верится в смерть Лебеда. Протектор очень подозрительная женщина.

– Ну, подсунуть ей труп Нарайяна будет нетрудно. В городе миллион тощих, грязных мелких стариков с дрянными зубами. Другое дело – красивая двадцатилетняя девушка с голубыми глазами и кожей чуть бледнее, чем слоновая кость.

– Серые наверняка засуетятся, – сказала Сари. – Независимо от того, подозревает она что-либо или нет, Протектор не захочет, чтобы в ее городе творилось непонятное.

– Вот тут Радиша может с ней поспорить. Кстати, о Радише: давно уже бродит в уме одна мыслишка. Хочу послушать, что ты об этом думаешь.

Когда адепты Бходи пробирались через толпу, многие одобрительно хлопали их по спине. Монахам это не сказать что нравилось, но они помалкивали. Чем больше свидетелей, тем лучше.

Ритуал вершился так же, как и в прошлый раз.

Очередной коленопреклоненный жрец в оранжевой хламиде вспыхнул, едва серые начали отшвыривать со своего пути его помощников. Хлынул вверх густой дым, в нем виднелся череп Черного Отряда. Единственный глаз злобно гля-

дел прямо в душу всем, кто толпился вокруг. В утреннем воздухе раскатилось:

– Их дни сочтены.

И вдруг на деревянном заборе, что закрывал восстанавливаемую стену, замерцали высокие, в рост человека, нанесенные известью буквы. Они сложились в слова: «Воды спят», «Мой брат не отмщен», которые медленно ползли туда и обратно.

На крепостной стене тотчас появилась Душелов.

Еще одно, больших размеров, облако дыма поднялось над горящим монахом. Возникло лицо – самое удачное изображение Капитана в исполнении Одноглазого и Гоблина. Оно заговорило, обращаясь к замершим в благоговейном страхе людям:

– Раджахарма, долг князей. Знай же: княжеский сан – это доверие. Князь – облеченный высшей властью и самый добросовестный слуга народа.

Я начала выбираться из толпы. Происходящее разозлит Протектора, и она может пойти на скоропалительные – и свирепые – меры самозащиты.

Но этого не случилось. Вроде бы Душелов ничего не делала, но внезапно подул ветер и разогнал дым. А еще он раздул пламя, пожирившее монаха Бходи, и разнес по городу запах горелого мяса.

Когда шри Сантараксита поинтересовался причиной моего опоздания, я сказала правду:

– Еще один адепт Бходи сжег себя перед дворцом. Я не удержался, пошел посмотреть. Тут, конечно, не обошлось без колдовства.

Я описала, что видела. У Сантаракситы – в точности как у многих очевидцев самосожжения сектанта – это разом вызвало и отвращение, и интерес.

– Как думаешь, Дораби, зачем монахи Бходи на это идут?

Я знала зачем. Не нужно быть гением, чтобы понять их цели. Непонятно было другое: откуда такая решимость?

– Этим они дают понять Радише, что она не выполняет своего долга перед таглиосцами. Ситуация представляется им нетерпимой, и они выражают протест тем способом, который невозможно проигнорировать.

– Я тоже считаю, что цель именно такова. Однако остается вопрос: что может сделать Радиша? Протектор не уйдет из Таглиоса только потому, что кому-то она не нравится.

– Простите, шри, но у меня много работы, к тому же я опоздал.

– Иди, иди. Я должен созвать бхадралок. Может быть, нам удастся придумать, как Радише ослабить хватку Протектора.

– Удачи вам, шри.

Удача ему уж точно понадобится. Только самый невероятный счастливый случай может вложить в руки Сантаракситы и его единомышленников оружие, способное сразить Душелов. Подозреваю, что эти умники из бхадралока даже не понимают по-настоящему, кого себе выбрали во враги.

Я стерла пыль, вымыла полы, проверила ловушки для грызунов и только тогда заметила, что в библиотеке почти никого. Спросила у Баладиты, старого переписчика, куда подевались его коллеги. Оказывается, они разбрелись, как только старшие библиотекари отправились на собрание своего бхадралока. Переписчики знают, что бхадралок – это сплошная говорильня, многочасовое брюзжание и споры, вот и

устроили себе выходной.

Не следовало упускать такую возможность. Я начала просматривать книги и даже рискнула подобраться к запретным стеллажам. Баладита этого не заметил – он видел не дальше трех футов от своего носа.

Джауль Барунданди дал в напарницы Минь Сабредил молодую женщину по имени Рахини и отправил убираться в покоях Радиши. Уборщицами руководила Нарита, уродливая толстуха с раздутым до крайности самомнением. Нарита недовольно заявила Барунданди:

– Мне нужно еще шесть женщин, чтобы навести порядок в помещении совета, когда управлюсь с комнатами княжны.

– Не будет тебе больше женщин, бери сама веник в руки. Я вернусь через пару часов. Надеюсь увидеть, что дело

спорится. Я дал тебе лучших работниц из тех, что сегодня пришли. – И Барунданди отправился портить настроение кому-то другому.

Толстухе пришлось сорвать зло на Сабредил и Рахини. Сабредил не была знакома с Наритой, прежде эта женщина не появлялась при ней в княжеских покоях. Орудую шваброй, Сабредил прошептала:

– Кто эта злюка? – и погладила своего Гангешу.

Рахини, не поднимая головы, глянула вправо-влево:

– Как же ей не быть злюкой? Она жена Барунданди.

– Эй, вы! Вам деньги не за болтовню платят.

– Простите, госпожа, – сказала Сари. – Я не поняла, что нужно делать, а вас беспокоить не хотела.

Толстуха заворчала, но тут же переключилась на кого-то другого. Рахини чуть улыбнулась и прошептала:

– У нее сегодня хорошее настроение.

Шли часы. У Сабредил заболели колени, потом руки, потом все мышцы тела. Женщина понимала, что они с Рахини оказались под началом у жены Барунданди не только потому, что могли выполнить определенную работу. Среди поденщиц они были не самыми смышленными или привлекательными. Барунданди хотел убедить жену в том, что всегда нанимает только таких женщин. Нет никаких сомнений, что где-нибудь в другом месте он, как и его помощники, всюю пользуется своей властью над обездоленными и отчаявшимися.

День выдался неподходящий для исследований. Работы было больше, чем могли выполнить три женщины. У Сари не было даже возможности вырвать еще несколько страниц из Анналов. К тому же вскоре поднялась суматоха, забежали важные люди. Как будто прямо сквозь стену просочился слух, что еще один монах Бходи сжег себя перед дворцом и Радиша ужасно расстроилась. Нарита сама сообщила женщинам:

– Она очень напугана. Закрылась в Комнате Гнева. Теперь почти каждый день туда ходит.

– Комната Гнева? – удивленно пробормотала Сари. Прежде ей ни о чем подобном слышать не приходилось, но до недавнего времени она и не работала в такой близости от самого сердца дворца. – Что это, госпожа?

– Есть такая комната в глубине дворца, где княжна может рвать на себе волосы и одежду, бушевать и лить слезы. Она не выйдет оттуда, пока совсем не успокоится.

Как же это по-гуннитски, подумала Сабредил. Только у кого-нибудь из них может возникнуть такая идея. Их религия персонифицирует все и вся. В ней есть и боги, и богини, и демоны, и дэвы, и ракшасы, и якшасы, и много кого еще – в разных ипостасях и с разными именами. Все эти сущности были очень деятельны в прежние времена, но сейчас они слишком заняты, чтобы вернуться к людям.

Только очень богатая гуннитка могла додуматься до того, чтобы обзавестись Комнатой Гнева. Гуннитка, которой до-

сталась тысяча комнат и которая не знает, что с ними делать.

Позже в этот день Сабредил подстроила так, что ей позволили убрать освободившуюся Комнату Гнева. Крошечный покой оказался пуст, если не считать циновки на лакированном деревянном полу и маленького алтаря предков. Комната была полна чада с мощным запахом благовоний.

Хорошо, что при мне не было ни одной страницы Анналов, – сказала Сари. – Серые обыскали нас на выходе. Одна женщина, Ванха, попыталась украсть миниатюрную масляную лампу из серебра. Завтра Джауль будет ее «наказывать». На это у него наверняка уйдет все утро.

– Интересно, знает ли о проделках Барунданди его начальство?

– Сомневаюсь. А что?

– Можно сделать так, что об этом станет известно. И тогда

его вышвырнут.

– Не нужно. Знакомый черт лучше незнакомого. Честным человеком труднее манипулировать.

– Я его ненавижу.

– Спору нет, это гнусный тип. Власть, даже пустяковая, портит. Но мы здесь не для того, Дрема, чтобы реформировать Таглиос. Мы ищем способ освободить Плененных. И беспокоим наших врагов, когда это не мешает выполнению основной задачи. Сегодня мы очень неплохо поработали: Радиша просто раздавлена нашими посланиями.

Сари рассказала о том, что она обнаружила. Потом и я поделилась с ней собственной маленькой победой:

– Я проникла в закрытый фонд. И похоже, нашла оригинал тома Анналов, который мы спрятали во дворце. Он в ужасном состоянии, но все страницы на месте, и текст можно разобрать. Не исключено, что там есть и другие тома. Пока что я ознакомилась только с частью закрытого фонда. Потом мне пришлось искать туфли Баладиты, чтобы внук мог отнести его домой.

Упомянутая книга лежала прямо здесь, на столе. Я с гордостью похлопала по ней ладонью. Сари спросила:

– Ее не хватятся?

– Надеюсь, что нет. Я поставила на ее место заплесневелый том, который мне не нужен.

Сари сжала мою кисть:

– Отлично. Ты молодец. Наконец-то дела идут в гору. То-

бо, найди Гоблина, мне нужно с ним кое-что обсудить.

– Пойду взгляну, что делают наши гости, – сказала я. – Может, кто-нибудь уже готов посеCRETничать со мной.

Увы, в качестве слушательницы я интересовала только Лебеда, причем делиться секретами он не собирался. Пусть по-своему, но он был так же неисправим, как Одноглазый, правда его манеры меня не раздражали. Сердце у Лебеда было незлое. Подобно многим людям, он стал жертвой обстоятельств, а теперь старался сохранить голову на плечах в бурном водовороте событий.

Дядюшка Дой был недоволен тем, как с ним обращаются, хотя его и не посадили под замок.

– Безусловно, мы сможем обойтись без этой книги, – сказала я ему. – Даже сомневаюсь, что смогла бы ее прочесть. Просто хочется быть уверенной в том, что она не вернется к обманникам. На самом деле нам нужны сведения, которые хранятся в твоей голове.

Ох и упрям же старый Дой! Он явно еще не созрел для того, чтобы заключить с нами сделку или хотя бы увидеть в нас союзников.

– Неужели все, что ты знаешь, умрет вместе с тобой? – спросила я, уже собираясь уходить. – И ты окажешься последним нюень бао, который следовал Пути? Тай Дэй не сможет пойти по нему, если навсегда останется на плато Блистающих Камней. – Я подмигнула.

Дядюшку Доя я понимала лучше, чем ему казалось. Это

не конфликт с нравственными принципами, а нежелание подчиняться кому бы то ни было. Старик желает поступать исключительно по собственному разумению, не идти ни у кого на поводу.

Дой изменит свое мнение, если я и дальше буду напоминать, что он смертен и не имеет ни сына, ни ученика. Упрямство нюень бао – притча во языцех, но даже они не жертвуют всеми своими надеждами и мечтами, когда можно этого избежать.

Затем я посетила Нарайяна, только чтобы напомнить: не в наших интересах причинять ему вред. Другое дело – Дщерь Ночи. Мы сохраняем ей жизнь только потому, что рассчитываем на его сотрудничество.

– Можешь еще немного поупрямиться. У нас есть и другие дела, но, как только мы с ними покончим, вплотную займемся тобой. И уж постараемся избавить тебя от иллюзий.

Это главное, на что я упирала в разговорах с каждым из пленников. Внушала, что их надежды и мечты под ударом. Этак, пожалуй, можно заработать дурную репутацию в духе Душелов и Вдоводела, Грозотени и Длиннотени, остаться в памяти людской как Убийца Чайний. Неплохо звучит, правда?

Я представила себе, как, подобно Мургену, витаю в ночи. Но, в отличие от него, несущий бездонный мешок, в чью мглу бросаю все мечты, украденные у тех, кто забылся беспокойным сном. Прямо как ракшас из далекого прошлого.

Дщерь Ночи даже не подняла глаз, когда я приблизилась. Она сидела в клетке, которой Бань До Транг обзавелся для содержания крупных и опасных животных, иногда леопардов, но чаще тигров. Взрослый тигр-самец очень высоко ценится у аптекарей. Дщерь Ночи была закована в кандалы. С леопардами и тиграми мы таких мер предосторожности не принимали.

Вдобавок, как я подозревала, ей подмешивали в еду немного опиума и белладонны. Здесь не было глупцов, недооценивающих ее возможности. Очень уж жуткая у нее фамильная история. Да еще и богиня маячит за ее спиной.

Разум подсказывал, что нужно убить Дщерь сейчас же, пока Кина не проснулась. Тогда до конца моих дней можно будет не беспокоиться насчет конца света. Сменится несколько поколений, прежде чем темная богиня создаст новую Дщерь Ночи.

Подсказывал разум и другое: если девушка умрет, Пленные могут навсегда остаться в пещерах.

Разум подсказал и еще кое-что, после того как я посвятила некоторое время разглядыванию девицы. Она не игнорировала меня. Она просто не знала о моем присутствии. Ее сознание блуждало где-то далеко. Что настораживало и даже пугало. А вдруг Кине удалось высвободить ее душу? Тем же способом, как это происходило с Мургенем?..

Шри Сантараксита задержался возле меня:

– Очень хорошо, что ты помог вчера Баладите, Дораби. Я совсем позабыл о нем – захлопотался, когда готовил собрание бхадралока. Но будь осторожен, а не то внук постарается взвалить на тебя заботу о старике, будет уговаривать, чтобы ты отводил его домой. Он уже пытался проделать этот трюк со мной.

Я не смотрела в глаза Сантаракситу, при том что мне очень хотелось увидеть их выражение. По напряжению в го-

лосе библиотекаря я поняла: у него что-то есть на уме. Но я уже и так позволила себе слишком много вольностей, пребывая в роли Дораби. Нет, этот малый не посмел бы смотреть в лицо человеку, принадлежащему к жреческой касте.

– Но я ничего особенного не сделал, шри. Разве нас не учили уважать старших и помогать им? Если мы не будем поступать так в молодости, от кого ждать уважения и помощи, когда мы сами одряхлеем?

– Разумный довод. Однако ты продолжаешь удивлять и интриговать меня, Дораби.

Смутившись, я попыталась сменить тему разговора:

– Доволен ли ты результатом собрания?

Сантараксита на мгновение нахмурился, но тотчас улыбка вернулась на его лицо.

– Ты очень находчив, Дораби. Конечно я недоволен. Да и могло ли быть иначе? Мы только болтаем, не действуем. – Его усмешка ясно показывала, насколько невысокого он мнения о своих единомышленниках. – Протектор успеет состариться и умереть, пока мы обсуждаем, какую форму должно принять наше сопротивление.

– Это правда, что о ней говорят, шри? Будто ей четыреста лет, хотя она свежа, как невеста?

Мне не было до этого никакого дела, я просто хотела увести беседу в сторону от интереса и удивления, которые Сантараксита испытывал в отношении меня.

– По-видимому, таково общее убеждение. Оно принесено

к нам наемниками с севера и чужеземными авантюристами, которых Радиша приняла на службу.

– Тогда выходит, что Душелов и впрямь могущественная колдунья.

– Мне слышится в твоём голосе нотка зависти.

– Разве нам всем не хотелось бы жить вечно?

Он как-то странно посмотрел на меня:

– Но так и будет, Дораби. Эта жизнь – только один из этапов.

Что-то ты не то говоришь, Дораби Дей.

– Я имею в виду, в этом мире. Сам-то я не прочь подольше оставаться Дораби Деєм Банержаем.

Сантараксита снова слегка нахмурился, но ненадолго.

– Как идут твои занятия?

– Прекрасно, шри. Мне особенно нравятся исторические тексты. Столько интересного узнаешь.

– Превосходно. Если я могу чем-то помочь...

– У нюень бао есть письменность? – спросила я. – Или, может, была когда-то?

Это отвлекло его от моей оплошки.

– У нюень бао? Не знаю. Почему тебя это...

– Я несколько раз видел непонятную надпись близ того места, где живу. Никто не ведаёт, что она означает. Я задавал этот вопрос самим нюень бао, но ответа не получил. И никогда не слышал, что среди них есть грамотные.

Сантараксита положил руку мне на плечо:

– Постараюсь выяснить.

Мне показалось, что его пальцы дрожат. Пробормотав что-то неразборчивое, он торопливо ушел.

Говорят, последователи Бходи не обрадовались, узнав, как мы воспользовались их демонстрацией у входа во дворец. Интересно, что они подумают, когда до них дойдет новость о нашей акции в провинции Семхи? На нее у нас большие надежды. Лишь бы только Душелов не опередила нас, тайно приняв меры.

Мурген видел команду Недоноска на пути туда, и она двигалась быстрее, чем отряд, посланный Протектором уничтожить Древо Бходи. Этот отряд превосходит числом наших,

но не ожидает сопротивления. Что ж, через несколько дней он получит крайне неприятный сюрприз.

Между тем наступил сезон дождей. Я задерживалась в библиотеке из-за яростной бури, которая то заливала город потоками воды, то засыпала градинами диаметром в дюйм. Кангали и другие дети выскакивали на улицы собирать ледышки, визжа под ударами града по голой коже. Ненадолго жара спала до почти терпимой. Но вот гроза двинулась дальше, и стало еще душнее, чем прежде. Снова хлынул в ноздри привычный смрад. Одного непогожего дня недостаточно, чтобы как следует промыть город. Хорошо хоть насекомых какое-то время будет поменьше.

Я подняла ношу и напонила себе, что больше нельзя задерживаться в этой выгребной яме.

Еще один заход – и у меня будет все, что может дать библиотека.

Мое приобретение лежало на столе, доступное всем любопытствующим. Правда, прочесть, что там написано, не мог никто. Даже я не могла. Но теперь была уверена, что владею еще тремя оригиналами утраченных томов Анналов. Возможно, самыми первыми, учитывая то, на каком языке они написаны. Вроде бы в спасенной мною книге буквы похожие. Если это и впрямь тот же язык, я с ним в конце концов разберусь.

– Ну-ну, – захихикал Одноглазый. – И кто же переведет

для тебя это сокровище? Твой новый дружок?

Он все твердил, что шри Сантараксита постарается меня соблазнить. И что его сердце будет разбито, когда он в этом преуспеет и обнаружит, что я женщина.

– Хватит болтать, старый пошляк.

– Чем только не пожертвуешь ради дела. Да, Малышка?

Он полез ко мне с советами, расписывая мои будущие отношения с библиотекарем. Опять напился. Или с прошлого раза не протрезвел.

Подошла Сари и вручила мне изрядную кипу страниц.

– Уймись, Одноглазый. Ступай, найди Гоблина. Есть дело. – И обратилась ко мне: – Зачем ты это терпишь?

– Он же безобидный. И слишком старый, такие уже не меняются. Пусть поворчит. Пока он здесь, хоть не вляпается ни во что.

– Ага, ага. Чем только не пожертвуешь ради дела.

– Как-то так. – (Тут появился Гоблин.) – Экий ты скорый!

А Одноглазый где?

– Отливает, сейчас придет. Ну, зачем я вам понадобился?

– Есть возможность проникнуть в Комнату Гнева, – сказала Сари. – Остальное зависит от вас.

– Если сделаешь это, потом не сможешь даже близко подойти ко дворцу.

– О чем речь? – спросила я.

– Думаю, мы можем выкрасть Радишу, – объяснила Сари. – Если повезет и если Гоблин с Одноглазым хорошенько

постараются.

– Гоблин прав. У меня есть идея получше. Если уж мы готовы пожертвовать доступом во дворец, давай это сделаем ради Душелов. Доберемся до одного из ее ковров и поработаем над ним, чтобы развалился на полной скорости, футах в двухстах над землей.

– А что, это мысль, – одобрил Гоблин. – Сара, внеси ее в список. Я не прочь поучаствовать в этом деле. Помню, как в Чарах Ревун врезался в Башню, – красиво было... Разогнался втрое быстрее коня и в стену – бац! Волосы, зубы, глаза – все на...

– Врешь, болван, Ревун оттуда живым ушел. – Это вернулся Одноглазый. – Сейчас он на плато Блистающих Камней, под землей, вместе с нашими парнями. – Судя по ни с чем не сравнимому аромату, Одноглазый не упустил возможности принять «лекарство».

– А ну прекратите! – Сари была явно на взводе. – Наш следующий шаг – нейтрализовать Чандру Гокле. Это уже решено. Со всем остальным разберемся в свое время.

– Нужно провести несколько тренировок, на случай если придется спешно покинуть Таглиос, – сказала я. – Чем активнее мы действуем, тем больше вероятность ошибки. Если это произойдет, Душелов выйдет на наш след.

– Она не тупая, она просто ленивая, – заявил Гоблин.

– Она отозвала свои Тени? – спросила я Сари.

– Не знаю. Ничего об этом не слышала.

– Что нам на самом деле нужно, так это заклинание, чтобы можно было обходиться без сна, – проворчал Гоблин. – Этак в течение года. Дай мне взглянуть на божка Минь Сабредил.

Сари послала Тобо за статуэткой Гангеша. Мальчишка вел себя гораздо приличнее, когда находился в компании взрослых.

Все дружно умолкли – в комнату вкатился Бань До Транг. Кресло толкал один из его людей. Хозяин улыбался, радуясь, что напугал нас.

– У меня новость: в нашу колдовскую паутину угодила парочка мух. На вид они безвредные. Старик и немой. Нужно вывести их и отправить восвояси, но так, чтобы ничего не заподозрили.

У меня холодок прошел по коже, хоть я и не догадывалась, о ком речь, пока не вернулись наши бедные перетрудившиеся Гоблин и Тобо. Они благополучно вывели незваных гостей – вернее, этим занимался Тобо, а Гоблин тайно его страховал.

– Похоже, Дрема, твой ухажер проводил тебя до калитки, – сообщил колдун.

– Что?

– Приходил придурковатый старикашка, пытался впечатлить Тобо тем, что он заведует библиотекой.

На большинство таглиосцев это и в самом деле произвело бы впечатление. Умение читать здесь почти уравнено с колдовством.

– Своего подручного он называл Аду. Ты говорила нам...
Одноглазый радостно взвыл:

– Наша Малышка форменная сердцеедка! Проклятие, я готов все отдать, лишь бы присутствовать при том, как старый дурак засунет руку ей в штаны и не найдет того, что ищет.

Я смутилась. А считала, что неспособна на это с тех пор, как дядя Рафи засунул руку мне под сари и нашел, что искал. Сантараксита, чертов ты престарелый болван! Зачем все усложняешь?

– Хватит об этом! – рявкнула Сари. – Завтра соберется Тайный совет. Думаю, можно этим воспользоваться, чтобы добраться до Гокле. Но со мной должны пойти Сава и Шихандини.

– Зачем? – спросила я.

В мои планы не входили новые посещения дворца.

– Отличная мысль! – ликовал Одноглазый. – Ты не приедешь в библиотеку, старого козла проймает грусть-тоска, он заскулит и захочет выяснить, что случилось. А вдруг ты не явилась из-за него? Хоть он и считает, что ты никак не могла узнать о том, что он следил за тобой. Он у тебя на крючке, Малышка. Осталось только вытащить рыбку из...

– Я же сказала... – попыталась унять колдуна Сари.

– Минутку, – прервала я ее. – В его словах есть резон. Допустим, я подыграю Сантаракситу и уговорю его сделать для меня перевод. Можно даже взять его в нашу коллекцию.

Вряд ли у него большая семья. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем его хватятся?

– Ох и коварна же ты, Малышка! – сказал Одноглазый. – Сушная змея.

– Ты обязательно в этом убедишься, если не прекратишь меня доставать.

– Как насчет Гокле? – спросила Сари.

– Зачем тебе нужны я и Тобо?

– Тобо вложит ему в голову одну идею. У Гокле возникнет зуд, ему надо будет почесаться. Ты прикроешь нас, просто на всякий случай. Тобо возьмет с собой флейту. – (Эта флейта на самом деле была миниатюрной бамбуковой трубкой, стреляющей огненными шарами.) – Как только окажемся внутри, Тобо отдаст ее тебе. – (Сопровождая мать во дворец, Тобо обязательно имел при себе эту флейту. Как говорит Сари, всегда надо думать наперед.) – И еще я хочу, чтобы Джауль Барунданди не забыл о твоём существовании. Мне не обойтись без тебя при захвате Радиши. Гоблин, ты можешь что-нибудь сделать с моим Гангешей?

Никто в целом мире не осмелился бы вот так прямо требовать чего-то от маленького колдуна. Но Сари есть Сари. Ей все достается даром.

Я встала, собираясь уйти. У меня были и другие заботы.

– Можно, я покажу твои Анналы Мургену? – спросил Тобо. – Он хочет прочесть их.

– Ты нашел с ним общий язык?

– Похоже на то.

– Ладно, пусть читает. Только скажи, чтобы не слишком меня критиковал. Иначе я не приду и не откопаю его.

Похоже, Нарайян был крайне озадачен моим устойчивым интересом к его особе. Вряд ли он мог запомнить меня. Но теперь он знал, что паренек по кличке Дрема, с которым он сталкивался когда-то, на самом деле женщина.

– У тебя было время подумать. Ну как, решил нам помогать?

Он взглянул на меня с лютой ненавистью, но чувствовалось, что тут нет ничего личного. Я просто досадная помеха, задерживающая неизбежное торжество его богини.

Разум Сингха успел вернуться в привычную колею.

– Ладно. Тогда до завтра. Твой сын Аридата уже в пути.

У твоего сына Аридаты намечается отпуск. Мы устроим вам встречу.

За Дщерью Ночи наблюдал охранник.

– Что ты здесь делаешь, Кендо?

– Приглядываю за...

– Уходи. И не возвращайся. И всем передай: никто не должен охранять Дщерь Ночи. Она слишком опасна. Даже приближаться к ней не смейте, пока я или Сари не прикажем. И даже тогда нельзя приближаться в одиночку.

– Она не кажется...

– С чего бы ей казаться? Ступай.

Я подошла к клетке.

– Сколько времени понадобится твоей богине, чтобы создать подходящие условия для появления на свет такой же, как ты? Если я надумаю убить тебя?

Девушка медленно подняла на меня взгляд. В нем ощущалась такая мощь, что я едва не съежилась от страха, но удержалась. Наверное, нужно увеличить дозу опиума.

– Поразмысли над тем, какую ценность ты для нее представляешь. И над тем, что в моих силах уничтожить тебя.

Возникло ощущение, будто я раздуваюсь. Если верить «эпосам» от профессиональных сказителей, подобные трюки умели проделывать дэвы и боги низшего порядка.

Она не отрывала от меня пристального взгляда. Гоблину

и Одноглазому нужно встретиться с Кендо и проверить, не подчинила ли Дщерь его.

– Полагаю, без тебя никогда не наступит Год Черепов. Ты и жива-то еще потому лишь, что мне нужно кое-что от Нарайяна, который любит тебя, как отец.

Сингх и был ей отцом – во всех практических отношениях. Костоправ оказался лишен этого счастья, уж такова его злая судьба. Или точнее, такова была воля Кины.

Веди себя хорошо, дорогая.

Я ушла. Мне еще нужно было немало прочесть. И кое-что записать, если успею. Мои дни были до отказа забиты делами, и слишком часто все складывалось не так, как планировалось. Я что-то намечала, а потом забывала об этом. Ставила задачи другим – и тоже забывала. Порой я мечтала о том времени, когда успех – или сокрушительная неудача – заставит нас покинуть город. Можно будет затаиться там, где никто меня не знает, и просто побездельничать несколько месяцев.

Или всю оставшуюся жизнь, если захочу.

Мне было ясно, почему каждый год все новые наши братья теряли надежду и уходили прочь. Оставалось лишь надеяться, что будет несколько громких дел – и парни вернуться.

Я внимательно просмотрела страницы, которые принесла Сари, но переводить было трудно; текст не вдохновлял, и я быстро устала. Внимание рассеялось. Я задумалась о шри Сантараксите. И о том, что мне предстоит пойти во дворец,

но на этот раз с оружием. И о том, как поступит Душелов, которая знает, что это мы улизнули от нее в Воровском саду. И о том, что такое старость и одиночество. Подозреваю, именно страх перед тем и другим заставляет многих наших братьев держаться Отряда, что бы ни случилось. Ведь другой семьи у них нет.

Как и у меня.

Я не буду оглядываться назад. Не утрачу самоконтроля. У меня хватит сил. Одержу победу над собой и справлюсь с любой бедой.

Я уснула, перечитывая записанный мною рассказ Мургена о приключениях Отряда на плато Блισταющих Камней. Мне приснились существа, с которыми он там повстречался. Кто они? Мифические ракшасы и наги? Имеют ли они какое-то отношение к Теням или к людям, которые, похоже, создали Тени из несчастных военнопленных?

У меня плохое предчувствие, – сказала я Сари, когда мы с нею и с Тобо отправились в неблизкий путь. – Ты уверена, что Теней на улицах нет?

– Не суетись, Дрема. Ведешь себя как старуха. На улицах спокойно. Единственные чудовища, которых там можно встретить, – это люди. Но с ними мы как-нибудь справимся. И во дворце все получится, если ты хорошенько войдешь в образ. Тобо нужно помнить, что на самом деле он не Шихандини и ему не нужно бояться, как бы его мать не потеряла

работу. Такие люди, как Джауль Барунданди, грубы и жестоки только в собственном воображении. Им нельзя говорить «нет», но это вовсе не значит, что меня могут прогнать из-за любого пустяка. Кое-кто уже заметил, как я работаю. В частности, жена Барунданди. Давайте, соберитесь и войдите в роль. Тобо, тебя это особенно касается. За Дрему я не беспокоюсь, ей надо только сосредоточиться.

Тобо изображал из себя юную девицу, дочь Минь Сабредил. Я очень надеялась, что наше возвращение домой останется незамеченным Гоблином и Одноглазым, иначе они позиздеваются над мальчишкой всласть. Сари применила все свое женское искусство, и Тобо предстал весьма и весьма аппетитной красоткой.

Во всяком случае, Джауль Барунданди его не проглядел. Выкликая работников, первой назвал Минь Сабредил; о бедной Савае, естественно, он в этот момент думал меньше всего.

Сава из всех сил старалась, чтобы ее лицо не выражало ничего, когда позднее нас перехватила жена Барунданди Нарита. Одного взгляда этой бабищи на Шихи было вполне достаточно.

Отныне все члены семьи Сабредил будут работать только с Наритой, и никак не иначе.

Это очень удачно, что Минь удалось снискать расположение Нариты. По весьма немаловажной причине. Ведь именно Нарита отвечала за уборку той части дворца, которая интересовала нас больше всего.

Прежде Сава не приходилось трудиться под началом Нариты. Сабредил рассказала ей все про Саву, и женщина отнеслась с пониманием, которого я никогда не замечала за ней прежде.

– Ну ясно, ничего сложного ей поручать нельзя, – решила она. – Радише опять не спалось, а в такие ночи она швыряется вещами направо и налево. Нам теперь есть чем заняться.

В голосе Нариты сквозило сочувствие. Таглиосцы всегда любили правящее семейство и считали справедливым, что ему позволено больше, чем простым смертным. Подумать только, какую ношу приходится им нести! Раджахарма, этим все сказано.

Сабредил подыскала для меня местечко, откуда я, оставаясь незамеченной, могла наблюдать за происходящим во круг. Они с Наритой принесли мне гору медных изделий. Правящее семейство питало особую страсть к меди. Сава перечистила уже, наверное, тонну медных вещей. Что вполне понятно – Сава нельзя доверять ничего хрупкого.

Шихи подошла ко мне и спросила:

– Тетя Сава, ты не постережешь мою флейту?

Я взяла инструмент, повертела в руках, сунула в рот и с идиотской ухмылкой извлекла несколько звуков. Только для того, чтобы никто не сомневался, что это самая настоящая флейта. Хотя, конечно, вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову, что этим «инструментом» можно запросто уложить полдюжины людей, если они вздумают надоедать флейтисту

в минуту плохого настроения.

Жена Барунданди спросила Шихи:

– Ты играешь на флейте?

– Да, госпожа. Но не очень хорошо.

– А вот я, еще девочкой, играла неплохо... – Она умолкла, заметив, что ее муж заглянул к нам уже второй раз за это утро, и справедливо заподозрив, что его интересует не только ход работы. – Сабредил, по-моему, ты поступаешь неразумно, приводя сюда дочь, – проворчала она и добавила после паузы: – Я сейчас вернусь. Нужно сказать пару ласковых этому человеку.

Как только она вышла, Минь Сабредил мгновенно оказалась в Комнате Гнева Радиши. Я восхищалась: чем сложнее ситуация, тем четче работает у нее голова. Иногда даже кажется, что ей доставляет удовольствие роль служанки во дворце.

Несмотря на большой объем работы и частые отлучки Нариты с целью пресечь попытки мужа подгрести к Шихи или перевести ее в другую группу работниц, в середине дня мы покинули личные покои Радиши и переместились в мрачный зал Тайного совета. Прошел слух, что адепты Бходи собираются послать еще одного ненормального, чтобы сжег себя у входа во дворец. Само собой, Радиша постарается помешать этому.

От нас требовалось подготовить зал к очередному собранию совета.

На самом деле слух о затее монахов Бходи зародился в уме Кы Сари. Она распустила его для того, чтобы Шихандини смог встретиться с Чандрой Гокле лицом к лицу.

Прошло почти два часа, прежде чем появились писцы, незаметные людишки, которым предстояло записывать все сказанное. Затем прибыл Пурохита в сопровождении духовных лиц, принимающих участие в Тайном совете. Пурохита не снизошел до того, чтобы заметить наше присутствие, и это при том что Шихи, по ошибке приняв его за Гокле, строила ему глазки, пока Сабредил не сделала ей знак прекратить. Шихи шепотом оправдывалась, мол, все старики на одно лицо.

Ни Арджуна Друпада, ни Чандра Гокле стариками себя не считали.

Мы продолжали работать, никто не обращал на нас внимания. Всем им крупно повезло, что сейчас у нас были другие планы. В принципе, рискуя, конечно, собственной жизнью, мы могли бы учинить кровавую бойню, истребив очень многих «шишек». Но ликвидировать Пурохиту? Какой смысл? Труп не успеет остыть, а старшие жрецы уже найдут замену, такого же гнусного узколобого старикашку.

Едва появившись в зале, Гокле попался на удочку. Сари не зря тщательно обдумала все, что мог сообщить Плетеный Лебедь об этом старом козле. Чандра остолбенел при виде Шихандини, будто получил дубиной между глаз. Шихи превосходно справлялась со своей ролью. Она выглядела одно-

временно застенчивой, невинной и кокетливой и вела себя так, словно ее девичье сердце пронзила стрела любви. Бог устроил мужчин таким образом, что они заглатывают подобную наживку в девяносто девяти случаях из ста.

Барунданди рассчитал очень точно. Он явился за нами как раз в тот момент, когда в зал взбешенной орлицей ворвалась Протектор. Глаза у Гокле сделались как плоски – он увидел, что мы уходим. И поспешил что-то шепнуть одному из своих писцов.

К сожалению, у Джауля Барунданди был острый глаз.

– Минь Сабредил, похоже, твоя дочь произвела впечатление на главного инспектора.

Сабредил изобразила удивление:

– Что? Нет-нет, господин. Это невозможно. Я не допущу, чтобы дочь угодила в ловушку, которая уже сломала мою жизнь.

Сава схватила Сабредил за руку. Со стороны это выглядело так, будто ее напугала вспышка негодования. На самом деле она предостерегала, чтобы Минь не сказала ничего лишнего, что позднее может вспомнить Барунданди, если исчезнет Чандра Гокле.

Не исключено, что нам придется изменить план. Ни у кого не должно быть ни малейшего повода связать с кем-нибудь из нас то, что вскоре случится.

Сабредил сникла, засмушалась. Выглядела так, будто хотела немедленно оказаться подальше отсюда.

– Шихи, идем!

Я была готова дать Шихи крепкого пинка – она кокетничала как форменная шлюшка. Но приказа матери девчонка послушалась.

Сава взялась за последний грязный подсвечник, надеясь, что про нее забудут, пока собирается Тайный совет. Но Джауль Барунданди был начеку.

– Минь Сабредил, уведи свою золовку.

По дороге он попытался заигрывать с Шихандини, но заработал только взгляд, в котором сквозило отвращение.

Минь Сабредил заторопилась вслед за дочерью и потянула меня за собой.

– Что это ты себе позволяешь, Шихи?

– Да я просто шутила. Он ведь и вправду гадкий старый козел.

Негромко, как будто ее слова не предназначались для ушей Барунданди, Сабредил сказала:

– Больше не шути. Смотри, доиграешься. Мужчины, занимающие такое положение, могут делать с тобой все, что захотят, и никто им слова не скажет.

Отнюдь не лишнее предостережение. Меньше всего нам нужно, чтобы кто-то из сильных мира сего затащил Шихандини в темный угол.

Бог даст, до этого не дойдет. Невозможно даже представить себе последствия такого поворота событий. Даже простолюдины зачастую не останавливаются перед насилием,

что же говорить о тех, кто уверен, что для них закон не писан?

– Нарита! – позвал Барунданди. – Куда ты опять запропастилась? Черт бы побрал эту стерву! Наверняка точит ляды на кухне. Или дрыхнет где-нибудь в закутке.

Позади нас, в зале заседаний, зазвучал голос Радиши, но отдельных слов было не разобрать. Ей раздраженно ответил другой голос – скорее всего, Душелов. Мне захотелось поскорее убраться. Я прибавила шагу.

Сава иногда делает то, чего другие не понимают. Минь, разволновавшись, схватила ее за руку. Барунданди сказал Сабредил:

– Веди всех на кухню, вам дадут поесть. Если Нарита там, скажи, что она мне нужна.

– Саве самое время заблудиться, – заявила я, как только он скрылся из вида.

Страницы Анналов, которые Сабредил приносила Дреме, не всегда устраивали последнюю. Сабредил, вынужденная торопиться, не имела возможности просматривать книги и редко приносила что-нибудь действительно интересное.

Я надеялась, что помню дорогу. Даже если у тебя есть нитяной защитный браслет, опутанный паутиной заклинаний дворец – опасное место. Я не разгуливала по нему с тех пор, как Капитан был Освободителем и великим героем таглиосского народа. И даже тогда я побывала здесь лишь несколько раз.

Почувствовав себя неуверенно, я достала мелок, чтобы время от времени рисовать на стенах крошечные буквы сангельского алфавита. За годы, проведенные на юге, я немного выучила этот язык, что оказалось совсем непросто. Если кто-то и обнаружит мои метки, то почти наверняка не поймет их значения.

Я нашла комнату, где были спрятаны старые книги. Чувствовалось, что кто-то нередко бывает здесь. Я взяла книгу подревнее. Черт, ну и тяжеленная же! И вырывать из нее страницы очень нелегко. Они даже не из бумаги, которая здесь вообще малоупотребима. За один раз удавалось выдернуть лишь одну страницу. Вот почему, наверное, Сабредил приносила все, что под руку подвернется. Недосуг ей было выбирать.

Я увлеклась и в какой-то момент забеспокоилась, что отлучилась слишком надолго. Барунданди или его жена могут меня хватиться. Лишь бы не допытывались, почему Сабредил не подняла шум, обнаружив мое отсутствие.

Но, вопреки моей тревоге, я никак не могла остановиться, продолжала вырывать листы. И унялась, лишь когда их набралось столько, что мы и втроем еле-еле смогли бы унести.

Я спрятала добычу в чулане неподалеку от служебного выхода, хотя вовсе не была уверена, что нам удастся улучшить момент и забрать ее. Потом так хорошо сосредоточилась на образе Савы, что и в самом деле почувствовала себя полной кретинкой.

Они обнаружили эту кретинку, грязную, зареванную и безуспешно пытающуюся найти дорогу в зал Тайного совета. «Они» – это другие поденщицы. Меня сразу отвели к Сабредил и Шихандини. Я вцепилась в руку золовки, словно была легкой щепкой, которую мог вновь унести бурный поток.

Джаулю Барунданди, конечно, все это не понравилось.

– Минь Сабредил, я допускаю сюда эту женщину исключительно ради тебя, а не просто по доброте сердечной. Но такие оплошки совершенно неприемлемы. Пока мы занимались поисками, дело стояло...

Он растерянно умолк. К нам приближались Радиша и Протектор. Довольно странно, что они оказались здесь, в этой части дворца, предназначенной в основном для слуг. На что Душелов, безусловно, было наплевать. У этой женщины напрочь отсутствовало классовое или кастовое высокомерие. Мир для нее делился на две половины: она сама и все остальное.

Сава опустилась на корточки, съежилась, уткнулась лицом в колени. Сабредил, Шихандини и Джауль Барунданди шарахнулись в стороны, вытаращив глаза. До сих пор Шихи не видела ни одну из этих женщин.

Сава скрестила пальцы, пряча их между коленей. Сабредил зашептала молитву, обращенную к Гангеше. Джауль Барунданди дрожал от ужаса. Шихандини смотрела с подростковым бесстрашием.

Радиша не обратила на нас никакого внимания. Она в гне-

ве протопала мимо, бормоча, что нужно выпустить кишки всем этим последователям Бходи. Однако в голосе не чувствовалось уверенности. Протектор, напротив, убавила шаг и внимательно осмотрела нас. На мгновение меня с головой накрыло страхом: а вдруг она и в самом деле читает мысли? Потом Душелов двинулась дальше, и Джауль Барунданди кинулся следом, позабыв и о нас, и о Нарите, потому что Радиша бросила ему через плечо какое-то приказание.

Сава поднялась и прошептала:

– Я хочу домой.

Сабредил согласилась, что на сегодня достаточно.

Ни серые, ни княжеские гвардейцы никого не обыскивали. Повезло, ничего не скажешь. У меня под одеждой было столько страниц, что нормальной походки хватило лишь на несколько десятков шагов.

В этот вечер я недолго участвовала в вечернем собрании. Потом, уединившись в своем уголке, стала сравнивать недавно добытые страницы с аналогичными из той книги, которую стащила из библиотеки и которая, по моему мнению, была точной копией – если вообще не оригиналом – подлинного первого тома *Анналов Черного Отряда*. У меня было отличное настроение. Не сомневаюсь, что *Одноглазый* не упустил случая позубоскалить по этому поводу за моей спиной.

Мне не пришло в голову задержаться и узнать, как будет

разыграно искушение Чандры Гокле.

Позднее мне рассказали, что Гокле отправил своего человека проследить за Шихи до ее жилья. Однако шпион не вернулся по истечении всех разумных сроков, что было вполне естественно: он наткнулся на Ранмаста и Икбала Сингхов, после чего мертвый поплыл вниз по реке. Перевозбуждившись в ожидании, Гокле отправился в бордель, предназначенный специально для него, для его приближенных и для тех, кто разделял с ними весьма особые, но едва ли редкие вкусы по части удовольствий. Рекоход с несколькими братьями подкараулили его, когда он покидал дворец. С Гокле были два приятеля, на свою беду решившие составить главному инспектору теплую компанию в этот вечер.

Мурген проследил за развитием событий. Зная, что так и будет, я позволила себе уделить время моим новым приобретениям.

Понадобилось чуть больше часа, чтобы сделать вывод: сегодняшняя добыча – не что иное, как более поздняя версия самых первых Анналов. И еще почти час – чтобы осознать: без помощи специалиста тут не обойтись. Другое дело, если бы я располагала свободным временем, но увы...

Чандра Гокле погиб в этом самом борделе. Задушены были и оба его спутника, причем при свидетелях. Убийцы поспешили скрыться, обронив красный румел.

Серые прибыли почти сразу же. Они погрузили трупы на телегу, объяснив, что Протектор требует немедленно доста-

вить Гокле во дворец. Но серыми они пробыли недолго – ровно столько, сколько понадобилось, чтобы покинуть злачное заведение. И направились они в сторону реки, а не дворца. Лишние тела унесло течение.

Белая ворона, дремавшая на крыше, проснулась, когда похитители и их жертва двинулись вниз по склону. Она расправила крылья и полетела вслед за ними.

Когда Душелов получила известие, рядом находился Мурген. Это произошло вскоре после нападения, и отчет был на удивление полным. Серые потрудились на совесть, чтобы угодить своей хозяйке.

Братья, которые должны были привезти Гокле на склад, еще не прибыли.

Мургену было также поручено хорошенько осмотреться в покоях Протектора, раз уж он окажется там. Однако ничего нового мы не узнали. В ее комнаты никто никогда не входил.

Во всяком случае, с тех пор как Плетеный Лебедь получил там обещанную награду.

Надо бы расспросить Мургена насчет ее интимного быта.

Душелов не ушла к себе. Она сразу отправилась на поиски Радиши.

Княжне уже донесли, что с Гокле случилась беда, но подробности не сообщили. Женщины расположились в аскетичной приемной Радиши. Душелов рассказала все, что узнала, причем говорила очень деловым тоном. Было замечено, что Протектор наиболее опасна и наименее предсказуема именно тогда, когда перестает капризничать и становится спокойной и серьезной.

– Похоже, у главного инспектора были те же слабости, что и у Перхуля Коджи. Мне доложили, что в его ведомстве многие успели подхватить эту «болезнь».

– Ходили слухи.

– И ты ничего не предпринимала?

– Личные развлечения Чандры Гокле, какими бы мерзкими они мне ни казались, не мешали ему в полной мере исполнять обязанности главного инспектора. Налоги выколачивать он был мастер, и это главное.

– И верно. – Деловой тон на миг дал сбой.

Мурген потом рассказывал, как его позабавила мысль, что даже у такой твари могут быть моральные принципы.

– На него напали в том же стиле, что и на Коджи.

– Может, кто-то держит зуб на весь этот департамент? Или

обманники отлавливают для своих церемониальных жертвоприношений мужчин, уличенных в каком-то конкретном грешке?

– Обманники не нападали на Гокле. Тут никаких сомнений. Это сделали те, кто выманил и убил Лебеда. Хотя и он, возможно, жив.

– Жив? – Чувствовалось, что Радиша напугана услышанным.

– Мы не видели его трупа. Заметь, что и в этот раз у нас нет тела. Злоумышленники, замаскированные под наших серых, почти сразу после нападения прибыли туда и увезли Гокле. Меньше чем за неделю Тайный совет потерял двух своих членов. Причем это очень важные фигуры, они выполняли львиную долю работы по управлению государством. И если бы главнокомандующий находился поблизости, я бы взялась предсказать, что именно он станет следующей целью. Галдящая орава жрецов никому не нужна, от нее никакого толку. Духовенство ничем не управляет. Моя сестра доказала, что в случае гибели жрецов можно заменить в два счета. А вот Лебеда и Гокле не заменишь. Серые уже начали расследование.

Мурген отметил в уме, что Лебедь, возможно, лишь притворялся абсолютной марионеткой Душелов.

– Почему это не может быть секта душил? – спросила Радиша.

– Потому что всего день назад те же самые люди срезали

голову этой змее.

Протектор описала случившееся в Воровском саду. Очевидно, до сего момента она ни с кем не делилась этими сведениями. Я убедилась, что Душелов видела в княжне необходимого, но младшего партнера.

– За несколько дней эти люди, которых мы считали уничтоженными раз и навсегда, нанесли нам несколько болезненных ударов. Тут чувствуется ум очень опасного человека.

Нет, не опасного. И даже не удачливого. Это ум человека, одержимого параноидальной идеей, что, как известно, позволяет сдвигать горы. Душелов обладала отменным чутьем на зло того же масштаба, что и ее собственное.

– Мы понимали, что они не останутся во Тьме навечно, – сказала Радиша. И поспешила поправиться: – Я понимала. Капитан не раз предостерегал меня.

Да, в свое время она допустила ужасную ошибку, предав Черный Отряд, но сейчас ей угрожало не прошлое.

Тот враг был похоронен глубоко, в сотнях миль отсюда. Гораздо опаснее был другой, находившийся сейчас в одной комнате с ней.

Союз с Протектором – вот ошибка, на исправление которой Радише не хватит всей жизни. Не подумав о последствиях, она решилась оседлать тигра. Теперь ей не остается ничего другого, как держаться крепче.

– Нужно позвать главнокомандующего, – сказала Душелов. – Только если армия окажется в городе до того, как на-

ши недруги сделают следующий шаг, у нас хватит сил, чтобы их выловить. Отошли приказ немедленно. И нужно оповестить народ о скором возвращении главнокомандующего. У врагов к Могабе особые счета. Они отложат свои планы и попытаются добраться до него.

– Говоришь так, будто наверняка знаешь, как они поступят.

– Я знаю, как поступила бы сама, если бы мной вдруг овладела такая же жгучая жажда мести. Интересно, не готовится ли переворот?

– А что они предпримут потом? – раздраженно спросила Радиша.

– Об этом я пока помолчу. Не потому, что не доверяю тебе. – Душелов, очевидно, даже себе не доверяла. – Просто хочу убедиться, что понимаю, как работает противостоящий мне разум, прежде чем вмешуюсь в его деятельность. Ты же знаешь, у меня к этому талант.

Увы, Радиша знала. Она не ответила. Душелов тоже молчала, будто ждала, когда княжна заговорит. Но той нечего было сказать.

Протектор задумчиво произнесла:

– Хотелось бы мне знать, кто это. Я помню двух старых колдунов. Но у них ни амбиций, ни воображения, ни сил, хотя оба, конечно, крепкие орешки.

Радиша издала звук, похожий на писк придушенного цыпленка:

– Колдуны?

– Те два коротышки. Неразлучная пара. Везунчики, не более того.

– Они выжили?

– Я же сказала, что им везет. Ты кого-нибудь помнишь, кто не участвовал в походе на плато и кого можно было бы рассматривать как потенциального лидера? Я – нет.

– Я думала, что все эти люди мертвы.

– Я тоже так думала. Наш главнокомандующий утверждает, что собственными глазами видел тела многих из них. Но при этом был уверен, что оба колдуна погибли еще раньше. Гм... Сейчас мне это кажется подозрительным. Впрочем, возможно, что единственная его вина – глупость. Ну, вспомнила кого-нибудь подходящего?

– Из братьев Отряда, которых я знаю, – нет. Но там был еще нюень бао, имевший какое-то отношение к жене знаменосца. Что-то вроде жреца. Превосходно владел боевыми ремеслами. Я с ним лишь несколько раз встречалась. И он не упоминался ни в чьих отчетах.

– Мастер фехтования, идущий Путем Меча? Это объяснило бы многое. Но я же убила его, когда... Вот же странность... Ты не замечала, что те, кого можно с уверенностью считать мертвыми, частенько оказываются живыми?

Радиша с трудом сдержала улыбку, редкую гостью на ее лице. Подумать только, кто это говорит!

– Тут замешано колдовство. Нужно быть готовыми ко все-

му.

– Ты права. Абсолютно права. У этого клинка может быть не одно лезвие. – Душелов встала. Голос у нее изменился, теперь он звучал жестко. – Да, не одно. Мастер, идущий Путем Меча... Давненько я не устаивала визитом людей из этого племени. Может, удастся вытянуть из них что-нибудь полезное. – Она вышла из комнаты.

Охваченная тревогой Радиша несколько минут просидела неподвижно. Наконец ушла в Комнату Гнева и заперлась. Невидимый шпион последовал за Протектором, которая, не имея привычки откладывать дела в долгий ящик, поднялась на крепостную стену. Там подготовила к полету маленький одноместный ковер, все время споря сама с собой дюжиной раздраженных голосов.

Мурген не вслушивался, потому что был очень сильно удивлен. Там сидела белая ворона. Она наблюдала за Душелов, которая по-прежнему не догадывалась о присутствии Мургена. Хотя была восприимчива к такого рода вещам, как никто другой, за исключением ее сестры. Вот птица, та заметила Мургена, но не выказала ни малейшего беспокойства. Оглядела его одним глазом, потом другим. И подмигнула, явно сознательно! А потом, как только Протектор взлетела, тоже упорхнула в потемки, похоже вознамерившись сопровождать ее.

Но я же и есть белая ворона!

Он совершенно растерялся. Это продолжалось совсем

недолго, но напугало не меньше, чем в те давние времена, когда Мурген только учился путешествовать вне тела.

Тобо, приведи сюда дядюшку Доя, нужно с ним... – Тут я увидела Кендо Резчика и Ранмаста. – А, вернулись наконец-то. Ну, как все прошло?

– Отлично. В точности по плану.

– А где мой подарочек? – спросила Сари.

– Скоро будет. Он еще не очухался, пришлось тащить.

– Бросьте его здесь. Поболтаю с ним по-дружески, когда придет в себя. – В глазах Сари вспыхнул злой огонек.

Я довольно засмеялась.

– Душелов возомнила, что у нас есть грандиозный план, до тонкостей продуманный неким гениальным стратегом. Если бы она только знала, что мы тычемся наугад, точно слепые котята, и надеемся, что нам повезет и мы найдем путь к Плененным...

– Уж не хочешь ли ты сказать, Малышка, что у тебя не подготовлен следующий ход? – проворчал Одноглазый.

– Конечно готов. – И это было правдой. – Уверена, Душелов нипочем не догадается, каким он будет. Хочу пригласить на ужин шри Сантаракситу. Это будет самое незабываемое приключение в его жизни.

– Хе-хе! Я знал!

Подошел дядюшка Дой, явно недовольный тем, как с ним обращались в последнее время.

– Один из наших друзей только что сообщил о встрече Тысячегласой и Радиши, – сказала я. – Как Тысячегласая до этого додумалась – за пределами моего воображения, но она возомнила, что во всех ее последних неприятностях виноват фехтовальщик, который уже много лет считается мертвым. По последним сведениям, она отправилась в храм села Вин-Гао-Ганг, чтобы навести справки об этом человеке. Полагаю, ты знаешь, что это за храм.

Дой сильно побледнел, у него задрожала привычная к клинку рука и судорожно задергалось правое веко. Он повернулся к Сари.

– Это правда, – подтвердила та. – Что она может там вы-

яснить?

– Говори на языке людей.

– Нет.

Идущий Путем Меча привычно смирился с тем, чего не мог изменить, хотя было видно, что это не доставило ему никакого удовольствия.

– У тебя нужная нам книга, – сказала я. – И ты можешь рассказать нам немало полезного.

Упрямый старик. Решительно настроен не допустить, чтобы я втянула его в свою авантюру.

– Тысячегласая послала за Могобой, – продолжала я. – Рассчитывает добраться до нас с помощью армии. Мы бы и рады уйти из Таглиоса прежде, чем начнутся облавы, но наши дела здесь еще далеко не закончены. Твоя помощь была бы неоценимой. Я уже не раз напоминала тебе: кое-кто из твоего племени остался на плато... Ох!..

– Что такое?! – воскликнула Сари. – Гоблин! Взгляни-ка, что с Дремой.

– Я в порядке. Просто меня вдруг осенило. Послушайте. У Душелов есть все основания считать, что Пленные мертвы. Значит, она уверена, что умер и Длиннотень. Мы-то знаем, что это не так, поэтому и не беспокоимся. Но если она не знает, почему не изумляется тому, что мир еще не наводнили Тени?

Все, даже колдуны, уставились на меня, не понимая, из-за чего я так разволновалась.

– Смотрите, что получается, – продолжала я. – Не важно, жив Длиннотень или умер, пока он по ту сторону Врат Теней. Нет рокового меча, висящего над миром и готового упасть, как только этот безумец закаркает. Кое-кто выживет, кроме самых умных чародеев.

Наши колдуны, далеко не самые умные, сразу повеселели. Их не слишком волновало, что станется с миром, когда они его избавят от своего присутствия.

Что делать с Хозяином Теней после освобождения Пленных? Вот вопрос, занимавший нас в самую последнюю очередь, потому что до этого события было далеко и потому что нас в первую очередь интересовали зримые препятствия на пути к цели. Сари выразила мнение многих:

– Мы пока даже не знаем, сможем ли открыть путь. Стоит ли думать о том, как после закрыть его? Пусть это будет головной болью для тех, с кем мы не дружим.

– Интересно, как это сделали Хозяева Теней? С помощью грубой силы? В ту пору Черный Отряд был еще далеко на севере вместе со своим Копьем Страсти. – Я взглянула на дядюшку Доя, остальные тоже повернулись к нему. – Может, великий позор нюень бао – не такое уж и древнее явление? Может, это случилось лишь несколько десятилетий назад? Примерно в то же время, когда появились Хозяева Теней, и аккурат перед тем, как утвердилась их власть?

Молча посидев минуту-другую с закрытыми глазами, дядюшка Дой размежил веки и сурово посмотрел на меня:

– Давай прогуляемся, Каменный Солдат.

К сожалению, Чандра Гокле, главный инспектор учета и любитель совсем юных девиц, выбрал именно этот момент, чтобы застонать. Я сказала Дою:

– Прошу подождать, дядюшка. Мне нужно развлечь гостя. Обещаю управиться быстро.

Гоблин опустил на колени рядом с министром, несильно похлопал его по щекам и помог сесть. От главного инспектора только что дым не шел, пленник явно собирался обрушить на наши головы громы и молнии. Едва он открыл рот, я наклонилась к нему и прошептала:

– Воды спят.

У Гокле резко повернулась голова. Он мигом вспомнил, где видел меня прежде.

– Дни сочтены, приятель, – продолжил мою игру Гоблин. – И похоже, у тебя их осталось куда меньше, чем у других.

Гокле узнал и его, хотя считалось, что Гоблин мертв. А вспомнив, где видел прежде Сари, главный инспектор затрепетал.

– Ты не забыл, как ты несколько раз оскорбил Минь Сабредил? – спросила Сари. – Она-то уж точно помнит. Мы люди не жадные, заплатим в пятикратном размере. Запрет тебя в тигриной клетке, и обращение будет соответствующим. А через несколько дней, возможно, Пурохита составит тебе компанию. – От ее злорадного смеха меня пробрала дрожь. –

Ваши дни сочтены, но, сколько бы их ни осталось, ты, Чандра Гокле, и Арджуна Друпата проведете их, взывая к земле и небу, к ночи и дню, как наши братья в ледяной могиле.

Часть сказанного, имевшую особый смысл для нюень бао, я не поняла. Но суть уловила. Как и Гокле. Он проведет остаток жизни в одной клетке с самым ненавистным врагом.

Сари снова хихикнула.

Когда она так смеется, это означает, что нервы у нее натянуты до предела.

Я не спускала глаз со старого жреца, когда мы брели сквозь паутину заклинаний, которой был опутан склад. У дядюшки Доя не было защитного амулета. Его голова судорожно подергивалась, ноги то и дело норовили изменить направление движения, но он, напрягая волю, пробирался по лабиринту иллюзий. Возможно, благодаря опыту, приобретенному на Пути Меча. Хотя, помнится, Госпожа не раз говорила, что он тоже колдун, пусть и не слишком сильный.

– Куда мы идем, дядюшка? И зачем?

– Мы идем туда, где нет ушей нюень бао. Старые соплеменники заклеямили бы меня как предателя. Молодые называли бы лживым дураком, а то и похуже.

А я? Пожалуй, я предпочла второй вариант, очень уж раздражали проповеди о внутреннем мире, которого необходимо достичь, с фанатичным упорством готовясь к грядущим битвам. Его философия привлекала очень немногих людей из тех, кто работал у Бань До Транга, и все они были нюень бао, слишком молодые, не испытавшие на своей шкуре войны. Я понимала, что словосочетание «Путь Меча» не несет в себе милитаристского смысла, но у других это не укладывалось в голове.

– Хочешь сохранить в глазах нюень бао образ высокомерного старикашки, который скорее сдохнет, чем поможет недочеловеку-женгали не упасть в яму и не свернуть себе шею?

Было слишком темно, но вроде я разглядела улыбку.

– Да, примерно так, хотя и несколько упрощенно. – Его таглиосский, всегда довольно сносный, стал еще лучше, поскольку мы были одни.

– А ты учитываешь тот факт, что в каждом темном уголке может прятаться летучая мышь, или ворона, или крыса, или даже одна из Теней Протектора?

– Мне не нужно их бояться. Тысячегласая уже знает все, что я собираюсь рассказать тебе.

Ну а если она не хочет, чтобы и я это узнала?

Мы довольно долго шагали молча.

Таглиос не перестает удивлять меня. Дой уверенно шел через роскошный квартал, где люди жили в особняках, окруженных высокими и к тому же охраняемыми стенами. Здешняя молодежь развлекалась на улице Салара, которая появилась много лет назад специально для этой цели. Логика подсказывала, что там, где сосредоточено богатство, нищих должно быть в избытке, но дело обстояло как раз наоборот. Бедным не позволялось оскорблять своим присутствием взгляд богачей.

Здесь, как нигде, запахи щекотали ноздри, но то была не вонь, а ароматы сандалового дерева, гвоздики и духов.

Потом Дой повел меня по темным улочкам квартала храмов. Мы отошли в сторону, пропуская шайку молодых гуннитов. Молодые парни задирали встречных. Вздумай они прицепиться к нам, им бы не поздоровилось, но судьба избавила нас от драки, прислав троих серых.

Нельзя сказать, что шадариты полностью отвергают кастовое деление. Они лишь придерживаются мнения, что к высшей касте должны принадлежать не только жрецы и те, кому по рождению предназначено стать жрецами, но и, конечно же, любой, исповедующий шадаритскую веру. Эта вера, абсолютно еретический, испорченный гуннитским влиянием незаконнорожденный отпрыск моей собственной единственной истинной веры, – содержит в себе нечто очень привлекательное для слабых и обездоленных.

Серые методично отдубасили юнцов бамбуковыми палками и посоветовали обращаться с жалобами к Протектору. Забияки выказали сообразительность, какой я от них не ожидала. Не успели серые схватиться за свистки, чтобы пригласить друзей к участию в забаве, а сопляков уже и след простыл.

Город окутался ночной тьмой, а мы с Доем все шли и шли.

В конце концов дядюшка привел меня в так называемый Олений парк, на участок дикой природы неподалеку от центра. Парк был создан несколько столетий назад кем-то из тогдашних деспотов.

– Ну и к чему такая морока? – спросила я.

Может, в его голове созрел дурацкий план убить меня и оставить труп под деревом? Но какой в этом смысл?

Впрочем, Дой – это Дой. Никогда не знаешь, чего от него ожидать.

– В этом лесу мне куда спокойнее, – объяснил он. – Но я никогда тут не задерживаюсь. Команде лесничих поручено гонять отсюда незаконных поселенцев. А для них незаконный поселенец – любой нетаглиосец или таглиосец, но не из высшей касты... Вот удобное бревнышко, будто нарочно под мой зад выросло.

Я упала, споткнувшись о бревно, о котором шла речь. Поднялась на ноги и сказала:

– Слушаю тебя.

– Сядь. Разговор будет долгим.

– Опустить все богатства.

У джайкурских веднаитов это разговорное слово, означающее подробные объяснения, призванные упростить заучивание священных текстов. Чем, как известно, каждый из них обязан заниматься с малолетства. То есть мои слова означали: «Не трудись растолковывать, на ком лежит вина и как они докатились до такого злодеяния. Просто расскажи, что случилось».

– Просить рассказчика не приукрашивать события – все равно что просить рыбу добровольно отказаться от воды.

– Мне завтра на работу.

– Ладно, как скажешь. Тебе известно, что Вольные Отряды Хатовара и бродячие шайки душил, убивающих во славу Кины, имеют одинаковое происхождение?

– В Анналах можно найти немало намеков, – кивнула я.

Хотя как-то слабо верилось.

– Мою роль в племени нюень бао грубо можно сопоставить с твоей ролью летописца Черного Отряда. И с ролью жреца у душил. Этому последнему, кроме всего прочего, вменяется в обязанность хранить устную историю шайки. С годами туга утратили уважение к письменной истории.

Мои собственные исследования показывали, что за эти века Черный Отряд тоже претерпел изрядную эволюцию. Вероятно, гораздо большую, чем банды обманников, которые все время оставались внутри одной и той же культурной среды, менявшейся весьма незначительно. В отличие от них

Черный Отряд забирался все дальше и дальше в чужие края, и старые солдаты замещались молодыми туземцами, у которых отсутствовала связь с прошлым и которые зачастую даже не знали о существовании Хатовара.

Дой как будто прочел мои мысли.

– Банды душил – слабое подражание первым Вольным Отрядам. Черный Отряд сохранил свое название и кое-что из памяти, но в философском смысле вы гораздо дальше от исходной точки, чем обманники. Ваш Отряд ничего не знает о своих истинных предках; он движется, подчиняясь манипуляциям богини Кины. И не только ее. Есть и другие, не желающие, чтобы ваш Отряд стал тем, чем был когда-то.

Я молчала, но Дой не потрудился ничего объяснить. С ним всегда нелегко.

Зато он сделал то, что было для него даже труднее. Рассказал мне правду о своем народе.

– Ньюень бао – почти чистокровные потомки солдат одного из Вольных Отрядов. Того, который предпочел не возвращаться.

– Но считается, что именно Черный Отряд – тот единственный, который не вернулся. Анналы говорят...

– Анналы не могут сказать больше того, что было известно их авторам. Мои предки пришли сюда, когда Черный Отряд завершил опустошение страны и двинулся на север, уже утратив всякое представление о своей божественной миссии. К тому времени сменилось три поколения солдат, и не при-

лагалось никаких усилий к сохранению чистоты крови. Отряд просто сражался на войне, первой из тех, которые запомнили авторы ваших Анналов. И был почти полностью уничтожен. Похоже, таков удел Черного Отряда. Вновь и вновь сокращаться до горстки солдат, затем возрождаться из праха. И каждый раз утрачивать частицу своей сущности.

– А каков удел твоего Отряда?

От меня не укрылось, что Дой никак его не называл. Впрочем, это было не важно. Название ничего бы мне не сказало.

– Погрязнуть еще глубже в неведении о самом себе. Я знаю истину. Мне известны старые тайны и накопленный опыт. Но я – последний. В отличие от других Отрядов мы взяли свои семьи с собой. Мы – последний эксперимент. Нам было что терять. И мы дезертировали. Ушли и спрятались на болотах. Но смещения кровей не допускали. Почти.

– А эти ваши паломничества? Старики, которые умерли в Джайкуре? Хонь Трэй? И великая, темная, грозная тайна нюень бао, которая так волнует Сари?

– У нюень бао много темных тайн. Все Вольные Отряды имели такие тайны. Мы были орудием Тьмы. Костяные Воины, призванные открыть путь Кине. Каменные Солдаты, сражающиеся за честь остаться в вечности, за то, чтобы наши имена были золотыми буквами высечены на блистающих камнях. Мы потерпели неудачу, потому что наши предки были нетверды в своей вере. В каждом Отряде хватало слабых – слишком слабых, чтобы навлечь Год Черепов.

– А что старики?

– Кы Дам и Хонь Трэй? Кы Дам был последним избранным Капитаном нюень бао. Теперь этот пост занять некому. Хонь Трэй была ведьмой, с ее проклятым даром предсказания, и последним настоящим жрецом. То есть жрицей.

– Проклятый дар?

– Она никогда не предсказывала хорошего.

Я почувствовала, что он не хочет углубляться в эту тему. Последнее пророчество Хонь Трэй касалось Мургена и Сарри, а потому, разумеется, было воспринято всеми благомыслящими нюень бао как оскорбление. И это оно еще не исполнилось в полной мере.

– Великий грех нюень бао?

– О нем ты от Сарри услышала? Ну да, от кого же еще. Как и все, кто родился после прихода Хозяев Теней, она верит, что этот «великий грех» заставил нюень бао укрыться среди болот. Она ошибается. Причина бегства не грех, а стремление выжить. По-настоящему ужасный грех был совершен уже при моей жизни.

В его голосе угадывалась напряженность. Без сомнения, то, о чем он говорил, сильно задевало его чувства.

Я не торопила его.

– Я был совсем мальчишкой, делал первые шаги на Пути Меча, когда появился этот чужеземец. Представительный, средних лет. Его звали Ашуттош Якша. На древнем языке Ашуттош означает что-то вроде «отчаяния грешника». Якша

имеет почти тот же самый смысл, что и в современном таглиосском, то есть «добрый дух». Люди были готовы поверить, что он сверхъестественное существо. Из-за цвета кожи. Очень бледная, прямо-таки белая, светлее, чем у Гоблина или Плетеного Лебедя, которые хотя бы слегка загорели. И все же он не был альбиносом. Глаза совершенно нормальные, а волосы не такие светлые, как у Лебедя. Большинство нюень бао сочли его волшебником. Он знал наш язык; выговор был непривычный, но понять все-таки можно. Сказал, что хочет пройти обучение в храме Вин-Гао-Ганг, слава о котором разошлась далеко. Стали допытываться, откуда он родом, но он отвечал загадками. Дескать, его родина – страна Неизвестных Теней, что под звездами Аркана.

– Он сказал, что пришел с плато Блισταющих Камней?

– Не совсем. Трудно было понять. То ли с плато, то ли из-за плато. Да мы и не вытягивали из него правду клещами. Даже Кы Дам или Хонь Трэй не рискнули давить на незнакомца, хоть он и вызывал беспокойство. Мы довольно скоро поняли, что Ашутош очень сильный колдун. В те дни были еще живы многие люди, помнившие происхождение нюень бао. Они испугались, предположив, что он послан с задачей вернуть нас домой.

Они ошибались. Довольно долго Ашутош был лишь тем, кем он себя объявил, – ученым, который жаждет вкусить мудрости, накопленной в храме Гангеша. Этот храм был для нас святым местом с тех пор, как нюень бао поселились на

болотах.

– Однако здесь отчетливо ощущается некое «но». Этот человек все-таки оказался негодяем?

– Да. Ашуттош был тем, кого позже знали под именем Те-некрут. Он прибыл, чтобы найти наш Ключ, а послал его господин и наставник, которого вы звали Длиннотенью. Еще в юном возрасте этот человек случайно услышал, что не все Вольные Отряды вернулись в Хатовар. Из этого он сделал вывод, до которого больше никто не додумался, – что каждый Отряд, все еще находящийся за Вратами Теней, должен владеть талисманом, способным открывать и закрывать эти Врата. С помощью этого талисмана можно добраться до ракшасов и подчинить их, чтобы вершили для тебя черные дела. Сила, способная убивать, может стать чудовищной в руках честолюбца, не умеющего или не желающего сдерживать ее.

– Ну и что, нашел Ашуттош Якша Ключ?

– Он лишь убедился, что тот существует. Втерся в доверие к жрецам, и кто-то из них проболтался. Вскоре Ашуттош заявил, что его господин, наставник и духовный отец, имя которому Марича Мантара Думракша, весьма впечатленный его отчетами о храме, собирается лично прибыть сюда. Думракша оказался высок и невероятно худ. Он всегда носил маску, – вероятно, у него было изуродовано лицо.

– И ты, услышав это имя – Марича Мантара Думракша, – ничего не заподозрил?

Уже стемнело, и я не могла разглядеть выражение лица

Доя, но чувствовала, что мой вопрос огорчил и обидел собеседника.

– Я был ребенком.

– А нюень бао не интересуются тем, что происходит вне их мирка. Дядюшка, я веднаитка, но даже мне известно, что Мантара и Думракша – легендарные гуннитские демоны. Хоть ты и вынужден жить среди людей низшего сорта, глаза и уши полезно держать открытыми. Тогда какому-нибудь гадкому колдуну-женгалу будет трудней заморочить тебе голову.

– Этот Думракша мог кого хочешь заморочить, – проворчал Дой. – Когда он узнал, что раз в десять лет по тогдашнему обычаю отряд из самых сильных мужчин отправляется в паломничество на юг...

– Он напросился в попутчики и, заморочив кому-то голову, добился позволения осмотреть Ключ.

– Ты почти угадала. Целью паломничества были Врата Теней. Возле них паломники проводили десять дней, ожидая знака. Вряд ли они представляли себе, каким должен быть этот знак. Вряд ли догадывались, что будет дальше. Но традиции на то и созданы, чтобы их блюсти. Паломники, однако, никогда не брали с собой настоящего Ключа. Они носили копию, обработанную кое-какими простенькими чарами, способными обмануть невнимательного вора. Настоящий Ключ оставался дома. Старики на самом деле несколько не желали, чтобы с той стороны был подан знак.

– И тут на сцену вышел Длиннотень?

– Да. Когда паломники прибыли к Вратам Теней, они обнаружили, что их поджидает Ашуттош Якша с полудюжиной колдунов. Среди этих колдунов были бежавшие с севера, из царства Тьмы, где служил в ту пору Черный Отряд. Когда Думракша воспользовался фальшивым Ключом, на его шайку напали с той стороны Врат Теней. Прежде чем Длиннотени удалось силой своего истинного имени закрыть проход, погибли трое из так называемых Хозяев Теней. Четвертый, некто Ревун, был искалечен и сбежал. Уцелевшие быстро перессорились, пытаясь захватить монстров, которых обнаружили твои братья, когда прибыли на место. Вся эта суматоха разбудила Мать Тьмы, которая снова задумала устроить Год Черепов.

– В этом и состоит великий грех нюень бао? В том, что вы позволили колдунам провести себя?

– В те дни племя очень слабо представляло себе, что происходит за пределами дельты. Всей торговлей с внешним миром заправляла семья Бань До Транга. Раз в десять лет горстка мужчин постарше отправлялась к Вратам Теней. И примерно с той же частотой гунниты-аскеты приходили на болота, надеясь очистить свои души. У этих отшельников, несомненно, были проблемы с рассудком, иначе они подыскали бы место получше. На их присутствие нюень бао смотрели сквозь пальцы. А Гангеша нашел себе дом.

– При чем тут Тысячегласая?

– Всю эту историю она узнала от Ревуна, когда мы застряли в Дежагоре. Или вскоре после нашего бегства. Едва мы вернулись, она заявила в храм. Даже самые сильные из нас были изнурены до крайности, умерли все старики, в том числе наш Капитан и Глашатай, и колдунья Хонь Трэй. Кроме меня, не осталось никого из знавших всю подоплеку. Впрочем, Готе и Тай Дэю кое-что известно, а еще Сари, поскольку они принадлежат к семье Кы Дама и Хонь Трэй. Когда Тысячегласая пришла в храм, меня там не было. Она применила свою колдовскую силу, чтобы запугать жрецов. В конце концов они смирились и отдали таинственный предмет, доверенный им на хранение много лет назад. Они даже не знали, что представляла собой эта вещь. На самом деле жрецы не так уж и виноваты, но все равно я не могу их простить. Ну вот, теперь ты знаешь все тайны нюень бао.

– Что-то сомнительно. Однако с этим уже можно работать. Ты собираешься помогать нам? Надеюсь, мы заставим Нарайяна Сингха признаться, куда он дел Ключ.

– Если ты пообещаешь, что никто не узнает того, о чем я тебе сейчас рассказал.

– Клянусь Анналами: ни слова ни одной живой душе. – Такая клятва, впрочем, не мешает мне записать все услышанное.

От него я никаких клятв не требовала.

Рано или поздно он столкнется с моральной дилеммой, которая раздавила Радишу. В какой-то момент у княжны

возникло ощущение, что Отряд сделал свое дело и можно поберечь зарезервированные для него средства. Как только – если только! – людям дядюшки Доя удастся выбраться с плато Блισταющих Камней, он станет весьма и весьма ненадежным союзником.

Ладно, всему свой срок, подумала я и сказала Дюю:

– Мне завтра на работу. А сейчас уже куда позже, чем было час назад.

Он встал, явно испытывая облегчение оттого, что я задала не слишком много вопросов. У меня на уме, конечно, было еще несколько. К примеру, почему нюень бао чаще совершали паломничества к Вратам Теней как раз в то время, когда Хозяева Теней были в силе, и зачем брали с собой женщин, детей и стариков?

Я задала этот вопрос по дороге домой.

– Хозяева Теней не возражали – это усугубляло их чувство собственного превосходства. К тому же удалось внушить им: поскольку настоящего Ключа у нас нет, мы вынуждены его искать. В это верили даже наши люди. Только Кы Дам и Хонь Трэй знали правду. Хозяева Теней надеялись, что мы найдем Ключ – для них.

– Тысячегласая догадалась.

– Да. Ее вороны летают везде и все слышат.

– И в ее распоряжении тогда был один очень хитрый демон.

Всю дорогу я докучала Дюю, пытаюсь заполнить пробелы

в его рассказе. Но мне не удалось вытянуть оставшиеся секреты.

Перед тем как упасть в койку, я снова встретила с Сари, Мургенем и Гоблином.

– Ну как, мы ничего не упустили?

Подстраховаться никогда не мешает. Мурген, невидимый и неслышимый, присутствовал при моей увлекательной беседе с Доем.

– Почти ничего, – ответил Мурген. – Я отвлекался – были и другие заботы.

– Как думаете, он правду говорит?

– В основном, – кивнула Сари. – Не сказал ни слова лжи, но не открыл и всей правды.

– Ну конечно. Он же нюень бао до кончиков кривых ногтей. И к тому же колдун.

Прежде чем Сари успела возмутиться, Гоблин сообщил:

– За вами летела белая ворона.

– Я ее видела. Решила, что это Мурген.

– Нет, не Мурген, – возразил Мурген. – Я был там в виде духа. Так же как сейчас.

– Кто же она в таком случае?

– Не знаю, – ответил он.

Я не совсем поверила ему. Вряд ли интуиция обманывает меня, а она подсказывает, что у него есть кое-какие подозрения. Причем достаточно серьезные.

Шри Сантараксита едва дождался, когда мы останемся одни, и тут же подошел ко мне:

– Дораби, я тобой недоволен. Два дня назад ты опоздал. Вчера тебя вообще не было. А сегодня являешься как ни в чем не бывало и готов приступить к работе.

Вовсе не «как ни в чем не бывало». Я была злая как черт, но не из-за него, конечно. И наверное, поэтому не сразу заметила несоответствие тона, каким были произнесены слова, их смыслу. В голосе отчетливо звучало облегчение – оттого,

что я вернулась, и слабеющий оттенок страха – оттого, что этого могло не произойти. Пришлось солгать.

– У меня была горячка. Просто ноги не держали. Я попробовал добраться сюда, но был так слаб, что лишь зря потратил время. Пришлось вернуться домой.

– Зачем же ты пришел сегодня? – Полный разворот – теперь в голосе ощущалось сильное беспокойство.

– Чуть-чуть полегчало. У меня тут много дел. Очень не хотелось бы потерять эту работу, шри. Книги – ни с чем не сравнимый кладезь мудрости...

– Где ты живешь, Дораби?

Я взяла метлу, но это не остановило Сантаракситу. Он шел за мной по пятам. Взгляды, которыми провожали нас люди, свидетельствовали о том, что Сантараксита снискал себе репутацию любителя мальчиков.

Вопрос не застал меня врасплох, ведь я знала, что главный библиотекарь пытался выяснить, где я живу.

– Снимаю комнатку на берегу, в Сираде, вместе с несколькими товарищами по службе в армии.

Довольно обычная ситуация для Таглиоса, где мужчин почти вдвое больше, чем женщин. Мужчины стекаются из бедных провинций – в надежде устроить свою судьбу.

– Почему ты не вернулся домой, когда кончилась служба, Дораби?

Ой-ой!

– Шри?

– Твоя мать, брат с его женой, сестры, их мужа и дети все еще живы там, где прошло твое детство. Они считают тебя погибшим.

Ой-ой! Проклятие! Он что, съездил туда и своими глазами их всех увидел? Есть же типчики, обожающие совать нос в чужие дела!

– Я всегда не ладил с семьей, шри. – Это уже откровенная ложь по отношению к Дораби Дею Банержаю. Он-то, насколько я знаю, очень дружил со своей семьей. – Кьяулунские войны сильно изменили меня, я стал совсем другим человеком. И потом... Со временем они узнали бы обо мне такое, что вынудило бы их отречься от меня. Пусть лучше считают, что Дораби мертв. Все равно того юноши, которого они помнят, больше нет на свете.

Я надеялась, что воображение подскажет Сантараксите, как лучше интерпретировать мои слова. Он клюнул.

– Понимаю.

– Благодарю за заботу, шри. А сейчас прости...

Я приступила к работе. Трудилась машинально, целиком погрузившись в свои мысли. В интересах дела я должна поддаться на уговоры Сантаракситы. Ни малейшего опыта в этом отношении у меня нет, с какой стороны ни взгляни.

Но старики недаром называют меня смышленной. Спустя некоторое время я придумала, как направить дальнейшие события в желаемое русло, без того чтобы Сурендранат Сантараксита подвергся серьезному эмоциональному или нрав-

ственному риску. Уж точно риска будет не больше, чем при попытке библиотекаря проследить за мной до дома, когда я послала Тобо вывести его наружу. О чем Сантараксита, конечно, не знал.

Через несколько часов я заставила желудок извергнуть остатки завтрака и демонстративно, чтобы это не прошло незамеченным, прибралась за собой. Чуть позже я воспользовалась заклинанием, вызывающим головокружение. Это случилось уже после того, как большинство библиотекарей и копиистов ушли домой. В этот день гроза выдалась не такой сильной, как обычно. Таглиосцы считают это плохой приметой.

Сантараксита сыграл свою часть превосходно, как будто прочел написанный мной сценарий. Он оказался рядом еще до того, как заклинание перестало действовать. Заметно нервничая, посоветовал:

– Тебе лучше отправиться домой, Дораби. Ты сегодня изрядно потрудился. Завтра можешь отдохнуть. Я провожу тебя – хочу точно знать, что с тобой все в порядке.

Я вяло запротестовала – дескать, в этом нет никакой необходимости. Но тут снова закружилась голова. Пришлось сказать:

– Спасибо, шри. Твое великодушие не знает границ. А что будет с Баладитой?

За старым копиистом снова не пришел внук.

– Ему с нами почти по пути. Мы просто сначала проводим

его.

Я хотела как-нибудь подстегнуть фантазию Сантаракситы, но ничего такого не пришло на ум. А впрочем, и не было необходимости. Он сам, по собственной воле шел в ловушку. И все потому, что я умела читать.

Судьба.

Так уж получилось, что Рекоход оказался поблизости, когда мы со шри Сантаракситой и Баладитой покидали библиотеку. Еле заметным жестом я дала понять, почему мы оказались втроем. По дороге пришлось прибегнуть к дополнительным жестам, с помощью которых я сообщила, что старика нужно взять, как только мы с Сантаракситой его оставим. Он последним видел главного библиотекаря в моей компании. И он может оказаться полезен для нас.

Неподалеку от склада я воспользовалась еще одним легким заклинанием. Помогая удержаться на ногах, Сантараксита обхватил меня за талию. Я нырнула в свое убежище и продолжила игру. К этому моменту нас уже окружили братья из Отряда, правда держась на расстоянии.

– Просто идем дальше, – сказала я Сантараксите, на которого уже подействовали наши чары. – Только держите меня за руку.

Спустя мгновение главный библиотекарь получил легкий удар сзади в основание черепа, и я наконец смогла выйти из опротивевшей роли.

Здесь меня знают под именем Дрема. Я летописец Черного Отряда. Я привела тебя сюда, чтобы ты помог перевести записи, сделанные моими предшественниками.

Сантараксита было возмущен. Кендо Резчик положил руку ему на рот и нос, лишив возможности дышать. После нескольких аналогичных эпизодов даже до представителя жреческой касты дошло, какая существует связь между молчанием и беспрепятственным дыханием.

– У нас репутация очень жестоких людей, шри. И вполне заслуженная. Нет, я не Дораби Дей Банержай. Дораби не пережил Кьяулунских войн. А сражался он на нашей стороне.

– Чего вы хотите? – У главного библиотекаря дрожал голос.

– Я уже сказала: нужно перевести кое-какие старые книги. Тобо, сходи за ними, они на моем рабочем столе.

Мальчишка вышел, ворча под нос, с какой стати именно его всегда гоняют с поручениями.

Шри Сантараксита ужасно разозлился, обнаружив, что часть ожидающих перевода текстов была выкрадена из закрытого фонда библиотеки. Я придвинула к нему то, что считала самым ранним томом Анналов:

– Предлагаю начать с этого.

Тут у него схлынула кровь с лица.

– Я обречен, Дораби... Прости, юноша. Дрема, кажется?

– Гм... – промычал Одноглазый, который только что вошел. – Ты все время пялил глаза не на то дерево. Наша ми-

лая крошка Дрема – девица.

Я ухмыльнулась.

– Проклятие! Опять незадача, шри. Теперь надо привыкать к мысли, что и женщина обучается чтению. Кстати, здесь Баладита. Будешь работать с ним. Спасибо, Рекоход. Как все прошло, без проблем?

Сантараксита снова полез в бутылку:

– Я не...

– Ты будешь переводить, шри, и очень старательно. Или мы не будем тебя кормить. Здесь не бхадралок, у нас давным-давно покончено с пустыми разговорами, дело делаем. Тебе просто не повезло, но уж раз влип...

Появилась Сари. Насквозь промокшая.

– Снова льет. Ага, вижу, попалась рыбка. – Она рухнула в кресло и пожаловалась, разглядывая Сурендраната Сантаракситу: – Совсем вымоталась, весь день на нервах. В середине дня Протектор вернулась с болот. И была совершенно не в духе. Они с Радишей крепко повздорили, прямо у нас на глазах.

– Неужто Радиша посмела ей перечить?

– Еще как! У нее лопнуло терпение. Утром появился еще один монах Бходи, но серые не дали ему поджечь себя. Тогда Протектор пообещала устроить нам веселую ночь, выпустив все Тени. И тут Радиша завопила как резаная.

Сантараксита настолько перепугался, услышав эти новости, что я не удержалась от смеха.

– Ничего смешного тут нет, – пробормотал главный библиотекарь, а затем выяснилось, что он имеет в виду вовсе не Тени. – Протектор отрежет мне уши. Эти тексты не должны были находиться в библиотеке. Считалось, что я уничтожил их много лет назад, но я не мог так обойтись с книгой. Потом я забыл о них. Следовало бы запереть их где-нибудь подальше.

– Зачем? – буркнула Сари.

Ответа она не получила.

– Ты принесла еще что-нибудь? – спросила я.

– Не было возможности раздобыть ни одной страницы. Я торчала в покоях Радиши. Подслушивала ее разговор с Душелов. Зато есть еще кое-какая информация.

– Например?

– Например, Пурохита и все жрецы, которые входят в Тайный совет, завтра покинут дворец, чтобы присутствовать на собрании высшего духовенства насчет подготовки Друга Пави.

Друга Пави – самый крупный ежегодный праздник у гуннитов. Таглиос, со всеми его бесчисленными культами и несметными этническими меньшинствами, может похвастаться тем, что почти на каждый день приходится какой-нибудь праздник. Друга Пави затмевает все остальные.

Новость меня озадачила.

– Но он же всегда посвящается концу сезона дождей.

– Я и сама чувствую, что-то здесь не так, – согласилась

Сари.

– Рекоход, уведи библиотекаря и копииста. Постарайся устроить поудобнее, насколько это возможно. Скажи Гоблину, чтобы снабдил их всем необходимым. – Я повернулась к Сари: – Ты слышала что-нибудь о Сантараксите до или после того, как Душелов надоело запугивать жителей болот и она вернулась?

– После.

– Конечно. Она что-то подозревает. Кендо, нужно, чтобы на рассвете ты отправился в Кернми-Уот. Покрутись там, постарайся что-нибудь разузнать. Но так, чтобы никто не заметил твоего интереса. Если увидишь толпу серых или других шадаритов, ничего не предпринимай. Просто возвратись и расскажи, что выяснил.

– Считаешь, это и есть отличная возможность? – спросила Сари.

– Есть, и она продержится, пока жрецы за пределами дворца. Разве не так?

– Может, лучше бы просто их перебить. И прикрепить к трупам наши «катышки», чтобы довести Душелов до безумия.

– Постой. Ко мне пришла идея – не иначе как из самого аль-шила. – Я помахала пальцем, словно отбивая некий музыкальный ритм. – Да, годится. Будем надеяться, что Душелов попытается нас поймать, а Пурохита будет живцом. – Я раскрыла свой замысел.

– Неплохо, – сказала Сари. – Но если мы собираемся все это провернуть, вы с Тобо должны будете пойти со мной во дворец.

– Я не могу. На следующий день после исчезновения шри Сантаракситы мне необходимо быть на работе. Поговори с Мургенем. Спроси, не был ли он сегодня вблизи дворца. Узнай, есть ли ловушка и где она. Если Душелов не будет, вы с Тобо и сами справитесь.

– Не сомневаюсь в твоей сообразительности, Дрема, но кое над чем я сама очень много думаю. Годами думаю, хотя и с перерывами. Отчасти именно ради нынешнего шанса я старалась подобраться как можно ближе к центру событий. И вот такая штука: решить задачу можно только втроем. Мне нужны Шихи и Сава.

– Дай поразмыслить.

Пока я этим занималась, Сари поговорила с Мургенем. В последнее время он вроде оживился, проявлял больше интереса к внешнему миру, в особенности ко всему, что заботило его жену и сына. Похоже, он начал наконец что-то понимать.

– Я знаю, Сари, что делать! Гоблин может притвориться Савой.

– А вот хрен тебе! – заявил Гоблин и грязно выругался на четырех или пяти языках, чтобы уж наверняка все поняли. – Какого черта? Ты в своем уме, женщина?

– Ты такой же невеличка, как и я. Покрасим тебе лицо и руки соком семян бетеля, напьем наряд Савы, и Сари про-

следит, чтобы ты рта не раскрывал, как бы ни приспичило поболтать. Никто и не заметит разницы. Только смотри вниз, как Сава все время делает.

– Может, и правда это выход, – проговорила Сари, не слушая бурных протестов Гоблина. – Пожалуй, мне уже нравится твоя идея, Дрема. Не сочти за неуважение, но на главном этапе Гоблин может быть гораздо полезнее тебя.

– Знаю. Ну так приступайте. А я еще какое-то время побуду Дораби Деем. Разве это не здорово?

– Ох уж эти женщины! – проворчал Гоблин. – Жить с ними невозможно, но разве от них отвяжешься?

– Ты лучше начинай у Дремы обучаться повадкам Савы. – Сари повернулась ко мне. – У Савы будет полно работы, я об этом позабочусь. Да и Нарита ждет ее с нетерпением. Тобо, тебе нужно хорошенько выспаться. Никто не связывает твоего появления с Гокле, но все-таки будь начеку.

– Мне не нравится ходить туда, мама.

– Думаешь, мне нравится? Мы все вынуждены...

– Думаю, тебе нравится. Думаю, ты это делаешь, потому что тебя привлекает опасность. Думаю, ты заскучаешь, когда не надо будет ежедневно рисковать. Думаю, если это случится, нам всем нужно будет за тобой следить. Не то и сама погибнешь, и нас погубишь.

Не слишком ли много думает этот ребенок? Может, с подачи своих «дядей»? Однако нельзя не признать, что он совсем недалек от истины.

Я расположилась в кресле перед клеткой, где сидел Нарайян Сингх. Он не спал, но и как будто не замечал моего присутствия.

– Дщерь Ночи еще жива, – сказала я.

– Мне это известно.

– Да? Откуда?

– Я узнал бы, если бы ты причинила ей вред.

– Тогда тебе полезно будет узнать следующее. Пройдет совсем немного времени, и ей причинят вред, да еще какой.

Она и жива-то исключительно потому, что мы нуждаемся в твоей помощи. Если не получим ее, какой смысл кормить Дщерь? И тебя, кстати, тоже. Хотя я намерена сдержатъ слово и позаботиться о тебе. Хочу, чтобы ты увидел, как все, что тебе дорого, будет уничтожено. Да, кстати. Сегодня вечером Аридата здесь не появится. Его не отпустил начальник, опасаясь возможных беспорядков в городе. Еще один адепт Бходи пытался устроить самосожжение. Так что придется подождать до завтрашнего вечера.

Нарайян издал звук, похожий одновременно и на стон, и на шипение. Он страстно желал выкинуть меня из головы, забыть о моем существовании, поскольку оно делало его очень несчастным. А это, в свою очередь, делало счастливой меня, хотя никакой личной неприязни к Нарайяну я не питала. Моя враждебность носила исключительно гигиенический, организационный характер; я действовала в интересах моих братьев, пострадавших из-за него. И в интересах пленников подземелья.

– Может, тебе следует обратиться к Кине, – посоветовала я. – Пусть укрепит и направит.

Он одарил меня таким взглядом... У Нарайяна Сингха на-чисто отсутствовало чувство юмора. Он бы не распознал сарказма, даже если бы тот кинулся на него из травы и вонзил ядовитые зубы в лодыжку.

– Учти, мое терпение на исходе, – продолжала я. – И время тоже. Мы уже запрыгнули тигру на спину, вот-вот начнется

крутая кошачья свара.

Кошачья свара. Так говорят мужчины, когда бранятся женщины.

И что, разве неправильно говорят?

До меня только сейчас дошло: нынешнюю войну ведут женщины. Сари и я. Радиша и Душелов. Кина и Дщерь Ночи. У дядюшки Доя очень незначительная роль. И у Нарайяна, хоть он и тень Дщери Ночи.

Дивные дела...

– Нарайян, когда полетят клочья шерсти, мне будет недосуг присматривать за твоей подругой. Но о тебе я уже в который раз обещаю позаботиться.

Я встала, чтобы уйти.

– Не могу, – едва слышно проговорил Сингх.

– А ты смоги, Нарайян. Если любишь девчонку. Если не хочешь, чтобы твоей богине пришлось начинать все сначала.

Наверное, я могла бы устроить, чтобы Кина проспала еще век. Для этого нужно только убить кого следует. И я бы на это пошла, если бы от этого зависело освобождение моих братьев.

В углу, где я работала и спала, меня поджидал Бань До Транг. Выглядел он неважно, что и неудивительно. Он был ненамного моложе Гоблина, а прибегать к источникам чудодейственной силы, в отличие от последнего, не имел возможности.

– Чем могу быть полезна, дядюшка?

– Дой рассказал тебе историю нашего народа. – Самое большее, на что у торговца хватало сил, – это хриплый шепот.

– Да, что-то он мне рассказал. Когда нюень бао делятся секретами, всегда остаются некоторые сомнения.

– Хе-хе... Дрема, ты очень смышленная молодая женщина. Почти без иллюзий и явных навязчивых идей. Думаю, Дой был честен с тобой, насколько мог себе это позволить. Рискну предположить, что он был честен и со мной, когда пришел потом за советом. Мне удалось его убедить, что сейчас новые времена. Именно на это указала нам Хонь Трэй, когда допустила, чтобы женгал стал мужем Сари. Мы все – заблудившиеся дети. Нам нужно взяться за руки. Хонь Трэй очень хотела, чтобы мы поняли это.

– Почему же просто не взять и не сказать все как есть?

– Она же была Хонь Трэй. Пророчица. Пророчица нюень бао. Хочешь, чтобы она издавала указы, как Радиша и Протектор?

– Вот именно.

До Транг захихикал. А потом уснул.

Или мне показалось? Интересно.

– Дядюшка?

– А? Ох! Прости меня, детка... Не думаю, что ты это слышала еще от кого-то. Может, никто, кроме нас с Готой, ничего и не видел. Короче, здесь завелось привидение. За по-

следние две ночи мы его видели несколько раз.

– Привидение? – Может быть, Мурген настолько окреп, что стал зримым?

– Кто-то холодный и злой, Дрема. Наподобие тех, что рыщут вокруг усыпальниц, блуждают между горами и просачиваются сквозь горы костей. Похожий на юную вампиршу, что сидит в тигриной клетке. Будь очень осторожна с ней. А мне пора ложиться. Иначе засну прямо здесь, дав твоим друзьям пищу для сплетен.

– Ну уж лучше эту пищу дашь ты, чем кто-нибудь другой.

– Когда-нибудь я снова стану молод и здоров. При следующем обороте Колеса.

– Спокойной ночи, дядюшка.

Я надеялась, что смогу еще почитать, но заснула почти мгновенно. В какой-то момент посреди ночи возникло ощущение, что упомянутый До Трангом призрак действительно существует. Я проснулась, сразу насторожившись, и увидела смутный, мерцающий человеческий силуэт – кто-то стоял рядом и, очевидно, наблюдал за мной. Кстати, старик очень верно описал это создание. Мне подумалось, что это сама смерть.

Почувствовав мой взгляд, незванный гость исчез.

Я лежала, анализируя впечатления. Мурген? Шпион Душелов? Неизвестный? Или, что наиболее вероятно, душа девушки, сидящей в клетке для тигров, выбралась погулять?

Я еще некоторое время ломала над этой загадкой голову,

а потом заснула, сморенная усталостью.

Я сразу поняла: в городе что-то не так. Кроме непривычно свежего запаха, вполне объяснимого, впрочем, потому что дождь лил почти всю ночь. И кроме оторопи на лицах обитателей трущоб, переживших, наверное, самую страшную ночь на своем веку. Нет. Это было нечто вроде удушья, и оно становилось тем сильнее, чем ближе я подходила к библиотеке. Возможно, какой-то чисто психический феномен.

Я остановилась. Капитан часто повторял, что необходимо доверять инстинктам. Если возникло дурное предчувствие,

нужно срочно выяснить его причину. Я медленно повернулась.

Улица не из убогих, что вполне понятно, учитывая близость библиотеки. Повсюду валяются мертвецы. Живые спрятались, боясь, что днем Теней сменят серые. Но серых нет. И повозок куда меньше, чем обычно. Большинство крошечных лавчонок с единственным продавцом – он же владелец – куда-то подевалось.

В воздухе разлит страх. Люди ждут чего-то крайне плохого. То, что они увидели, до крайности взволновало их. И было оно, надо полагать, непонятным. Я обратилась к торговцу, достаточно смелому, чтобы не забиться в щель, но он притворился, будто не услышал вопроса. И принялся убеждать меня, что я дня не проживу без его бронзовой курильницы с чеканным узором.

И тут мне пришло в голову, что, возможно, он правильно делает.

Я подошла к другому торговцу бронзовыми изделиями, расположившемуся в виду библиотеки.

– Куда все подевались? – спросила я, разглядывая чайник с длинным носиком, вещь из тех, которым не найти применения в быту.

Торговец опасливо покосился на библиотеку, и я поняла, что предчувствие меня не обмануло. Что бы ни случилось, это было совсем недавно. В Таглиосе ни один квартал не остается надолго таким пустым и тихим.

Я редко брала с собой деньги, но сегодня захватила несколько монет. И купила бесполезный чайник.

– Подарок жене. Она наконец родила мне сына.

– Ты ведь нездешний, правда? – спросил бронзовщик.

– Нездешний. Я из... Дежагора.

Лавочник понимающе кивнул, как будто это объясняло все.

Когда я хотела пойти дальше, он пробормотал:

– Не ходи туда, дежагорец.

– Чего?

– Не надо спешить. Лучше сделай крюк и обойди это место.

Я взглянула на библиотеку. Ничего необычного. И в саду все нормально, хотя там работают какие-то люди.

– Угу.

Я медленно шла вперед, пока не оказалась у входа в переулок.

Откуда взялись эти садовники? Раньше они приходили только по приглашению главного библиотекаря.

И тут я заметила птицу, описывающую круги над библиотекой. Скорее всего, одинокий голубь, решила я. Однако, когда она уселась на железные ворота прямо над головой Аду и сложила крылья, стало ясно, что это белая ворона. И глаз у нее был острее, чем у Аду. Но Аду и не интересовался ничем, кроме караульной службы у ворот.

Еще одно предостережение.

Белая ворона уставилась прямо на меня. И вдруг подмигнула. Или, может быть, просто мигнула, но хотелось думать, что за этим стоит братство заговорщиков.

Ворона опустилась на плечо Аду. Он так испугался, что чуть не выскочил из сандалий. Птица, по всей видимости, что-то сказала. Аду подпрыгнул снова и попытался схватить ее. Потерпев неудачу, он бросился в библиотеку. Тотчас выскочили шадариты, замаскированные под библиотекарей и копиистов, и попытались сбить ворону камнями. Птица благополучно скрылась.

Я последовала ее примеру, но двинулась в другом направлении, осторожная как никогда. Что произошло? Для чего здесь эти люди? Очевидно, поджидают. Меня? Или кого-то другого? Но почему? Чем я себя выдала?

Возможно, ничем. Однако уже тот факт, что я не явилась на работу и тем самым уклонилась от допроса, может рассматриваться как избобличающая улика. Но я еще не настолько сошла с ума, чтобы набраться наглости и сунуться в эту толпу серых, неизвестно что замышляющих.

Над пролитым молоком не плачут. Назад поворачивать поздно. Вот только ужасно жаль, что я не успела стянуть еще один древний том Анналов.

Всю дорогу домой я пыталась понять, что серые делали в библиотеке. Сурендранат Сантараксита не так уж долго отсутствует, чтобы его хватились. Если на то пошло, главный библиотекарь нередко приходил на работу гораздо позже. Я

выбросила эти мысли из головы – не хватало еще вывихнуть себе мозги. Нужно отправить Мургена, чтобы он тут все разведal.

Мурген уже вовсю подслушивал, несмотря на дневное время. Он беспокоился о Сари и Тобо. И даже, наверное, чуточку о Гоблине. Когда я вошла, Одноглазый нависал над столом, безотрывно вглядываясь в свой туманный прожектор. Матушка Гота и дядюшка Дой стояли тут же, смотрели во все глаза. Я сделала вывод, что Сари решила нанести свой, быть может, самый дерзкий удар. К моему изумлению, Одноглазый засуетился – ну, то есть медленно зашаркал – и хлопнул меня по спине:

– Отлично, что ты здесь, Малышка. А то мы уж было испугались, что этим гадам удалось тебя сцапать.

– О чем ты?

– Мурген сообщил, что там была ловушка. Слышал, как ее обсуждали начальники серых, когда вел для Сари разведку. Душелов, эта старая сука, надеялась, что ты попадешься. Ну, не лично ты, но кто-то, воровавший книги, которые не должны были находиться в библиотеке.

– Ты меня совсем запутал, старик. Начни с того места, о котором мне хоть что-то известно.

– Вчера, когда ты со своим дружкой шла сюда, кто-то увязался за вами. Причем он больше интересовался дружкой, чем тобой. Очевидно, наемный шпион Протектора.

Мы знали о существовании платных информаторов и старались не давать им возможности подработать.

– В общем, случилось все это из-за твоего хахаля.

– Одноглазый!

– Ладно, ладно. Из-за твоего начальника. Так будет точнее, хотя и ненамного. Кто-то пожаловался серым, что этот грязный старый извращенец пытался склонить к сожительству молодого работника. Серые сразу примчались в библиотеку и давай там шуровать. Допросили всех подряд и вскоре обнаружили исчезновение части книг. А когда они принялись стаскивать персонал с коек и сгонять в библиотеку, обнаружилось отсутствие Сантаракситы. Потом уточнили, каких именно книг не хватает. Оказалось, что пропали очень

ценные раритеты и даже пара томов, которые давным-давно было приказано уничтожить, чего не случилось. Вот это уже очень серьезно, и к Душелов срочно отправили гонца. Меньше чем за десять секунд она перенесла в библиотеку свою сладенькую попку и пообещала всех сожрать заживо. Ох и не поздоровилось тем, кто попался ей под горячую руку!

– И я едва не влезла во все это, – задумчиво сказала я. – Как они узнали, что книги исчезли? Я заменила их другими, ненужными. Хотя... Если там не хватало многих книг, значит их украл главный библиотекарь.

Коль скоро шри Сантараксита нечист на руку, получается, что он водил меня за нос.

Нужно поговорить по душам с этим типчиком.

– Как удалось узнать Мургену, Дораби Дей Банержая если в чем и подозревают, то лишь в наивности. А вот Сурендрат Сантараксита по уши в дерьме. Душелов пообещала отрубать ему конечности по очереди и скармливать их воронам у него на глазах. – Одноглазый ухмыльнулся так широко, что показал свой единственный зуб. Не лучшая рекомендация отрядному зубоврачевателю. – Душелов можно упрекнуть в чем угодно, но только не в терпимости к вору.

– Ладно, я не попалась, – сказала я. – Но теперь есть пища для размышлений. На воротах сидела белая ворона – похоже, меня дожидалась, чтобы предостеречь. Уж точно она пыталась вступить со мной в контакт. А что там с Сари?

– Она действует. Этот Джауль Барунданди – удивитель-

ный простак. Легко повелся на убогую Гоблинову имитацию твоей Савы. Потом он пытался увести Тобо от Сари. Она была вынуждена пригрозить, что расскажет его жене.

Такая угроза была чревата потерей работы.

– Группа прикрытия на месте?

– Обижаешь, Малышка. Кто занимается этим дерьмом еще с тех пор, когда твоей прапрабабки на свете не было?

– Ты же привык все проверять. Вот и не отвыкай. Рано или поздно кто-нибудь обязательно что-нибудь прошляпит. А как с готовностью к эвакуации?

Вероятность того, что нам придется покинуть Таглиос гораздо раньше, чем хотелось бы, очень велика. Скоро Душелов обложит нас со всех сторон.

– Спроси До Транга. Он сказал, что займется этим. Может, тебе покажется интересным, что наблюдение за Арджуной Друпадой было прекращено, когда заварилась каша в библиотеке и пришлось отправить туда тех, кому Душелов доверяет.

– Что, на все у нее людей не хватает?

– Надежных не хватает. Большинство из них наблюдали за монахами Бходи. Душелов пришлось их отозвать, не дожидаясь, когда проказники-сектанты устроят новое самосожжение.

– Коли так, мы можем заняться Друпадой...

– Поучи свою бабушку яичницу жарить, Малышка. Повторяю, в эти игры я играл, когда твои предки еще пачкали

пеленки.

– Тогда скажи, на ком охрана склада?

Когда сразу происходит так много событий, всем людям находится дело, их даже не хватает. Душелов не единственная, кому пришлось столкнуться с дефицитом человеческих ресурсов.

– Ты и я, Малышка. Песик и Магарыч тоже где-то здесь, совмещают обязанности сторожей и посыльных.

– Ты уверен, что за Друпадой нет слежки?

– Мурген навещает его каждые полчаса. В точности как и свою милашку. В данный момент наш друг Арджуна чист. Но сколько это продлится? И еще Мурген приглядывает за Недоноском в Семхи. Навещает его каждую пару часов. Похоже, там что-то созревает. Душелов исходит на дерьмо. Камнями гадит, ей-ей. Ну и мы тоже даром времени не теряем – сегодня куснем ее за титьку.

– За языком следи, старик.

Дядюшка Дой что-то пробормотал. Одноглазый бросился к своему туманному прожектору.

За ночь энтузиазма несколько ubyло. Сари теперь беспокоило, справится ли Гоблин с ролью Савы. Коротышка не очень-то надежен, а задача ему досталась совсем непростая.

Но Сари его недооценивала. Он не прожил бы так долго, если бы в бесчисленных переделках совершал одни лишь глупости. И теперь он был полон решимости вжиться в образ Савы даже основательней, чем это получалось у меня. Гоблин не импровизировал, Минь Сабредил управляла каждым его словом и жестом. Но вполне консервативную трак-

товку своей новой роли он украсил глянцем кромешного равнодушия. Джауль Барунданди – как и все остальные – едва глянул в сторону идиотки и полностью сосредоточился на Шихи, которая этим утром выглядела особенно привлекательно. На шее у нее висела флейта. Всякого, кто вздумал бы применить к Шихи силу, поджидал жестокий сюрприз.

Флейту она носила и раньше, но сегодня захватила и Гангешу. Даже Сава имела при себе статуэтку этого бога. Джауль Барунданди с усмешкой поинтересовался:

– Сабредил, скоро ты будешь в каждой руке носить по Гангеше?

Перед этим она пригрозила Джаулю из-за Шихи, и теперь он был настроен отнюдь не доброжелательно.

Сабредил склонилась над своим Гангешей и шепотом попросила не наказывать Барунданди. Дескать, по натуре это хороший человек, тянется к свету, но ему нужна божественная помощь. Кое-что из сказанного достигло ушей Барунданди и на время умиротворило его.

Он отослал эту полоумную и ее подружек к своей жене, которая в последнее время проявляла к ним почти собственный интерес. Сабредил ей нравилась особенно – своим исключительным трудолюбием.

Нарита тоже заметила Гангешу.

– Если и впрямь религиозное рвение вознаграждается лучшей жизнью при следующем обороте Колеса, то ты, Сабредил, наверняка возродишься в касте жрецов. – Потом

толстуха нахмурилась. – Слушай-ка, это не ты оставила тут вчера своего Гангешу?

– А? Ох! Ах! Оставила? А я-то думала, что потеряла! Так испереживалась! Где он? Что с ним? – Она была готова к такому повороту событий, поскольку «забыла» Гангешу намеренно.

– Ну-ну, успокойся, успокойся. – Такая страстная любовь Сабредил к божку забавляла всех. – Не волнуйся, мы позаботились о нем.

На этот день было запланировано очень много работы. Что радовало – в хлопотах время идет быстрее. Приступить к операции можно будет значительно позже, и то лишь при большом везении. Здесь и дюжины Гангеш мало – так нужна сейчас удача.

На кухне, в перерыве на обед, состоящий из объедков, до Сабредил и ее спутниц дошел слух, что Протектор в ярости: из княжеской библиотеки пропали какие-то книги. Душелов отправилась туда, чтобы лично провести расследование.

Сабредил предостерегающе посмотрела на своих компаньонов. Никаких вопросов, никакого беспокойства о людях, которым при всем желании невозможно помочь.

Позже поползли новые слухи. Пурохита и еще несколько членов Тайного совета, вместе со своими телохранителями и прихлебателями, угодили в массовую резню в Кернми-Уоте. Судя по всему, это было полномасштабное военное нападение с применением весьма серьезного колдовства. Слухи

носили неопределенный и даже противоречивый характер, поскольку все, кроме нападавших, думали лишь о том, как бы унести ноги.

Сабредил пыталась принять это как данность, но не могла совладать с негодованием. Кендо Резчик слишком склонен к насилию, не надо было назначать его старшим. И еще он ярый веднаит. Гуннитам не понравится, что на ступенях их главного храма устроили кровопролитие.

Было много разговоров о том, что нападавшие, прежде чем исчезнуть, оставляли позади дымовые «картинки». Всем стало понятно, чьих рук это дело и кто следующий в списке обреченных. Дымовые облака заявляли либо «Воды спят», либо «Мой брат не отмщен».

Целый день расползались слухи, что главнокомандующий вызван в Таглиос – ему поручат разобраться с мертвецами, которые не желают покоиться с миром. Люди на улицах думали, что Отряд только того и ждет.

Сари была встревожена. Душелов находилась в библиотеке, когда пришла весть о нападении. Не могло быть сомнений в том, что она, получив донесение, ужасно разозлится, вернется во дворец и утроит бдительность. И тогда операция Сари окажется под угрозой срыва. Радиша разбушевалась, когда ей доложили о случившемся. Она прямо-таки обезумела и сразу уединилась в своей Комнате Гнева. Сава, охваченная сильнейшей тревогой, на миг оторвалась от чистки очередного медного изделия. Сабредил, заметив это, отложила

швабру и пошла узнать, что произошло. Немного позднее, когда Джауль Барунданди пришел проверить, как у нас идут дела, и заодно перекинуться парой «ласковых» слов с Наритой, Сава улучила момент и отправилась куда-то побродить. Никто не обратил на это внимания. Она всегда старалась не бросаться в глаза, а сегодня эффект незаметности был слегка усилен с помощью колдовства.

Шихи помаленьку переместилась ближе к матери. Она побледнела, выглядела озабоченной и часто дотрагивалась до флейты.

– Еще не пора? – прошептала она.

– Нет. Поставь куда-нибудь своего Гангешу. – Шихи должна была это сделать не один час назад.

Слухи набегали волна за волной. Кипя от злости, вернулась Протектор. И сразу отправилась к своим Теням. Улицы Таглиоса получают еще одну ночь ужасов.

Женщины заговорили о том, что разумнее закончить работу, прежде чем Душелов пожелает увидеться с Радишей. Протектору плевать на желание княжны побыть одной, она презирает таглиосские обычаи и не делает из этого секрета. Даже Нарита подтвердила, что лучше не попадаться на глаза Протектору, когда та не в духе.

В этот момент Шихи заметила отсутствие своей тетки.

– Да чтоб тебя, Сабредил! – взъярилась Нарита. – В прошлый раз, когда такое случилось, ты обещала глаз с нее не спускать!

– Прошу прощения, госпожа. Я так перепугалась! Она, скорее всего, пошла на кухню.

Шиши уже отправилась на поиски. И почти сразу же закричала:

– Она здесь, мама!

Когда подошли остальные женщины, Сава сидела, прислонившись к стене. Она была без сознания. На коленях у нее лежала медная лампа, на которую несчастную вырвало.

– О нет! – воскликнула Сабредил. – Только не это!

Болтая всякую чепуху в тщетных попытках привести Саву в чувство, она будто ненароком проговорила, что боится, не забеременела ли бедняжка, если ее изнасиловал кто-нибудь из дворцовой челяди.

Нарита, охваченная яростью, бросилась прочь. Сабредил и Шиши последовали за ней, с двух сторон поддерживая Саву, а затем свернули в направлении выхода для прислуги. Никто не заметил, что при женщинах уже не было статуэток Гангеши. Не было и той, которую Сабредил забыла вчера.

Учитывая, в каком состоянии пребывала Сава и в каком настроении Нарита, а также опасаясь напороться на Протектора, женщины сумели получить свою плату и выбраться из дворца. И снова обошлось без встречи с подручным Барунданди, который взимал с них мзду.

Едва спустившись с дворцового холма на извилистую улицу, они наняли крытую телегу и посадили туда Саву. Шиши так бурно выражала радость, что Сабредил была вынуждена

одергивать ее.

Все, что мы делали, кто-нибудь да видел, – сказала я, собрав своих. – Как только пройдет слух, что Радиша исчезла, все эти люди начнут рыться в памяти. И можно не сомневаться – Душелов сумеет отделить зерно от мякины.

– А еще она сумеет привлечь на помощь сверхъестественные силы, способные обнаружить ваш след среди тысяч других, – высказался Плетеный Лебедь.

Он присутствовал, поскольку согласился взять на себя заботу о Радише. Она вот-вот должна была очухаться и обна-

ружить, что сбылись наконец ее наихудшие опасения.

– Вы собираетесь бежать или нет? – спросил Бань До Транг.

Старик держался из последних сил – он трудился с самого рассвета.

– А что, уже все готово? – поинтересовалась я.

– Если ситуация станет совсем отчаянной, вы сможете уйти в любой момент. Но понадобится несколько часов, чтобы загрузить на баржи продовольствие.

По правде говоря, никто не хотел уходить. По крайней мере сейчас. За прожитые здесь годы у большинства братьев наладились связи. У всех были незаконченные дела. Такова жизнь. Эта ситуация на протяжении всей истории Отряда повторялась снова и снова.

– Ты еще не уломала Нарайяна, чтобы отдал Ключ?

– Я поговорю с ним. Рекоход вернулся? Нет? А что с Кендо? Как там Песик и Магарыч?

Все люди выполняли те или иные задания. Наш милый старый Одноглазый отправил двух последних наших мужчин, пока не слишком компетентных в таких делах Песика и Магарыча, убить Аду, поскольку Мурген выяснил, что именно привратник – причина всей этой суматохи в библиотеке. И еще Аду хотя бы примерно представлял, в каком квартале я живу.

– Возвращается Кендо Резчик, он уже в лабиринте, – сообщил Одноглазый. – Арджуна Друпада здоров, насколько

это слово применимо к человеку с дюжиной ножевых ран. Подожди.

Мурген что-то зашептал. Однако я не расслышала ни слова – именно в этот момент снаружи возник шум, до нас донесли приветственные возгласы.

– Мурген говорит – в Семхи началось. Недоносок напал, когда каратели начали устраиваться на ночлег. Захватил их оружие.

– Твою же мать! – выругалась я.

– Что не так, Малышка?

– Недоносок должен был ждать, пока они не попытаются что-нибудь сделать с Древом Бходи. А так никто не поймет, с какой стати мы набросились на них.

– Вот почему у тебя до сих пор нет мужчины.

– Ну и почему?

– Ты хочешь слишком многого. Ты послала Недоноска убить людей. Ты же не сказала ему, что это должно быть зрелищно, или что можно сражаться только левой рукой, или что-нибудь в этом роде? Ну так вот, он, как может, выполняет свою задачу – быстро, грязно и с наименьшим риском для наших ребят.

– Я полагала, он понял...

– Ты все еще полагаешь, Малышка? На этом этапе твоей карьеры? Имея подробнейший список того, что необходимо проверять, даже шнуровку твоих собственных башмаков?

Он меня допек. Да еще как! Я попыталась сменить тему:

– Если мы уходим, нужно послать кого-то к Недоноску, чтобы сообщил о месте сбора.

– Не увиливай.

Я отвернулась.

– Кендо, ему нужна помощь лекаря?

– Друпаве-то? Кровь у него больше не течет.

– Тогда оттащи его туда, где он встретится со своим новым соседом. – Одноглазый вывел меня из себя, я аж тряслась от злости. Лучше бы, конечно, сорвать ее на врагах. – Остальные пусть займутся Радишей. Чтобы никто не мог упрекнуть нас в том, что с ее головы упал хоть один волос.

Резчик покачал головой и пробормотал что-то под нос.

– Эй, извращенец! – окликнула я главного инспектора. – Не хочу, чтобы ты когда-нибудь смог пожаловаться, будто Черный Отряд не угождает своим гостям. Теперь тебе будет нескучно. Развлекайте друг друга, пока Душелов не явится сюда и не освободит вас.

Кендо отвесил Друпаве крепкого пинка. Пурохита влетел в клетку. Они с Гокле уселись в противоположных углах и злобно вытаращились друг на друга. Такова человеческая натура – каждый уверен, что в его неприятностях виноват кто-то другой.

Я сказала Кендо:

– Расслабься. Пойди поешь. Вздремни немного. Но держись подальше от девчонки.

– Ха! Дрема, я это с первого раза понял. А еще лучше

понял теперь, когда она принялась ходить во сне. Так что не надо меня учить.

– Это еще почему?

– Может, нам ее просто прикончить?

– Видишь ли, нам нужна помощь Сингха, чтобы открыть Врата Теней. И нам не получить эту помощь, если он не будет уверен, что мы хорошо обращаемся с Дщерью Ночи.

– Я даже не знаком толком ни с кем из Плененных. По-моему, ты собираешься спасти их за мой счет.

– А по-моему, мы должны спасти их за счет Отряда, Кендо. И поступили бы точно так же, если бы ты был на их месте.

– Понял. Все правильно. – Кендо Резчик принадлежал к числу тех, кто во всем видит лишь плохую сторону.

– Ступай отдохни.

Дожидаюсь, когда Мурген сообщит что-нибудь о происходящем во дворце, я решила переговорить с Нарайяном.

Мне не хотелось покидать Таглиос, но было ясно, что очень скоро Отряду придется уходить. Однако сначала нужно посмотреть, как Душелов отреагирует на все эти похищения. И вызволить Гоблина из дворца.

Если Душелов не обрушится на нас ревушим ураганом, то я обеспокоюсь всерьез – и буду гадать, что она задумала.

– Денек у меня нынче задался, спасибо, господин Сингх. Долгое планирование, немного вдохновенной импровизации – и все прошло как по маслу. Не хватает одной-единственной вещи, чтобы этот день можно было назвать по-настоящему

удачным.

Я втянула носом воздух. Пахнет так, будто Одноглазый со товарищи пекут хлеб. Видно, решили запастись крепеньким на случай бегства.

Я ногой придвинула кипу шкур к клетке Сингха, уселась и сообщила ему самые свежие новости.

– Похоже, никому из ваших людей нет дела до вас двоих. Наверное, вы были чересчур скрытны. Будет даже жаль, если целый культ исчезнет только потому, что все сидят сложа руки и ждут, когда выяснится, что происходит.

– Мне сказали, что я могу заключить с тобой сделку. – Сегодня душа не выказывал ни малейшего страха. Интересно, откуда вдруг эта твердость характера? – Я готов обсудить интересующий тебя вопрос, если получу абсолютные гарантии того, что Черный Отряд никогда не причинит вреда Дщери Ночи.

– Никогда – это так долго. А у тебя нынче вовсе не полоса удачи. – Я встала. – Гоблин займется с нею в охотку. Пожалуй, я позволю ему отрубить Дщери несколько пальцев – просто чтобы ты наконец понял: у нас нет ни совести, ни жалости для старых врагов.

– Я предлагаю то, о чем ты просила.

– Ты предлагаешь всего лишь отсрочку смертного приговора. Если я соглашусь на твое дурацкое условие, то через десять лет твоя ведьма с черным сердцем начнет нас травить, и тогда перед нами встанет непростой выбор: либо сдержать

слово и погибнуть, либо нарушить его и погубить собственную репутацию. Уверена, что ты слабо знаком с мифологией севера. Среди прочего в ней есть легенда, касающаяся одной старой религии. Некий бог сознательно пошел на смерть, и знаешь, ради чего? Только ради того, чтобы его семья больше не была связана обещанием, которое он по глупости дал своему врагу и которое защищало того, точно панцирь черепахи.

Нарайян уставился на меня – взгляд холодный, как у кобры, – не сомневаясь, что я дам слабину. И я дала ее, совсем небольшую: снизошла до объяснения. Хотя Одноглазый сто раз мне говорил, что не нужно никому ничего объяснять.

– Не столь уж отчаянно я нуждаюсь в этом артефакте, чтобы подвергнуть моих людей такому риску. И еще учти: я не могу ручаться за тех, кто заперт в подземелье. У меня к тебе встречное предложение. Ты выйдешь отсюда живым, если пообещаешь никогда больше не причинять неприятностей Отряду. А еще отправишься к Капитану и Лейтенанту и попытаешься вымолить у них прощение за то, что украл их дитя.

Второе требование испугало живого святого обманников.

– Она дитя Кины. Дщерь Ночи. Эти двое, которых ты назвала, не имеют отношения к делу.

– Похоже, не получилось у нас разговора. Я пришлю тебе ее пальцы на завтрак.

Я отправилась посмотреть, хорошо ли себя ведет Суренд-

ранат Сантараксита, выполняет ли порученную ему работу, что, как мне казалось, скрасило бы ему скуку заключения. К моему удивлению, он усердно трудился, переводя с помощью старого Баладиты то, что я считала первым томом утраченных Анналов. Они наработали уже приличную стопку страниц.

– Дораби! – воскликнул шри Сантараксита. – Прекрасно. У нас осталось несколько листов, и твой иноземный друг утверждает, что другой бумаги мы не получим. Он предлагает нам убогие тетради из коры, которые нюень бао делают у себя на болотах.

Кора применялась еще до того, как появились современная бумага и пергамент. Не знаю, какое именно дерево для этого годится; мне известно лишь, что с коры очень бережно снимают внутренний слой, обрабатывают его определенным образом, выдерживают под прессом – и пожалуйста, можно писать. Листы складывают в аккуратную стопку, просверливают дыру в ее левом верхнем углу и продевают сквозь нее веревку, ленту или очень легкую и тонкую цепочку. Бань До Транг питает слабость к тетрадям из коры, потому что это и дешево, и довольно прочно, и в традициях его народа.

– Поговорю с ним.

– Впрочем, это не катастрофа, Дораби.

– Меня зовут Дрема.

– Дрема – не имя, а кличка, подходящая хворому или ленивому. Я предпочитаю Дораби. И буду величать тебя Дора-

би.

– Да пожалуйста. Все равно я буду знать, к кому ты обращаешься. – Я пробежала глазами пару страниц. – Скука какая! Похоже на конторскую книгу.

– В сущности, это она и есть. То, что тебя интересует, можно прочесть только между строк: автор полагал, что все детали известны любому современнику. Он писал не для далеких потомков и даже не для следующего поколения. Он кропотливо учитывал гвозди для подков, стрелы, копыя и седла. И если упоминал очередное сражение, то лишь для того, чтобы пожаловаться на младших офицеров и сержантов: они-де не проявили рвения в сборе трофейного оружия, предпочтя дожидаться рассвета, а за ночь недобитые солдаты противника и крестьяне ухитрились вынести с поля все мало-мальски ценное. Я заметил, что тут даже нет ни одного имени или названия.

Пока Сантараксита рассказывал, я листала страницы. Я умею слушать и читать одновременно – несмотря на то что я женщина.

– Ни расстояний, ни дат. Хотя все это можно определить из контекста. Но вот что мне кажется странным, Дораби, – почему мы всю жизнь смертельно боялись этих людей? Эта книга не дает оснований для подобного отношения. Эта книга – о войске, состоящем из простых людей, которые шли туда, куда не хотели, по причинам, которых не понимали, и были абсолютно убеждены в том, что их непонятная миссия

продлится лишь несколько недель, от силы месяцев. А потом им позволят вернуться домой. Но месяцы складывались в годы, годы – в десятилетия. А они по-прежнему ничего толком не понимали.

Книга также наводила на мысль, что нам нужно пересмотреть свое старое представление, будто бы в те же самые времена по миру огнем и мечом прошли Вольные Отряды. Упоминалось только одно небольшое войско, вернувшееся за несколько лет до того, как в поход отправился Черный Отряд. И некоторые старшие офицеры Черного Отряда прежде добровольно служили в этом более раннем Отряде, чье название не упоминалось.

– Да, так и есть, – проворчала я. – Мы можем перевести все эти книги и узнать из них множество самых разных вещей, но ни на дюйм не приблизимся к пониманию сути.

– Это занятие куда интереснее собраний бхадралока, Дораби, – сказал Сантараксита.

Тут впервые подал голос Баладита:

– Нас тут что, голодом хотят уморить?

– Вас еще не кормили?

– Нет.

– Сейчас займусь этим. Не пугайтесь, если услышите мою ругань. Надеюсь, вы ничего не имеете против рыбы и риса?

Я решила этот вопрос и на некоторое время уединилась в своем углу. По правде говоря, результаты работы шри Сантаракситы меня немного огорчили. Чем большего ждешь, тем

сильнее разочарование, когда выясняется, что овчинка не стоила выделки.

Меня разбудил Тобо:

– Как ты можешь спать, Дрема?

– Наверное, потому, что устала. Чего тебе?

– Протектор в конце концов подняла шум из-за Радиши.

Папа хочет, чтобы ты сама следила за событиями, а не узнавала все из вторых рук. Так вернее опишешь их.

В этот момент я очень хорошо соответствовала своему имени. Мне хотелось одного – растянуться на соломенном тюфяке и увидеть во сне совершенно другую жизнь.

Лет с четырнадцати я поступала именно так, когда случались какие-нибудь неприятности. Другого способа справиться с ними я не знала. Сейчас мне снилось, что шри Сантараксита, решив оставить прошлое в прошлом, взял меня обратно в библиотеку. Сразу же после того, как мы похоронили Душелов в пятидесятифутовой яме с расплавленным свинцом.

Я подтащила табурет и уселась между Сари и Одноглазым, опершись локтями на стол и пристально глядя на сгусток тумана, где должен был появиться Мурген. Одноглазый ругал Мургена, хотя тот не мог его в данный момент слышать.

– Можно подумать, ты беспокоишься о Гоблине, – сказала я.

– Конечно я беспокоюсь о Гоблине, Малышка. Нынче утром, прежде чем уйти, недоросток позаимствовал у меня трансэдетический локутер. Не говоря уже о том, что он не отдал несколько тысяч пайсов за... Короче, он мне должен кучу денег.

Что-то я такого не могу припомнить. Одноглазый всегда был должен всем – это да. Даже когда дела у него шли хорошо. И несколько тысяч пайсов – не бог весть какая сумма. Ведь пайсы – это крошечные зернышки, все совершенно одинакового веса, что позволяет использовать их для оценки драгоценных камней и металлов. Одна северная унция – это без малого две тысячи пайсов. Поскольку Одноглазый не пояснил, что он имел в виду, золото или серебро, проще все-

го предположить, что это медные монеты. Другими словами, сущая мелочь.

Но опять же: он беспокоится о своем лучшем друге, но не может прямо сказать об этом, потому что на людях они ругаются уже целый век.

Если и существует такой колдовской инструмент, как трансэйдетический локутер, Одноглазый наверняка изобрел его за час до того, как одолжил Гоблину.

– Этот мерзкий гаденыш допрыгается – я его просто придушу, – ворчал Одноглазый. – Он что, хочет сделать меня крайним? – Колдун умолк, осознав, что думает вслух.

Мы с Сари мысленно завязали узелок на память: выяснить при случае – «крайним» в чем? Похоже, наши чародеи что-то задумали. И не хотят, чтобы мы об этом знали. Интересно, интересно...

Материализовался Мурген, практически нос к носу со мной, и прошептал:

– Стая ворон только что принесла новости из Семхи. У Душелов кончается терпение. Сказала: если Радиша не выйдет из своей Комнаты Гнева через две минуты, она сама войдет туда.

– Как Гоблин? – нетерпеливо спросил Одноглазый.

– Спрятался, – ответил Мурген. – Ждет рассвета.

Вопреки нашему первоначальному плану колдун даже не пытался выбраться ночью из дворца. Душелов опять выпустила Тени, просто чтобы наказать рассердивший ее Та-

глиос. Мы расставили наобум несколько ловушек, но я не рассчитывала на улов. Не может же все время везти в одном и том же.

У Гоблина при себе амулет, сохранившийся со времен войны с Хозяевами Теней, но неизвестно, будет ли от него толк. Несмотря на всю нашу изворотливость и предусмотрительность, никто не опробовал эти амулеты на настоящих Тенях.

Все предвидеть невозможно.

Но нужно хотя бы пытаться.

Один из княжеских охранников попробовал остановить Протектора, когда ее терпение иссякло и она отправилась вытаскивать Радишу из ее убежища. Попробовал – и от небрежного прикосновения рухнул, даже не пикнув. Позднее он придет в себя. Протектор еще не охвачена жадной смертоубийства.

Душелов ворвалась в Комнату Гнева, просто разнеся дверь на куски. И взвыла от разочарования еще до того, как эти куски закончили свое падение.

– Где она?

Душелов была в такой ярости, что присутствующие содрогнулись от ужаса.

Младший камергер, сложившись в поклоне почти вдвое и продолжая неуклюже сгибаться, жалобно проскулил:

– Она была здесь, о великая.

Кто-то тупо твердил:

– Мы не видели, чтобы она выходила. Она должна быть в Комнате Гнева.

Откуда-то издалека, как будто из другого пространства и времени, донесся выразительный смешок.

Душелов медленно обернулась, ее пристальный, злобный взгляд готов был сразить любого, точно копье.

– Подойдите ближе. Повторите все сначала.

В ее голосе ощущалась непреодолимая сила, он наводил ужас. Душелов вглядывалась в лица стоящих перед ней, на всю катушку используя веру этих людей в то, что чужой разум для нее – открытая книга.

Никто из людей Радиши не изменил своих показаний.

– Вон отсюда! Убирайтесь из покоев княжны! Здесь что-то произошло. Мне нужно сосредоточиться! Никто не должен меня беспокоить.

Она снова повернулась, медленно, и запустила в прошлое свои колдовские щупальца. Это было куда труднее, чем она ожидала. Сказалось слишком долгое отсутствие практики – Душелов потеряла форму.

Снова зазвучал смех, и, казалось, на этот раз его источник был чуть ближе.

– Ты! – закричала Душелов на толстую домоправительницу. – Что ты делаешь?

– О великая? – с трудом просипела Нарита, боясь потерять контроль над мочевым пузырем.

– Ты что-то засунула в левый рукав. Взяла с алтаря.

Единственная белая свеча, уже почти истаявшая, все еще освещала крошечный алтарь для поклонения предкам.

– Подойди. – Душелов протянула руку в перчатке.

Нарита не могла не подчиниться. Она двинулась к этой жуткой женщине, такой стройной, зловеще-женственной в облегающем наряде из черной кожи. Как же этой гадине удастся держать себя в столь отменной форме? Нарита ненавидела ее за это.

– Отдай!

Перепуганная Нарита вынула из рукава Гангешу. И стала оправдываться – мол, хотела уберечь подругу от неприятностей. Это было глупо: если бы Нарита не попыталась спрятать Гангешу, Протектор не обратила бы на него внимания.

Душелов взглядела в глиняную статуэтку.

– Уборщица. Эта вещь принадлежит уборщице. Где она?

Вдали снова раздался издевательский смешок.

– Она поденная работница, о великая. Приходит из города.

– Где живет?

– Не знаю, о великая. И вряд ли кто-нибудь знает. Мы ее не спрашивали. Нам было неинтересно.

Одна из служанок добавила:

– Она всегда хорошо работала.

– Тут что-то странное, – задумчиво проговорила Душелов, продолжая изучать Гангешу. – Сейчас это интересно.

Для меня. Узнай.

– Как?

– Как хочешь! Пошевели мозгами и выясни. – Душелов с размаху бросила статуэтку на пол, брызнули осколки.

Над полом приподнялся футовой высоты жгут тьмы и на мгновение замер, точно вставшая на хвост кобра. Потом он нанес удар. Протектору.

Служащие завизжали и, расталкивая друг друга, бросились вон. Никому из них прежде не случалось увидеть Тени, но все знали, на что эти твари способны.

Снова послышался смех, на этот раз он был громче и звучал дольше.

Душелов тоже взвизгнула от удивления и испуга, как будто наступила на змею. Не носи она прочную экипировку, не пользуйся непрерывно мощными защитными чарами, стала бы жертвой своего собственного, абсолютно беспощадного оружия.

Несмотря на все меры предосторожности, она была застигнута врасплох и с минуту махала руками, как ребенок, подвергшийся нападению комариной стаи. Тень же с энтузиазмом пыталась положить конец отношениям с хозяйкой. Вернуть себе власть над чудовищем Душелов не удалось, и тогда она просто прикончила Тень.

Все случившееся свидетельствовало о том, что тут не обошлось без чрезвычайно изобретательного ума. Расчет, по видимому, строился на том, что в ярости она упустит из ви-

ду...

– Женщина! Вернись!

Душелов простерла руку в направлении убегающей Нариты. Прядь волос злосчастной толстухи обвилась вокруг пальцев ведьмы. Эти пальцы тотчас замерцали, наэлектризовался окружающий воздух. Остальные слуги жалобно заскулили, жалея о том, что им не хватило смелости даже на попытку к бегству.

Нарита медленно пошла назад короткими неуверенными шагами. Точно зомби.

– Сюда! – Душелов указала на пятно на полу Комнаты Гнева. – Остальные – вон. Живее! – В повторных распоряжениях не было нужды. – Ну-ка, толстуха, расскажи мне все о той, которая не расставалась с этим Гангешей.

– Я уже рассказала все, что знала, – захныкала Нарита.

– Нет! Еще не все. Давай выкладывай. Возможно, это она похитила Радишу.

В то же мгновение Душелов пожалела о вырвавшихся у нее словах.

Дьявольское хихиканье в этот раз донеслось как будто из коридора. Охваченная тревогой, Протектор рывком повернула голову на звук – и не ощутила явной угрозы. Значит, с этой проблемой можно минуту повременить.

– Ее зовут Минь Сабредил. – Нарите потребовалось не больше тридцати секунд, чтобы выпалить то небольшое, что она знала о Минь Сабредил, ее дочери Шихандини и золов-

ке Саве.

– Благодарю, – прорычала Душелов. – Ты мне очень помогла. И за это тебе причитается соответствующее вознаграждение. – Правой рукой она схватила толстуху за горло.

Когда Нарита упала к ее ногам, все тот же смех прозвучал вновь. И не только смех, но и слово. Какое? Ардат? Или, может быть, Силат? Или?.. Не важно. Над ней издеваются, вот что важно. Она выскочила в коридор, но там никого не оказалось.

Душелов хотела позвать охранников, но вспомнила, что миг назад убила женщину, единственную – кроме нее самой – точно знавшую, что Радиша исчезла.

Радиша решила удалиться от мира. Вот и все, что всем этим людишкам требуется знать. Княжна пожелала навсегда затвориться в стенах своей Комнаты Гнева. Риск и тяготы реальной жизни утомили ее. И она поручила своему доброму другу Протектору выполнять столь скучную работу, как управление империей.

Снова смех – как будто из ниоткуда и отовсюду. Душелов зашагала прочь. Ну-ну. Это еще не конец.

Белая ворона слетела вниз из мглы, что скрывала потолок коридора, и, тяжело взмахивая крыльями, приземлилась рядом с толстухой. Сунулась клювом почти к самым ноздрям женщины, словно хотела убедиться, что та не дышит. И резко сорвалась с места, полетела прочь – острый слух уловил еле слышные крадущиеся шаги.

Дрожащий Джауль Барунданди проскользнул в комнату и опустился на колени рядом с женщиной. Обхватил ее голову руками и замер. По его щекам бежали слезы. Он пребывал в этой позе, пока не услышал, как возвращается Душелов, споря сама с собой на разные голоса.

Ты что-нибудь понимаешь? – спросила я у Сари. – Нарита пыталась прикрыть тебя. А потом Барунданди вон как убивался из-за ее гибели.

Сари помахала пальцем: не мешай, я думаю.

– Мурген, что тебе известно об этой белой вороне?

Чуть поколебавшись, Мурген ответил:

– Ничего.

Мы слишком хорошо его знали, чтобы не понять: он сказал правду, лишь умолчал о каких-то своих идеях на этот

счет.

Сари сказала:

– Тогда поделись с нами предположениями.

Мурген исчез.

– Какого черта? – набросилась я на Одноглазого. – Вы обещали настроить эту штуковину так, чтобы он делал то, что ему говорят.

– Он и делает. Почти всегда. Может, сейчас выполняет какие-то предыдущие инструкции.

Но старому дураку не удалось меня провести. Чувствовалось, что он и сам не знает, куда подевался Мурген.

Душелов действовала быстро, она первым делом вызвала слуг, которые присутствовали при ее визите в Комнату Гнева.

– Бедная женщина не выдержала столь сильного и продолжительного волнения. Я попыталась воскресить ее, но душа уже не откликается. Должно быть, ей хорошо там, куда она попала. – Свидетелей убийства не было, и никто не возразил, лишь далекий насмешник снова захихикал. – Я нашла Радишу. Она спала. Княжна удалилась в Комнату Гнева и потребовала, чтобы ее не беспокоили. Ни сейчас, ни потом. Она и раньше говорила мне о своем желании уединиться. Давайте уважим ее выбор, а то как бы и с нами не случилось чего-нибудь подобного. – Она указала на толстуху.

Даже те слуги, кто заглядывал в Комнату Гнева раньше

и убеждался, что она пуста, вынуждены были признать, что сейчас там кто-то находится. Очень мало можно было увидеть через едва приотворенную дверь, но все же... Расхаживая из угла в угол, этот кто-то сердито бормотал под нос – в точности как обычно делала Радиша.

– Думаю, всем пора спать. Порядок наведем завтра. – Душелов прошлась взглядом по лицам, стараясь выявить и запомнить тех, кто мог создать проблемы.

Слуги поспешили убраться, испытывая безмерное облегчение оттого лишь, что больше не находятся рядом с Душелов.

Она села и задумалась. Прочесть ее мысли, конечно, не представлялось возможным, но потом она привычно забормотала на разные голоса. Стало ясно, что она пытается вообразить процесс похищения. Похоже, даже не исключала того, что Радиша сама все устроила.

Очень подозрительная особа наша Протектор.

Одного за другим она разыскивала и допрашивала всех, кто имел дело с Минь Сабредил, Савой и Шихандини, начиная с Джауля Барунданди и заканчивая Делом Мукаржи, тем самым сборщиком мзды с поденных работников.

– Больше не смей этого делать, – приказала Протектор Мукаржи. – И другим передай, чтоб не вздумали. Если это повторится, я выверну тебя наизнанку, засуну в стеклянный шар и повешу над служебным входом. И запущу туда же пару бесенят, чтобы пожирали твои потроха – добрых полгода,

пока не сдохнешь. Все понял?

Дел Мукаржи прекрасно понял все, кроме одного: почему Душелов хочет лишить его средств к существованию.

Протектор ненавидела коррупцию.

Через некоторое время выяснилось, что во дворец приходили три женщины и позже три женщины покинули его. Но вероятно, ушли не в том же составе, в котором вошли. И с тех пор никто с таким же ростом и телосложением, как у Радиши, не покидал дворец.

А это означало, что некто, способный дать ответ на кое-какие вопросы, все еще находится внутри.

Злобно усмехнувшись, Душелов предположила, что этот некто проскользнул в нежилую часть дворца. И отправилась на поиски доказательств в эти запущенные дебри.

Гоблин спал на пыльной старой постели. Время от времени его храп сменялся чиханьем и сморканием – в ноздри набивалась пыль.

Пронзительный крик заставил его так резко подскочить, что он едва не лишился чувств от сильного головокружения. Повернулся – и не увидел ничего. Зато услышал негромкий смех и скрипучий голос, в котором было что-то неувлимо знакомое.

– Просыпайся, просыпайся. Она идет.

– Кто идет? Кто это говорит?

Ответа не последовало. Не чувствовал Гоблин и сколь-

ко-нибудь сильного колдовства. Да, загадка.

Однако несложно было догадаться, кто эта «она». Не так уж много на свете женщин, способных посреди ночи устроить на него здесь охоту.

Ну что ж, он готов. В увесистом свертке две книги из тех, которые Дрема больше всего хочет заполучить. Дотащить все три ему не по силам. Ловушки установлены. Остается одно – проскользнуть в пустую часть дворца, где когда-то размещался штаб Черного Отряда. Есть пути, по которым можно выбраться наружу незамеченным. Гоблин с Одноглазым обнаружили их уже давно. Вот только совсем неохота оказаться ночью на улице, на амулет надежды мало.

Когда Душелов облачалась в черную кожу и шлем, не оставляя ни единого дюйма обнаженной кожи, она почти полностью утрачивала осязание. Где уж тут ощутить тончайшую нить паучьего шелка, натянутую поперек коридора. Прежде чем Гангеша ударился об пол, она применила защиту. Такими рефлексами обладали только необыкновенные создания вроде нее, Госпожи и Ревуна; именно эти свойства позволяли всем троем выживать на протяжении нескольких веков.

На этот раз нужные чары были наготове, они тотчас окутали ее, поблескивая, как новехонькое столовое серебро.

Тень, заключенная в статуэтку-ловушку, не успела опомниться, как была атакована, схвачена, выкручена и скомка-

на, обернувшись скулящим содрогающимся шариком в руке Протектора. Веселый юный голос произнес:

– Тебе найдется лучшее применение.

Душелов продолжила путь, предвкушая возможность швырнуть Тень кое-кому в физиономию.

Путь просматривался все хуже, через некоторое время Душелов вообще потеряла ориентацию. Несколько несложных экспериментов подтвердили догадку насчет внешнего воздействия. Коридор был заткан колдовскими нитями, причем настолько тонкими, что даже она не обнаружила бы их, если бы продвигалась в спешке.

– Ох и умные же черти! И давно это уже здесь? Похоже, очень давно. Вы начали, еще когда дружили с властью. И что, все это время прятались тут? Конечно, я не могла найти вас в городе – вы просто не вылезали отсюда. – И уже совершенно другим голосом она продолжала – Ну-ка, ну-ка! Такой запашок, будто за этой дверью кто-то прячется и ему очень страшно. И он даже не потрудился запереть ее. Тупицей меня считает, что ли?

Мыском сапога Душелов толкнула дверь.

С притолоки сорвался глиняный Гангеша. Душелов хихикнула. На этот раз она справилась с Тенью еще быстрее и, зажав ее во второй ладони, вошла в комнату.

Никого тут нет. Это сразу почувствовалось. Но возникло ощущение... любопытное. Нужно разобраться, решила она.

Душелов создала огонек и медленно повернулась, читая

историю этой комнаты по еле заметным следам. Много чего происходило здесь, и в том числе события последних лет Черного Отряда. Комната хранила застарелый запах ужа-са, который у Душелов ассоциировался с Копченым, давно умершим придворным таглиосским колдуном.

Все свои открытия она обсуждала сама с собой, как обычно, разными голосами. Такое у нее было развлечение. Жизнь вообще, по мнению Душелов, была развлечением, и презанятным.

– А это что такое? – Из-за пыльной старой кровати, где кто-то лежал совсем недавно, выглядывало нечто похожее... Не раздумывая, она вытащила предмет, для чего пришлось на мгновенье разжать кулак. – Проклятие!

Понадобилось несколько минут, чтобы восстановить контроль над выскользнувшей из ладони юркой Тенью. В конце концов Душелов зажала обе Тени в одном кулаке, что им совершенно не понравилось. Если Тени кого и ненавидели, кроме живых существ, так это друг друга.

То, что Душелов обнаружила, оказалось книгой, из которой была вырвана половина страниц. Других книг Душелов в комнате не увидела.

– Так вот что с ними стало! А я все ломала голову, кому они понадобились? Ну и какая вам польза от этих книг, хотелось бы знать?

Уже решив уходить, Протектор еще раз взглянула на изувеченный том.

– Чтобы вырвать столько страниц, нужно время, и немалое. А это означает не один визит во дворец. Какой следует вывод? А такой, что Радиша не сама организовала свое исчезновение. Впрочем, сама или не сама – какая разница? Главное, что она исчезла. Сейчас надо заняться крысенышем – поймать его и отдать на потеху малюткам-Теням.

Вотличие от Душелов, Гоблин в темноте видеть не мог. Но у него было другое преимущество – он хорошо знал место, по которому шел. Поэтому без труда держался впереди нее, а потом ускользнул через один из старых потайных выходов. Луна давала мало света, то и дело скрываясь за быстрыми грозовыми тучами. Гоблин положил последнего Гангешу на булыжную мостовую в доступном для взгляда месте и бросился бежать, утешая себя мыслью, что двигаться приходится вниз по склону, а не вверх. Не повезло ему в другом: кругом тьма-тьмушая, рыщут Тени, а эффективность амулета, которому вот уже пятнадцать лет, вызывает сомнения. Надежда лишь на то, что город огромен, а ночных убийц немного – авось никто из них не встретится на пути.

Он бежал, пыхтя и сопя, и думал лишь о том, как держаться впереди Душелов.

Ему в голову не приходило, что она могла снова подчинить Тени, которых он оставил в засаде, и послать их вдогонку.

Душелов вышла наружу неподалеку от того места, где вы-

скользнул Гоблин, и успела заметить пятно, пересекающее открытое пространство, прежде чем исчезнуть в тени строе- ний.

Протектор изучила оставленного Гангешу и еще несколько мелких предметов, выглядевших так, словно их оброну- ли в спешке. Потом высоко подбросила две Тени в воздух и одновременно обрушила каблук на глиняную статуэтку. Маленькие убийцы бросились по следу беглеца.

Теперь она уже не сомневалась, что преследует колдуна по имени Гоблин.

Душелов завопила – в пятке вспыхнула боль, какой ей в жизни испытывать не случалось. Ведьма рухнула наземь, си- лясь подавить крик в горле, и успела заметить три ярчай- ших огненных шара, которые рванулись вдогонку за ее Те- нями. Борясь с чудовищной болью, она выхватила кинжал и сковырнула еще один огненный шар со своей ноги. Тот уже успел прожечь мясо и вгрызться в кость, повредив стопу от пятки до голени. И защита не спасла!

– Я искалечена! – прорычала Душелов. – Он меня заморочил, я подумала, что это очередная ловушка с Тенью внут- ри. – Теперь в ее голосах не звучало никакого веселья. – Ну, подожди, хитрая мелкая сволочь, ты еще заплатишь за это!

Упал еще один огненный шар и проделал дыру в бу- лыжной мостовой. Пересиливая боль, Душелов попыталась встать на пострадавшую ногу. И обнаружила, что не в состо- янии идти, хотя не потеряла ни капли крови. Шар прижег

рану.

– Любимая сестрица, если ты еще жива, я тебя убью за изобретение этой мерзости!

И снова прозвучал смех, эхом отразившись от парапетов дворца.

Что-то белое заскользило в ту сторону, куда убежал Гоблин.

– Но и сейчас найду кого убить, – пробормотала Душелов и поползла ко входу во дворец на четвереньках.

Она загнала боль в самый дальний уголок сознания, сосредоточившись на разжигании злости. Да и было отчего злиться – в этом приключении пострадали ее великолепные кожаные штаны и перчатки.

Как можно в такое поверить? – спросила я. – Неужели порча наряда взволновала ее не меньше, чем бегство Гоблина и рана в ноге?

Одноглазый захихикал, безмерное радуясь тому, что Гоблину удалось вернуться живым.

– Я верю.

– Как? И ты тоже?

– А что тут странного? Все, что она носит, сделано из кожи, а этот материал можно достать лишь далеко на севере.

Что вы, здешние людишки, понимаете в коже? Нашей подруге, поди, ради новых штанов приходится летать за пять тысяч миль. Тут поневоле будешь беречь то, что ниже пояса. Конечно, некоторым это объяснять бесполезно... Ай! Чего щиплешься? Не забывай, мы на одной стороне.

– Ты веришь этому мелкому извращенцу? – спросила я Сари.

– Пойди спроси Лебеда. – Одноглазый оскалился, показав единственный зуб. – Он тебе подтвердит, что эта бабенка зря ничего не делает.

Сари, впрочем, больше всего занимало дело.

– Что мы предпримем, если она представит все так, будто с Радишей ничего не случилось? Сколько людей обычно встречаются с княжной за день? Вроде немного. И Тайного совета больше не существует. Все у нас, кроме Могабы.

– Нужно и его сюда затащить, – проворчал Одноглазый.

– Не будем зарываться. Похитить главнокомандующего будет потруднее, чем всех остальных.

Я задумчиво произнесла:

– Она не станет держать Радишу взаперти слишком долго. Может быть, две недели. Пока не подберет себе новый совет, который будет отвечать лишь: «Да, о великая!» – и спрашивать: «На какую высоту?» – когда она прикажет прыгать.

Одноглазый выдохнул мощную струю воздуха.

– А что? Верно. Здесь есть над чем подумать.

– Уже подумала, – заявила я. – Захватив Радишу, мы, по-

жалуй, поступили даже умнее, чем самим казалось. Можем предъявить ее, если Душелов слишком озверевает. И Душелов наверняка это понимает. Она не поддастся соблазну и не зайдет слишком далеко. По крайней мере, пока не отыщет нас.

– Она сделает все, что в ее силах, чтобы найти и вернуть Радишу, – сказала Сари. – В этом можно не сомневаться. Следовательно, надо поскорее убраться из города.

– Прежде чем я уйду, мне необходимо кое-что сделать, – сказала я. – Не ждите меня. Мурген, будь другом, постарайся как можно больше узнать о белой вороне.

Я не дожидалась ответа. За Гоблина теперь можно не беспокоиться, настало время поговорить с нашей новой пленницей.

Кто-то позаботился о том, чтобы у Радиши были некоторые удобства. И в клетку ее не посадили. По-видимому, Одноглазый счел, что достаточно простеньких чар, способных вызвать удушье.

Княжна не замечала моего присутствия, что дало мне возможность как следует ее рассмотреть. Об этой женщине ходили устрашающие слухи, когда Отряд впервые прибыл в Таглиос. Она и впрямь показала себя сильным борцом, но годы не прошли для нее даром. Сейчас она выглядела старой, усталой, сломленной.

Я шагнула вперед:

– С тобой хорошо обращаются, Радиша?

По ее лицу скользнула слабая улыбка. В глазах одновременно мелькнули гнев и ирония.

– Конечно, это не княжеские покои, но мне случилось довольствоваться и худшим. Включая цепи и отсутствие крышки над головой.

– И грязные шкуры?

– Я прожила здесь шесть лет. – На самом деле подольше, но в ту минуту было не до точных подсчетов. – Ничего, привыкнешь.

– Почему?

– Воды спят, Радиша. Воды спят. Ты нас ждала. Мы должны были прийти.

В этот момент она наконец осознала, что происходит, и у нее округлились глаза.

– Я тебя уже видела.

– Много раз. Совсем недавно – во дворце. И давным-давно – тоже во дворце, вместе со знаменосцем.

– Ты сумасшедшая.

– Я? Одна из нас двоих уж точно не в себе.

Она начала наливать гневом.

– Это не поможет, – сказала я. – Но если тебе для здоровья необходимо время от времени буйствовать, подумай вот над чем. Протектор скрыла от всех твое исчезновение. Единственный человек, который был в курсе – не считая нас, злодеев, – уже мертв. Конечно, этим дело не ограничится, погибнут и другие. И ты, прячась в своей Комнате Гнева,

будешь издавать самые свирепые указы. Через полгода Протектор настолько укрепит свою власть с помощью серых и тех, кто сочтет выгодным служить ей, что твою роль народ сочтет ничтожной.

При условии, что Душелов сможет договориться с Могабой. Но об этом я умолчала.

Радиша разразилась возмущенной речью в отношении своей союзницы. Не выбирая выражений.

Я послушала, не перебивая, а потом напомнила княжне еще один лозунг: «Все их дни сочтены».

– Ну и что это значит?

– Это значит, что или рано поздно мы доберемся до всех, кто причинил нам вред. Ты права, это безумие. Но у нас нет другого пути. Тебе известно, что произошло до того, как ты оказалась здесь. Теперь на свободе только Протектор и главнокомандующий. Все их дни сочтены.

Конечно, в действительности все обстоит не так просто. Она в плену. Уверена, что месть выкравших ее людей будет самой жестокой – как они и предостерегали, прежде чем она совершила роковую ошибку, польстившись на сладкие посулы Душелов.

– У тебя нет законного наследника?

Такой поворот сильно удивил ее.

– Что?

– Я не знаю тех, кто продолжил бы твой род.

И снова:

– Что?

– А то, что ты не просто моя заложница – я держу в кулаке все будущее Таглиоса и его вассалов. У тебя нет детей. И у твоего брата.

– Я слишком стара для этого.

– Но не брат. А он еще жив.

Я оставила ее с раскрытым от изумления ртом. Пусть поворочает мозгами.

Не проведать ли Нарайяна Сингха, подумала я, но не решилась – была слишком перевозбуждена и утомлена. Не резон иметь дело с обманником, когда плохо держишь себя в руках. Сон – вот тот любовник, в чьих объятиях я нуждалась больше всего.

Я играла в тонк с Магарычом, Джо-Джо и Кендо Резчиком. Интересное сочетание. По крайней мере, трое из нас относились к своей религии вполне серьезно. Настоящее имя Джо-Джо было Чо Дай Чо. Он был из племени нюень бао и считался телохранителем Одноглазого. Колдун не нуждался в телохранителе. Джо-Джо не хотел быть телохранителем. Поэтому они не слишком часто общались, а всем остальным Джо-Джо так же редко попадался на глаза, как и дядюшка Дой.

Джо-Джо пожаловался:

– Я знаю, вы сговорились обчистить простодушного паренька с болот.

– Подозреваешь меня в сговоре с еретиком и неверующим? – спросила я.

– Ты займешься ими после того, как разденешь меня до нитки.

Любой шулер готов лезть от злости на стенку, когда его любимой жертве идет фарт.

– Не могу привыкнуть к тому, что не нужно идти на работу, – сказала я.

Джо-Джо сбросил шестерку, которой мне не хватало, чтобы выложить группу из пяти карт.

– Похоже, сегодня мой день.

– То есть самое подходящее время отвалить отсюда и найти себе мужчинку?

– Гоблин, ты еще жив? Ночью Душелов до того озверела, что я бы не удивилась, если бы она поймала тебя на полпути к дому и сожрала заживо.

Гоблин растянул рот в жабьей ухмылке:

– Теперь у нее какое-то время будет забавная походка. Я и не надеялся, что она наступит на эту штучку. – Он посерьезнел. – Вот о чем я думаю: может, зря мы ее так «подковали»? Я мог бы завести ее куда-нибудь подальше, под наш перекрестный огонь...

– Не вышло бы, она наверняка ожидала чего-то подобно-

го. Почему не погналась за тобой, как считаешь? Хочешь присоединиться?

Остальные сразу насупились. Гоблин, конечно, не Одноглазый, но и ему мало доверия. Никому и в голову не приходило усомниться в том, что Гоблин, взявшись мошенничать, облапошит любого. Тот факт, что в его жизни было больше поражений, чем побед, считался просто дымовой завесой.

Вы наверняка заметили, что люди обожают придумывать себе предубеждения и крепко держатся за них, не внемля доводам логики и игнорируя противоречия.

– Не в этот раз. – Гоблин понимает намеки. Он найдет способ поквитаться и всласть посмеется над ними, прикрывая ладошкой рот. И это пойдет им на пользу. – У меня срочная работа. Надоело слушать жалобы на призрака, который ночами бродит по складу. Надо с ним разобраться.

Мне пришла плохая сдача. Я бросила карты.

– Рядом с таким трудягой чувствуешь себя конченным лодырем. – Я забрала выигрыш.

– Ты не можешь сейчас выйти, – проворчал Кендо.

– Карты не для женщин, ты сам это все время твердишь. Посиди я с вами еще – останусь без медяка в кармане. И ты не получишь подарка на день рождения.

– Я его и в прошлом году не получал.

– Должно быть, я и тогда играла с вами в тонк. Тут столько шулеров – даже не вспомню, кто еще на мне не нажился.

Теперь заворчали уже все.

– Я, пожалуй, присяду на кон-другой, – проворчал Гоблин.

– Обойдемся. Ты лучше помоги Дреме. Или пусть Дрема поможет тебе.

Ворчание смолкло, только когда мы с колдуном оказались за пределами слышимости.

Гоблин захихикал. И я тоже. Он сказал:

– Надо бы нам с тобой пожениться.

– Я слишком стара для тебя. Попроси Чандру Гокле, он тебе поспешествует.

– Эта парочка – как голодные крысы, не находишь?

Гокле и Друпада постоянно были на ножах. Их грызня не перерастала в драку только потому, что оба были самым доходчивым образом предупреждены: победителя ждет суровое наказание.

– Может, один убьет и съест другого, – сказала я. – Если нам повезет.

– Нет, ты точно фантазерка.

– Что думаешь о призраке?

Он пожал плечами.

– Считаешь, это девушка?

– Почти уверен.

– Думаешь, она делает то же самое, что и Мурген, когда он только начинал? Проходит сквозь время и все прочее?

– Не знаю. Тут что-то другое. Мургена мы на таких играх не ловили.

– Можешь сделать так, чтобы она прекратила?

– Что, боишься?

– Да, боюсь. Боюсь того, что она способна выбираться отсюда и получать чью-то помощь.

– Ой! Об этом я не подумал.

– Так подумай, Гоблин. А что там с белой вороной? Может, она и есть эта белая ворона?

– Я думал, белая ворона – это Мурген.

Он, конечно, все прекрасно понимал.

– Мурген здесь, он у Сари раб и разведчик.

– Уже не в первый раз Мурген глядит на событие из двух разных моментов времени, находясь при этом в одном и том же месте.

– По его словам, он не помнит, чтобы был этой вороной, – возразила я.

– Может, это потому, что пока еще не был. Может, это Мурген из следующего года или из какого-то другого.

Я растерялась: такой вариант мне в голову не приходил. А ведь с Мургеном уже случалось что-то в этом роде.

– Но вообще-то, я не думаю, что это Мурген или девка.

Он снова расплылся в жабьей ухмылке. Знал, что я вмиг навою уши.

– А кто же тогда? Говори, крысеныш.

Он опять пожал плечами:

– Есть парочка идей, но я пока не готов их обсуждать. Ты получила Анналы. Все, до чего я додумался, можно извлечь

из них. – Гоблин захихикал, радуясь, что обыграл летописца на его собственном поле. – Ха-ха! – Он завертелся, пританцовывая. – Ступай-ка, выбей дурь из Нарайяна Сингха. О! Смотрите, кто пришел! Лебедь, не слишком ли ты стар, чтобы такие длинные волосы носить? Иль собрался их зализывать, чтобы лысину прикрыть?

Я протянула руку и указала сверху большим пальцем на Гоблина. Сколько себя помню, у него не было никаких проблем с волосами. Потому что не было волос.

– Что-то у тебя мыс вдовы малость просел, – ухмыльнулся Лебедь. – Видать, слишком часто ты бьешься снизу башкой об стол. – Лебедь повернулся ко мне и вопросительно поднял бровь. – Он что, обкуренный? Или бухой?

– Нет. Просто никак не может поверить, что играл в догонялки с твоей подружкой и только чудом спасся.

Однако вопрос Лебедея навел меня на интересную мысль. В этих краях конопля растет, точно сорная трава. Как объяснить, что Гоблин с Одноглазым не нашли ей «достойного» применения?

Гоблин без единого слова понял, о чем я подумала.

– Мы ганджой не балуемся, от нее мозги набекрень, – изрек он.

– А от буйволиной мочи, которую вы варите, не набекрень?

– Ну это же сущее лекарство, Дрема. Попробуй, тебе понравится. Куча полезных эффектов.

– У меня отличная диета, Гоблин. За исключением рыбы и риса.

– А я про что? Давай сбросимся, купим кабанчика... Не слушай ты Сари. Хребтовое сало с фасолью, ммм...

Лебедь взялся преодолеть вместе со мной семидесятифутовый путь к клетке Нарайяна.

– Я готов вложиться, – сказал он. – Не едал бекона уже лет двадцать.

– Твою же мать! – выругался Гоблин. – Вложиться он готов, вы слышали? На хвост сесть – вот что ты готов сделать! Приятель, у тебя теперь даже имени нет. Ты нищий.

– Могу сбегать во дворец, пошарить там под матрасом. Не всегда же мне не везло.

– Не хочешь замуж за меня, Дрема, выходи за Лебеда, – сказал Гоблин. – У него припрятано целое состояние, и он уже слишком стар, чтобы приставать к тебе с... Ну, сама понимаешь... Эй, Нарайян Сингх! Поднимай свою тощую воющую задницу и топай сюда, разговор есть.

– Желание выжить – сильнейший наркотик, – прошептал Лебедь.

– В возрасте Гоблина – наверняка, – согласилась я.

– Думаю, в любом возрасте.

– Вывод? – спросила я.

– Вывод прост: мне надо было давным-давно повернуть оглобли на север. Ничего хорошего я здесь не получил. Как только не стало Ножа и Корди, надо было потихоньку смо-

таться отсюда. Но я не смог. И не только потому, что Душелов выкручивала мне руки.

– А почему?

– Я проиграл. Все мы проиграли, все трое. И даже не смогли это сделать, как подобает солдатам старой империи. Мы дезертировали. Ножа на родине швырнули крокодилам за то, что он надувал жрецов. Каждый из нас плохо начал. Мы с Корди оказались тут по единственной причине: пустившись в бег, не смогли остановиться. Теперь у меня нет друзей, и некому вразумлять старину Лебеда.

Я не сообщила ему, что Нож и Мэзер живы и находятся среди Пленных. Только заметила:

– Нельзя сказать, что ты здесь был совсем уж не на своем месте. Таглиосские власти относились к тебе с изрядным пиететом.

– Я чужак. Властям был нужен громоотвод. Все обо мне слышали, все узнавали на улице. Протектор и Радиша от моего имени принимали непопулярные решения.

– Ну, теперь им придется искать другого козла отпущения.

– Нечего на меня так смотреть. Я не вступлю в Черный Отряд, даже если ты пообещаешь выйти за меня замуж и сделать Капитаном. У вас, ребята, на лбу написан ваш смертный приговор.

– Ну а коли так, чего ты хочешь?

– Чего я хочу? Поскольку я уже слишком стар, чтобы воз-

вращаться домой – да и дома-то у меня нет, – я хотел бы делать то, чем мы пытались заниматься, когда только пришли сюда. Открыть пивоваренный заводик и провести остаток жизни, с его помощью немного облегчая людям существование.

– Не сомневаюсь, что Гоблин и Одноглазый будут счастливы взять тебя в компаньоны.

– Черта с два. Эта парочка вылакает половину продукции. Надравшись, будут драться и бросаться бочками...

Тут, конечно, он был абсолютно прав.

– Тут, конечно, ты абсолютно прав, – сказала я, а потом добавила: – Хотя в последнее время они держат себя в руках.

– Советую лучше следить за этим мерзавцем, он ведь не упустит возможности тебя прикончить, – кивнул Лебедь на Сингха. – Удивительный типаж. По виду обыкновенный ханурик, на улицах десятки тысяч таких же бьют баклуши и подышают от голода, но работать их не заставишь.

– Я бы и этого уморила голодом, да какой с того прок? Нарайян, вот и я. Ну что, толковать будем или придуриваться?

Сингх поднял на меня взгляд – безмятежный, мирный. Как и у любого другого душилы. Этих мерзавцев никогда не мучает совесть.

– Доброе утро, девушка. Да, мы можем поговорить. Я воспользовался твоим советом и побывал у богини, и она одобрила твое ходатайство. Честно говоря, я этого совсем не ожидал. Она готова заключить сделку и не выдвигает особых

условий. Требуется лишь, чтобы жизнь и благополучие ее главных сторонников не пострадали.

Лебедь был ошеломлен даже больше, чем я.

– Дрема, что я вижу? Тебе удалось его перевоспитать?

– Не уверена. Даже когда обманник по самую маковку в дерьме, он не прекращает изворачиваться. – Требовалось немного поразмыслить. И еще, пожалуй, насторожиться. – Мне, конечно же, приятно это слышать, Нарайян. Где Ключ?

Улыбка у Сингха была почти такая же мерзкая, как у Одноглазого.

– Я отведу тебя к нему.

– Ага... – пробормотала я. – Поняла. Ну что ж, с почином.

Когда ты готов отправиться?

– Как только девушка поправится. Ты, наверное, заметила, что она нездорова.

– Да, заметила. И решила, что у нее месячные. – Тут мне в голову пришла жуткая, нет, прямо-таки ужасная мысль. – Она часом не беременна?

Судя по выражению лица Сингха, ему такое предположение показалось совершенно диким.

– Это хорошо. Хоть мы сейчас и стовариваемся с вами – я имею в виду Черный Отряд и обманников, – все равно вы двое в одну команду не войдете. Печально, но факт, Нарайян Сингх, – я не доверяю тебе. А ей не буду доверять, даже когда она окажется в могиле.

Он улыбнулся – загадочно, точно единственный на всем

белом свете знал некий секрет.

– Но сама рассчитываешь на наше доверие.

– Мой расчет строится на общеизвестном факте: Черный

Отряд всегда держит свое слово.

Небольшое преувеличение, конечно.

Нарайян лишь на мгновение перевел взгляд на Лебеда. И снова ухмыльнулся:

– Полагаю, для меня этого должно быть достаточно.

Я скупно улыбнулась:

– Вот и прекрасно. Договорились. Пойду займусь подготовкой к нашему походу. Далеко идти?

Улыбка:

– Не очень. Несколько дней к югу от города.

– Ха! Роща Предначертания. Могла бы догадаться.

Я увела от него Лебеда и вернулась к игрокам за карточный стол.

– Нужно, чтобы сын Сингха как можно скорее оказался здесь. Никогда не вредно иметь кое-что про запас.

Мне прямо-таки не по себе, когда заняться нечем, – сказала Сари.

Прижавшись друг к другу, они с Тобо сидели перед туманным прожектором и рассказывали Мургену все, что знали. Приятно было видеть, что мать и сын ладят.

– Ну, дело всегда можно найти, – сказала я. – Например, принять участие в установке оставшихся «катышков», чтобы о нас не забывали, когда мы уйдем. Или таскать вещи к реке.

– Как говорит Гоблин, я не настолько скучаю по работе,

чтобы напрашиваться на нее. Что новенького?

– Парни доставили сына нашего душилы. Симпатичный парнишка. И еще со столба, на котором вывешивают официальные сообщения, они сняли пару указов, выпущенных уже после того, как началось затворничество Радиши.

– И что в них?

– Предлагается огромное вознаграждение тому, кто сообщит любые сведения о шайке вандалов, выдающих себя за членов давно не существующего Черного Отряда и нарушающих общественный порядок.

– Интересно, кто-нибудь в это поверит?

– Ну, если достаточно часто повторять, почему нет? Но не так опасны рассказы про нас, как сумма вознаграждения. Есть люди, способные продать даже мать родную. Душелов отправит на улицу пару проходимцев, которые будут швыряться деньгами и хвастаться, за что их получили. И кто-нибудь, действительно что-то знающий про нас, захочет рискнуть.

– Тогда почему бы нам просто не уйти? Здесь от нас уже почти ничего не зависит.

– Мы можем похитить Могабу.

– Вот и пусть город об этом думает. Распустим слух. И не один – как можно больше слухов о главнокомандующем и Радише. А сами эвакуируемся под шумок. Когда ты отправляешься за Ключом?

– Еще не знаю. Скоро. Я тяну время. Жду сообщения от

Недоноска.

Сари кивнула и улыбнулась:

– Правильно делаешь. Сингх наверняка что-то прячет в рукаве.

Подошел Плетеный Лебедь:

– У девочки проблема.

Я хмуро взглянула на него. Сари – тоже, но у нее хватило вежливости спросить:

– У Дщери Ночи? Что с ней?

– Похоже на припадок. Вроде судорог.

– Нашла время, – проворчала я.

Сари тотчас послала Тобо за Гоблином. Я продолжала тем же тоном:

– Зачем ты поперся к ней, Лебедь?

Он слегка покраснел и сказал:

– Ну...

– Тупица несчастный! Сначала дал Госпоже себя охмурить, потом плясал под дудку ее сестрицы и выжимал соки из миллионов ни в чем не повинных людей. А теперь хочешь выставить себя уже полным идиотом? Позволишь отродью Госпожи вдеть себе кольцо в нос? Ты в самом деле глупец и ничтожество, Лебедь!

– Я просто...

– Ты просто сделал то, до чего сам бы не додумался. Точно пьяненький пятнадцатилетний сопляк. Эта женщина не просто очень умна, Лебедь! Она хуже, чем может привидеться в

самом страшном ночном кошмаре. А ну подойди!

Он подошел. Я проделала молниеносное движение – точно так, как много-много раз в прошлом мечтала проделать с моими дядями. Кончик кинжала проткнул Лебедю кожу под челюстью.

– Ты в самом деле хочешь принять нелепую, позорную, бесполезную смерть? Если да, я тебе это устрою. Но никому из нас больше не придется расплачиваться за твою дурь.

Закудахтал Одноглазый – он был в восторге:

– Она чудо, правда, Лебедь? Забудь своих черных вдовушек, приударь лучше за нею.

Он сидел в кресле До Транга, но передвигался самостоятельно. Я еще не остыла и поэтому злобно проговорила:

– Старик, с тобой тоже может случиться кое-что нелепое, позорное и бесполезное.

Он лишь рассмеялся:

– Дрема, ты пригласила сюда этого солдафона Аридату, чтобы он встретился со своим давно потерянным отцом. Ступай займись ими, хватит флиртовать тут с Лебедем.

Что-что, а до белого каления Одноглазый доводить умеет. И обожает это занятие. Не упустит ни малейшей возможности.

– Объясни ему, что с девчонкой, – сказала я Лебедю. – Одноглазый, разберись с этим. Только не убивай ее. Сингх не отдаст мне Ключ, если мы прикончим эту тощую... ведьму.

Твою же мать! Увидев Аридату Сингха, я, пожалуй, могла бы отказаться от своего зорка в отношении мужчин. Он был великолепен. Высокий, пропорционально сложенный, с очаровательной улыбкой, обнажавшей прекрасные зубы. Его не портила даже сильная тревога. И держался он превосходно. Аристократ во всех смыслах этого слова. Кроме происхождения, конечно.

– У тебя, наверное, была чудесная мать.

– Что?

– Ничего. Здесь меня зовут Дремой. А ты Аридата? Вот мы и познакомились.

– Кто эти люди? Зачем меня доставили сюда?

Он не возмущался, не угрожал. Просто был сильно удивлен. Редкий таглиосец способен так держаться в плену – как человек, зря теряющий время.

– Кто мы, тебе знать не обязательно. Ты здесь для того, чтобы повидаться с другим нашим пленником. Не говори ему, что тебя освободят после этой встречи. Он останется здесь. Иди за мной.

Спустя некоторое время Аридата Сингх осведомился:

– Ты женщина, да?

– В последний раз, когда проверяла, точно была женщиной. Вот мы и пришли. Это Нарайян. Нарайян! Подъем! К тебе посетитель. Нарайян, это Аридата. Как я и обещала.

Аридата смотрел на меня, пытаюсь понять. Нарайян вытаращился на сына, которого видел впервые. Очевидно, разглядел в нем что-то, от чего лицо смягчилось, правда лишь на миг. И я поняла, что нашла ключик к душе этого обманника. Главное, чтобы он не думал, будто я подбиваю его изменить Кине.

Я отошла назад, чтобы следить за развитием ситуации, но ничего не происходило. Аридата время от времени оглядывался на меня, душила просто смотрел на парня. Наконец мое терпение лопнуло, и я спросила Нарайяна:

– Что, этого мало? Нужно привести сюда Кадиту и Сугри-

ву? А заодно и их детей?

Это произвело впечатление на Нарайяна и дало понять Аридате, что он похищен из-за своей принадлежности к этой не совсем обычной семье. От меня не ускользнул момент, когда до парня дошло истинное положение дел. Он снова оглянулся, но теперь в его глазах было совершенно другое выражение.

– Как по мне, – сказала я, – так об этом человеке можно мало сказать хорошего, но считать его плохим отцом нет оснований. Судьба не дала ему шанса проявить себя в этом смысле – ни плохим, ни хорошим. – Если не считать его отношения к девушке, для которой он делал все возможное и невозможное, при полном безразличии с ее стороны, – он очень преданный.

Аридата понял, что это похищение не имеет никакого отношения к нему лично. Что он всего лишь рычаг для воздействия на Нарайяна Сингха. Того самого Нарайяна Сингха, печально известного предводителя культа душил.

И снова Аридата покорила мое сердце, когда он расправил плечи, шагнул вперед и обратился к отцу с приветствием. В котором, конечно, не чувствовалось подлинного тепла, но все равно это было то, что надо.

Я наблюдала за тем, как они пытались найти нечто общее, точку соприкосновения, с которой можно было бы начать. И они нашли, на удивление быстро. А может, в этом и не было ничего удивительного. Мы не нашли подтверждений

того, что Нарайян Сингх не ладил со своей Лили.

– Парень – само обаяние, правда?

Я испуганно вздрогнула. До того увлеклась, что не услышала, как сзади подошел Рекоход, а ведь он всегда топает как слон. Это могло означать лишь одно: Аридата – вот кошмар! – и в самом деле произвел на меня сильнейшее впечатление.

– Да, согласна. Хотя не могу сказать, чем он берет.

– Ну так я объясню. Он, как и Плетеный Лебедь, породистый мужик. Только посмышленей. И еще молодой, не испорченный жизнью.

– Рекоход! Как ты заговорил, однако! Почти как умный.

– Только не говори этого нашим парням. Одноглазый может смекнуть, почему ему удастся обыгрывать меня только в половине партий. – Он снова пригляделся к Аридате. – Да, красавчик. Держи его подальше от своего библиотекаря. А то потеряешь ухажера.

Опять мне разбивают сердце.

– А что, есть какие-то признаки?

– Ну, я могу и ошибаться.

– Когда ему нужно возвращаться? Можем задержать его на вечер?

– Хочешь проверить парня?

Рекоход редко поддразнивал меня, но сейчас и он не смог удержаться. Впрочем, я этого ожидала.

– Не в том смысле. Есть у меня одна недобрая идеяка.

Перед тем как отпустить, мы его представим Радише.

– Решила сводничеством заняться?

– Нет. Просто хочу, чтобы этот верноподданный лично убедился: его княжна вовсе не во дворце. С его помощью распущенные нами слухи станут правдой.

– И верно, не повредит.

– Присмотри за этими двумя, а я потолкую с Бабой.

Рекоход хмыкнул. Кроме Лебеда, никто так Радишу не называл.

– Перенимаешь плохие привычки.

– Похоже на то.

Радиша полностью ушла в себя. Она не спала, не медитировала, а просто блуждала в коридорах сознания. Возможно, глубоко раскаивалась в том, что испытала громадное облегчение, избавившись от мучительного бремени власти. Я даже малость посочувствовала ей. Пусть они с братом и враги нам, но не маньяки, не изверги. В их душе выпестована раджахарма.

– Эй, Радиша. – Надо бы обращаться с ней как подобает, но не привычна я к высокопарным титулам. – Мне нужно

поговорить с тобой.

Она медленно подняла глаза – умные, понимающие, любопытные даже в отчаянной ситуации.

– Неужели вся прислуга во дворце набрана из моих врагов?

– Твоими врагами мы стали не по собственной воле. И даже сейчас чтим и уважаем княжескую власть.

– Ну да, конечно. Как же удержаться и не напомнить мне о моей глупости. Вроде этих последователей Бходи с их саможжением.

– Наша вражда с тобой никогда не была столь же остра, как вражда с Протектором. С ней нам вовек не примириться. Ты бы ни за что не натравила скилдирша на Таглиос, она же это делает без малейших колебаний. И зло так глубоко разъело ее душу, что она даже не понимает всей мерзости своих поступков.

– Ты права. Лишь потому, что ей удалось прожить несколько столетий, мы чуть ли не за богиню ее принимаем. Она достаточно могущественна, чтобы по капризу стирать с лица земли целые страны. Так дитя разрушает муравейник, желая посмотреть, как закопошатся муравьи. У тебя есть имя?

– Меня зовут Дрема. Я летописец Черного Отряда. И та самая злодейка, которой ты обязана большинством своих неприятностей. Они были для нас не самоцелью, а просто способом заявить о своем существовании. Но теперь, похо-

же, мы перехитрили сами себя.

Радиша слушала очень внимательно.

– Продолжай.

– Протектор решила твое исчезновение скрыть. Официально ты пребываешь в Комнате Гнева, проходишь обряд очищения, моля богов и предков успокоить твое сердце и дать тебе мудрости, чтобы пережить грядущие тяжелые времена. Но время от времени ты делаешь перерыв и издаешь довольно странные указы. Вот эти два мне принесли только что. Мои братья неграмотны, поэтому срывали, что под руку подвернется. Но и эти указы достаточно красноречивы. Можно добыть и другие, если пожелаешь.

Объявление насчет награды Радиша прочитала первым. Оно было прямолинейным и доходчивым.

– Это наверняка осложнило вам жизнь.

– Так и есть.

– У нее нет денег. Что это? Десятипроцентное сокращение рисового пайка? Какие еще пайки? В них никто не нуждается, рис в свободной продаже.

– Это ты не нуждаешься в пайках. Однако не всякий, кто хочет риса, может себе его позволить. А многие из нас ничего другого и не едят.

– Знаешь, откуда это взялось? – Радиша постучала ногтем по листку, точно хотела проклевывать в нем дыру. – Готова держать пари: ей присоветовали диковинные личности, которые у нее внутри. Это ведь не просто голоса. Или в ней разыгра-

ло столь же диковинное чувство юмора, когда она диктовала указ. У нее есть заклинания – на случай, если голоса захотят взять над ней верх. Она никогда не позволяет им говорить слишком долго.

Ага, сказала я себе. Пикантная новость, которая может оказаться ценной. Будем иметь в виду.

– Не можешь ли ты в противовес издать более разумные указы? У меня не хватит людей, чтобы разослать их по всему городу, но обещаю: в наиболее важных местах они будут развешены.

– Как сделать, чтобы их подлинность не вызывала сомнений? Любой может достать лист специально обработанной наады и написать на нем что угодно.

– Я уже думаю об этом. Здесь присутствует гость, весьма достойный офицер из городских батальонов. Мы привели его для встречи с другим нашим пленником. Полагаю, он может распространить слух, что и ты у нас в плену.

– Интересно. Догадываешься, как она поступит? Заявит, что это блеф. Создаст моего иллюзорного двойника и потребует: а ну-ка покажите вашу Радишу! Но вы этого не сделаете, потому что хотите жить. Правильно?

– Ну, с этим мы как-нибудь справимся. У Протектора серьезные проблемы. Ей уже никто не верит. Люди могут усомниться и в тебе, ведь ты ведешь себя как откровенная марионетка. Почему ты всегда вредила Черному Отряду, почему предавала нас?

– Я вовсе не марионетка. Ты даже не представляешь, сколько ее безумных замыслов мне удалось сорвать.

Я не стала объяснять, что мы очень даже неплохо представляем. Злила ее я нарочно, чтобы разговорить, но теперь захотелось уколоть еще сильнее.

– Откуда такая ненависть к моим братьям?

– Ненависть?

– Возможно, это неудачное слово. Но что-то такое было. Прежние летописцы отметили, что ты резко изменила отношение к Отряду, когда решила, что Хозяева Теней больше не опасны для Таглиоса. Это не стало для тебя таким же наваждением, как для Копченого, но нет сомнений: болезнь та же самая.

– Не знаю. В последние десять лет сама не раз удивлялась этому. И что интересно: как только я объявила вас врагами Таглиоса, сразу отпустило. Однако мы с Копченым не единственные. В княжестве все население испытывало схожие чувства. Может, это память о прежних временах, когда Отряд...

– О каких еще временах? Нет ничего такого в летописях и иных документах прошлых веков. То немногое, что мне удалось расшифровать в наших Анналах, имеет самый обычный, рутинный характер. Произошло одно-единственное жестокое сражение, когда Отряду было уже около шестидесяти лет. Это случилось неподалеку отсюда, и Отряд потерпел поражение. От него почти ничего не осталось. Написанные к

тому времени три книги Анналов попали в руки врага. Они хранились в таглиосской библиотеке. С тех пор как Отряд вернулся в Таглиос, доступ к этим книгам ему был закрыт. Чего только не предпринималось, чтобы мы не добрались до них! Из-за этих Анналов погибло немало людей. И ради чего? Насколько я могу судить, роковой секрет состоял в том, что в те первые десятилетия истории Отряда ничего экстраординарного не произошло. Не было тогда ни жестоких грабежей, ни бесконечного кровопролития.

– Почему же тогда жители многих южных стран помнят то, чего не было, и боятся, как бы это не произошло снова?

Я пожала плечами:

– Не знаю. Надо спросить у Кины, как она все это устроила. Мы так и сделаем, аккурат перед тем, как прикончим ее.

На лице Радиши возникло такое выражение... точно она подумала: «Ну-ну, выходит, я не единственная, кто верит в невозможное».

– Хочешь сбросить ярмо, которое на тебя надела твоя безумная подружка? – спросила я. – Хочешь вместе с нами сорваться с крючка? Хочешь, чтобы твой брат вернулся?

В последнее время ей не раз приходило в голову, что Прабриндра Дра, возможно, еще жив.

Радиша несколько раз открыла и закрыла рот. Она никогда не была миловидной, а возраст и обстоятельства, словно сговорившись, сделали ее внешность почти отталкивающей.

А впрочем, мне ли об этом судить? Время не щадит и ме-

ня.

– Все это вполне достижимо. Понимаешь? Все.

– Мой брат мертв.

– Нет, жив. Никто, кроме Отряда, не знает об этом. Даже Душелов. Есть люди, которых она заманила в подземную ловушку и заморозила во времени. Что-то вроде этого. Я не в курсе, что за мистическая наука тут поработала. Главное, что эти люди не мертвы и их можно освободить. Я только что заключила сделку, которая позволит нам добыть Ключ и открыть им дорогу.

– Ты сможешь вернуть моего брата?

– И Корди Мэзера.

Освещение было слабое, и все же я заметила, как краска залила ее лицо и шею.

– Похоже, для твоих людей не существует секретов?

– Почти.

– Чего ты хочешь от меня?

Вот уж не надеялась услышать этот вопрос от Бабы. Несмотря на ее репутацию приземленной, здравомыслящей, деловой особы. Поэтому у меня не было наготове ответа. Но я быстро исправила это упущение.

– Ты могла бы отречься от Протектора, открыто появившись в каком-нибудь общественном месте, где многие бы увидели и узнали тебя. Ты могла бы уволить главнокомандующего. Ты могла бы рассказать, как пятнадцать лет жила под властью темных чар и как в конце концов тебе удалось сбе-

жать. Ты могла бы восстановить честь Черного Отряда, чтобы мы снова в глазах таглиосцев стали теми, кто мы есть, – просто хорошими парнями.

– Не знаю, получится ли. Я слишком долго боялась Черного Отряда. И сейчас еще боюсь.

– Воды спят, – сказала я. – Что хорошего сделала тебе Протектор?

Радиша не ответила.

– Мы можем вернуть к жизни твоего брата. И снять тяжкий груз с твоей души. Поразмысли обо всем этом. Раджхарма.

Изо всех сил стараюсь сдерживать эмоции, Радиша отрывисто проговорила:

– Не говори этого слова! Оно меня душит и внутренности мне рвет.

Именно этого я ей желала не раз и не два – когда была менее снисходительно настроена.

Аридата посмотрел на меня как-то странно.

– Нарайян Сингх совсем не такой, каким я его себе представлял.

Встреча с княжной произвела на него куда менее сильное впечатление, чем свидание с отцом.

– Рекоход, отведешь его обратно?

Ночь уже наступила, но у нас имелась пара защитных амулетов из тех, что были во множестве изготовлены в ходе

войны с Хозяевами Теней. Выглядели они вполне исправными. Хотелось бы иметь еще сотню, но Гоблин и Одноглазый больше их не мастерили. А почему – неизвестно, они не делились со мной секретами ремесла. Наверное, просто слишком одряхлели.

Меня часто пугает мысль о том, что мы будем делать, когда скончаются наши старики. Будущее без Одноглазого уж точно не за горами.

О Повелитель Небесный, защити его! Пусть не умрет, пока Пленные не окажутся на свободе и все наши беды не останутся позади.

Все наши люди на складе были плотно заняты делами. Кто-то в спешке готовил Отряд к эвакуации. Другие собирались в дорогу, чтобы сопровождать меня и Нарайяна к роше Предначертания, где хранится Ключ. Нюень бао, и работавшие у До Транга, и те немногие, которые присоединились к Отряду, просто нервно суетились – чтобы не стоять на месте. Они были испуганы – у Бань До Транга этой ночью случился удар. Прогноз Одноглазого был неутешителен.

– Я не утверждаю, что к этому причастна девчонка, но

ведь До Транг первым догадался, что это она слоняется тут в виде духа, – сказала я Гоблину.

– Он просто стар, Дрема. Никто ничего ему не делал. По моему, его срок уже давно вышел. До Транг держался только потому, что заботился о Сари. А она теперь в его попечении не нуждается, ее муж скоро получит свободу. И наш благодетель слишком слаб, чтобы бежать. Душелов обязательно сюда доберется, недаром же она вызвала Могабу, который вот-вот приступит к поискам. Лично я не удивился бы, если бы До Транг просто решил в глубине души: умереть сейчас – самое лучшее, что он может сделать для всех.

Я не хотела, чтобы До Транг уходил из жизни. И не только потому, что никому не нравится, когда умирают близкие люди. Он был – в своей ненавязчивой манере – лучшим другом Отряда на протяжении многих лет.

Как и все остальные, я старалась забытья в работе.

– Может, девчонка и в самом деле тут ни при чем, но я не хочу, чтобы она продолжала шляться по ночам. Сделайте что-нибудь. Только, конечно, не калечьте и не убивайте ее.

Гоблин вздохнул. С некоторых пор он только так и реагировал, если ему поручали какое-то дело. Наверное, настолько устал, что даже жаловаться и протестовать был не в силах.

– Где Одноглазый?

– Ну... – Гоблин огляделся и перешел на шепот: – Только учти, я тебе ничего не говорил. Кажется, он ломает голову, как бы вывезти отсюда все наше оборудование.

Я лишь сокрушенно покачала головой и отошла.

Тут меня окликнули Сантараксита и Баладита. Они смирились с ситуацией, в которой оказались, и включились в работу. Особенно увлекся главный библиотекарь. Еще бы! За многие годы это первый реальный вызов его учености.

– Дораби, за всеми этими волнениями я забыл сказать тебе, что нашел ответ на вопрос о письменном языке нюеньбао, – азартно сообщил он. – Такой язык существует. И похоже, не один. Вот эта старейшая книга написана на древнем диалекте этого языка. Другие – на раннем таглиосском, хотя в оригинале третьего тома использованы иностранные буквы.

– Это доказывает, что фонетическое значение алфавита захватчиков в те времена определенно было выше по сравнению с местным рукописным шрифтом. Верно?

Сантараксита вытаращил глаза:

– Дораби, ты никогда не перестанешь изумлять меня.

– Ну, обнаружили вы что-нибудь интересное?

– Черный Отряд пришел с возвышенной равнины, которая уже тогда была знаменита своими блистающими камнями, и затем кочевал из одного малого княжества в другое. Его солдаты без конца вздорили между собой – большинству вовсе не хотелось жертвовать собою ради приближения Года Черепов. Жрецы, присоединившиеся к Отряду, были охвачены энтузиазмом, чего нельзя сказать о солдатах. Многие, вероятно, вступили в Отряд, видя в этом способ выбраться

из так называемой страны Неизвестных Теней, а вовсе не потому, что желали поспособствовать наступлению конца света.

– Страна Неизвестных Теней? А что еще?

– Весьма любопытные сведения насчет цены гвоздей для подков и нехватки лечебных трав, которые сейчас растут в каждом саду. Что ты хочешь? С тех пор минуло почти четыреста лет.

– Потрясающе, шри. Продолжай работать столь же плодотворно.

Я собиралась сказать библиотекарю, что ему придется покинуть город вместе с нами, но решила не волновать его сию минуту. Наверняка у него опустятся руки, если поставить его перед выбором: бегство в неизвестность вместе с пленителями или смерть.

Появился дядюшка Дой.

– До Транг хочет с тобой увидеться.

Дой привел меня в крошечную комнату, которую старик отгородил для себя в дальнем углу склада. По дороге дядюшка предупредил меня, что До Транг не может говорить.

– Он уже встречался с Сари и Тобо. Думаю, он и тебя любит.

– Мы с ним намерены пожениться в следующей жизни. Если гунниты не врут насчет переселения душ.

– Я готов отправиться в путь.

– Что?

– Пойти с тобой в рощу Предначертания.

– Вот что, если у тебя есть какие-то безумные идеи насчет похищения Ключа, лучше выбрось их из головы.

– Я согласился помочь тебе. И буду помогать. Я хочу вас сопровождать, чтобы не дать возможности Нарайяну нарушить слово. Это обманник, уважаемая Дрема. И еще я согласился отдать тебе Книгу Мертвых. Она лежит в тайнике, как раз по пути.

– Прекрасно. Присутствие Бледного Жезла будет успокаивать меня и нервировать моих врагов.

– Вот уж точно, – хихикнул Дой.

– Сюда мы уже не вернемся.

– Знаю. Я возьму с собой все, что хочу сохранить. Не нужно притворяться с До Трангом, он знает свою участь. Окажи ему честь, попрощайся достойно.

Я сделала больше – впервые в своей взрослой жизни расплакалась. На минуту положила голову старику на грудь, прошептала слова благодарности за дружбу и снова пообещала встретиться с ним в следующей жизни. Конечно, это мелкая ересь, но, надеюсь, Бог не следит за каждым моим шагом.

Бань поднял слабую руку и погладил меня по волосам. После чего я резко встала и ушла туда, где могла побыть наедине с моей печалью о человеке, который никогда не был мне слишком близок и тем не менее так сильно повлиял на мою

судьбу. Когда слезы перестали течь, я поняла, что уже никогда не стану прежней. И что это единственное наследие, которое До Транг хочет оставить после себя.

Самая большая проблема, с которой предстояло столкнуться в процессе эвакуации, – та самая, что возникала каждый раз, когда Отряд покидал насиженное место. Корни, которые нужно вырвать. Связи, которые предстоит обрубить. Люди, создавшие для себя какое-то подобие нормальной жизни, должны с ней расстаться.

Некоторые наверняка откажутся уходить.

Кое-кто из уходящих проболтается о том, куда держит путь.

Номинально в Отряде числилось чуть больше двухсот человек, из них треть вообще жили не в Таглиосе, а в разбросанных вокруг селениях. Оттуда они оказывали помощь своим неоседлым братьям. Очень похоже на практику обманников. А сложилась эта практика не сказать что случайно, недаром душилы веками искали способы выживания.

Наши посыльные заблаговременно сообщили кодовое слово всем братьям, проживающим за пределами города, а заодно предостерегли о близости тревожных времен. Никому не объяснили, что именно должно произойти, просто сказали, что грядут перемены, и серьезные. И теперь, услышав кодовое слово, братья поняли: началось.

Вскоре следом за гонцами отправится в путь и большинство остальных солдат, мелкими группами, чтобы не привлекать внимания, и в самой разнообразной маскировке. Покидающие столицу последними будут действовать с максимальной осторожностью. Всех уходящих поджидает череда проверочных и сборных пунктов, в каждом им сообщат лишь название следующей остановки. И очень хочется верить, что мы успеем убраться подальше от города, прежде чем спохватится Душелов.

Никто не принуждал и не наказывал решивших остаться – лишь бы они не изменили интересам Отряда. Городское подполье нам еще пригодится.

Это тоже напоминало тактику обманников, выручавшую их на протяжении веков.

Дымовые картинки будут и после нашего ухода возникать то там, то здесь. Основное предпочтение мы отдали демону Ниасси – он здорово охлаждал служебное рвение серых. Те, кто останется в городе, – я не знаю всех имен, ведь мне предстоит уйти одной из первых, – организуют беспорядки с драками, погромами и вандализмом. Позднее это будет выглядеть частью кампании террора, чей разгар придется на Друга Пави. Если Душелов клюнет на эту наживку, она потеряет немало времени, устраивая нам засады в городе.

Если же нет, даже каждый купленный такой ценой час позволит нам уйти чуть дальше, прежде чем Протектор сообразит, что мы снова сделали неожиданный ход. И даже тогда она не сразу найдет место, где мы скрывались столько лет.

Мой отряд первым покидал Таглиос. Мы отправились в путь тем самым утром, когда умер Бань До Транг. Со мной шли Нарайян Сингх, Плетеный Лебедь, Радиша Дра, матушка Гота, дядюшка Дой, Рекоход, Икбал Сингх с женой Сурувайей, двумя детьми постарше и грудной малышкой, и его брат Ранмаст. У нас было несколько коз, нагруженных всякой мелочью, в том числе корзинами с цыплятами, два осла, поочередно везшие Готу, и повозка. Ее тащил вол, которому мы постарались придать вид понурий и запущенный. Почти

все так или иначе замаскировались. Шадариты постригли волосы и бороды, вся семья облачилась в веднайтское платье. Я осталась веднайткой, но простилась с мужской одеждой. Зато Радиша, напротив, превратилась в мужчину. Дядюшка Дой и Плетеный Лебедь обрили головы и сделались монахами Бходи. Лебедь осмуглил свою кожу, но никакие ухищрения не повлияли на голубизну его глаз. Готе пришлось отказаться от моды нюень бао.

Нарайян Сингх изменений не претерпел, – в сущности, он и так был неотличим от тысяч других таглиосцев.

Смотрелись мы, конечно, странновато, но кого только не встретишь на пути? Попадались и более причудливые группы людей. К тому же все вместе мы сходились только на стоянках. По дороге наш караван растягивался почти на полмили – один из братьев Сингх двигался впереди, другой замыкал шествие, а Рекоход держался рядом со мной. У каждого из братьев Сингх было по устройству, изготовленному Гоблином и Одноглазым. Если Нарайян, Радиша или Лебедь достаточно далеко отклонятся от линии, соединяющей эти штуки, удушающее заклинание стянет нарушителю горло.

Никто из троицы об этом не знал. Считалось, что мы теперь друзья и союзники. Но друзья разные бывают – одним я доверяла больше, чем другим.

На Каменной дороге, проложенной Капитаном между Таглиосом и Джайкуром, мы вообще никому не попались на глаза. Однако такая уйма народу, да еще с младенцем, и во-

ловьей повозкой, и регулярными веднайтскими молениями, и черт знает чем еще, быстро передвигаться не может в принципе. Да и погода не благоприятствовала. Как же мне надоел проклятый дождь!

В последний раз я путешествовала по Каменной дороге на огромном черном жеребце, который даже без спешки за сутки покрыл расстояние между Таглиосом и Годжей на реке Майн.

Спустя четыре дня после выхода из города мы были все еще далеко от моста у Годжи – первого «бутылочного горла», где нас могла подкарауливать опасность. Зато дядюшка Дой сообщил, что мы приблизились к месту, где он спрятал копию Книги Мертвых. Меня это несколько не обрадовало.

– Проклятие! Я надеялась, что тайник гораздо дальше. Как мы объясним наличие книги, если нас остановят?

Дой показал мне ладони и широко улыбнулся:

– Я жрец. Проповедник. Вся ответственность на мне. – Несмотря на трудности, он был счастлив. – Пойдем, поможем достать ее.

Что это? – спросила я два часа спустя.

Место, где мы оказались, больше всего напоминало давние ночные кошмары Мургена с участием Кины. Оно было ограждено плотной живой изгородью протяженностью двадцать ярдов.

– Кладбище. Во времена хаоса, еще до прихода Черного

Отряда, а может, еще и до твоего рождения, одна из тенеземских армий стояла здесь лагерем, а потом хоронила павших. Эти деревья были посажены, чтобы скрыть могильные холмики и надгробия от вражеских глаз. – Заметив испуг на моем лице, он добавил: – У этих людей были свои погребальные ритуалы.

Это я знала. Мне даже случалось присутствовать при подобных обрядах. Но никогда еще я не ощущала такой плотной атмосферы печали.

– Мрачное местечко.

– Это из-за чар. Тенеземцы надеялись выиграть войну, вернуться и построить тут мемориал. А до тех пор, решили они, пусть люди держатся подальше отсюда.

– Ничего не имею против. У меня мурашки бегают.

– Не бойся, ничего плохого не случится. Пойдем. Это займет лишь несколько минут.

Так и произошло. Ну, разве что малость дольше. Пришлось открывать дверь одного из диковинных склепов и выкапывать вещь, завернутую в несколько слоев промасленной кожи.

– Это место стоит того, чтобы его запомнить, – сказал Дой, когда мы двинулись обратно. – Здешние жители его сторонятся, а нездешние вообще о нем не знают. Хорошее укрытие. Тебе понравится и роща Предначертания.

– Я была в роще Предначертания. Мне и там не понравилось, но в тот раз некогда было прислушиваться к ощущени-

ям.

– Еще одно хорошее укрытие.

По природе своей я не так подозрительна, как Душелов, но время от времени на меня находит. В особенности мне подозрительны подобные метаморфозы – когда скрытный старый нюень бао внезапно превращается в неумного болтуна и чуть ли не насильно предлагает помощь.

– Капитан однажды прятался там, – сказала я. – Ему это место не слишком понравилось. Что ты замышляешь?

– Замышляю? Не понял.

– Прекрасно понял, старик. Вчера я была всего лишь женгали, хотя и такая, с которой приходилось считаться. А сегодня ни с того ни с сего я получаю подарок. Вся накопленная десятилетиями мудрость оказывается в моем распоряжении, как будто я что-то вроде твоей ученицы... Хочешь, понесем это по очереди? – В конце концов, он старый человек.

– По мере того как жизнь ускоряла свой темп, накапливались проблемы и случались необычные, но чаще благоприятные события, я все больше думал о мудрых высказываниях Хонь Трэй, о ее проницательности, даже о ее дьявольском чувстве юмора. И кажется, наконец понял смысл ее пророчеств.

– В которых, возможно, не было ничего, кроме чепухи. Скажи все это Сари и Мургену при следующей встрече. И не забудь добавить чуть-чуть искренности, когда будешь оправдываться.

Моя нарочитая резкость не произвела на него никакого впечатления.

Днем снова зарядил дождь. Он начался раньше, был сильнее обычного и сопровождался свирепым градом. Вдоль всей дороги, укрываясь под деревьями, путешественники собирали градины, не дожидаясь, пока те растают. Таглиосцы никогда не видели снега, и только в сезон дождей они могут посмотреть на лед, если не забираться в далекий горный край за Данда-Прешем, который называют Тенеземьем.

Собирать градины – забава для молодых. Пожилые укрылись, как могли, под деревьями, вдобавок накинув на себя что-нибудь матерчатое. Наша малышка плакала не переставая, ее пугал гром. Ранмаст и Икбал одним глазом следили за детьми, а другим – за ближайшими путниками, оказавшимися поблизости. Они были убеждены, что кто-нибудь из встречных непременно окажется шпионом. Как по мне, абсолютно правильное допущение.

Рекоход рыскал вокруг, проклиная дождь. Я понимала и его.

Дядюшка Дой изо всех сил старался не привлекать внимания к своей ноше. Он расположился рядом с Готой, и та сразу принялась ворчать и жаловаться, но без обычного энтузиазма.

Я уселась возле Радиши. Вернее, возле Тайжик – так мы ее теперь называли. Я сказала:

– Ты уже догадываешься, почему твоему брату так нравилось все время путешествовать?

– Это что, сарказм?

– Не совсем. Вот скажи, что самого плохого с тобой было сегодня? Ноги промочила?

Радиша невнятно буркнула. Она меня поняла.

– Сдается, политика сидела у него в печенках. Что бы он ни затевал, всегда находились сотни эгоистов, которые ради собственной выгоды разрушали его мечту.

– Ты знала его? – спросила Радиша.

– Не слишком близко. Не настолько, чтобы вести с ним философские беседы. Но он не из тех, кто скрывает свои взгляды.

– Это ты о моем брате? Коли так, оставив двор, он изменился гораздо сильнее, чем я думала. Во дворце он ни перед кем не раскрывал душу. Слишком рискованно.

– Вдали от центра его власть была прочнее. Не нужно было считаться ни с кем, кроме Освободителя. Подданные любили своего князя и готовы были следовать за ним куда угодно. Что и закончилось для большинства из них гибелью, когда вы изменили свое отношение к Отряду.

– Он действительно жив? Или ты просто манипулируешь мной в своих интересах?

– Конечно, я манипулирую тобой. Но он жив, это правда. И все Плененные тоже. Вот почему мы покинули Таглиос, несмотря даже на то, что ты теперь у нас. Прежде всего и

больше всего мы хотим, чтобы наши братья обрели свободу.

Моих ушей коснулся шепот:

– Сестра, сестра...

– Что?

Радиша молчала, с любопытством поглядывая на меня.

– Это не я, – произнесла она чуть погодя.

Я в тревоге огляделась, но не увидела никого.

– Наверное, просто листва шуршит под дождем.

– Хм. – Радишу, конечно, мои слова не убедили.

Они и звучали неубедительно. Я почувствовала, как сильно мне недостает Одноглазого и Гоблина.

Я снова отыскала дядюшку Доя.

– Госпожа не раз говорила, что ты колдун, хотя и не очень сильный. Если у тебя есть хоть какой-то дар, соблаговоли им воспользоваться – нужно выяснить, нет ли слежки за нами.

Как только Душелов придет к выводу, что мы за пределами Таглиоса, ее вороны и Тени быстро нас найдут.

Дой лишь уклончиво хмыкнул в ответ.

По-настоящему страшно стало нам через день, в то утро, когда вроде были веские основания считать, что все идет как надо. Предыдущий день прошел спокойно, никаких ворон поблизости не наблюдалось. Все складывалось так, что мы могли бы достичь рожи Предначертания еще до завтрашнего дневного ливня и освободиться до полуночи. Такая перспектива радовала.

Внезапно на дороге к югу от нас появилась группа всадников. Они скакали в нашу сторону, и вскоре стало ясно, что

на них мундиры.

– Что будем делать? – спросил Рекоход.

– Просто надеяться, что они ищут не нас. Идем дальше.

Всадники не проявляли интереса к путешественникам, шедшим перед нами, хотя сгоняли всех с дороги. Они скакали не во весь опор, но и не прохлаждались.

Дядюшка Дой подошел к ослу, на котором в этот момент не ехала Гота. Ноша животного состояла из сложенной палатки, а в ней был спрятан Бледный Жезл. Несколько трубок с огненными шарами лежали там же, неотличимые от бамбуковых шестов для палатки.

Этого оружия у нас осталось совсем мало. И новые трубки не появятся до тех пор, пока мы не вытащим Госпожу из-под земли. Гоблин с Одноглазым не могут их мастерить, хотя в приватной обстановке Гоблин признался, что еще десять лет назад это было им по силам.

Оба уже слишком стары почти для всего, что требует гибкости мышления и, в особенности, физической сноровки. Похоже, туманный прожектор – их последний существенный вклад. Да и то вся немагическая часть этой конструкции изготовлена проворными руками юного Тобо.

Всадники были вооружены – я заметила отблеск полированной стали.

– Левее дороги, – сказала я Рекоходу. – Когда они будут здесь, мы все должны быть там.

Мое распоряжение запоздало. Идущий впереди Икбал

уже отпрыгнул вправо.

– Надеюсь, у него хватит ума перейти к нам, когда всадники проедут.

– Он не дурак, Дрема.

– И тем не менее он не с нами.

– С этим не поспоришь.

Вскоре стало ясно, что всадники были передовым дозором куда более крупного отряда, а тот, в свою очередь, – авангардом третьей территориальной дивизии таглиосской армии. Третья территориальная была личным войском главнокомандующего. Я поняла, что Бог решил свести нас с Могабой.

Интересно, что же за шуточка у Бога на уме? Впрочем, гадать бесполезно – Божьи замыслы ведомы лишь Ему самому. Мое дело маленькое: собрать всех слева от дороги. Но тут я вспомнила, что Могаба знает кое-кого из нас в лицо; и не только он сам, но и все солдаты, которые по возрасту могут быть ветеранами Кьяулунских войн и войн с Хозяевами Теней.

Мы, конечно, сильно изменились. И далеко не все встречались в свое время с главнокомандующим. Если не считать дядюшки Доя, матушки Готы, Плетеного Лебеда и... Проклятие! И Нарайяна Сингха! Нарайян был ближайшим союзником главнокомандующего перед последней войной с Хозяевами Теней. Эти двое не раз вместе вынашивали и осуществляли свои гнусные планы.

– Мне нужно изменить внешность.

– Что?

Рядом, напугав меня, возник тощий маленький обманник.

Если он способен вот так неслышно подкрадываться...

– Это же главнокомандующий Могаба, верно? И он может узнать меня, несмотря на то что прошли годы.

– Ты меня удивляешь, – призналась я.

– Я исполняю волю богини.

– Ну да...

Нет Бога, кроме Бога. И все же каждый день мне приходится иметь дело с богиней, чье воздействие на мою жизнь куда более ощутимо. Были времена, когда мне приходилось бороться с собой, чтобы выкинуть эти мысли из головы. В милости своей Он подобен земле.

– Как насчет переодеться и снять тюрбан?

И тут мне пришло в голову самое лучшее решение: ничего не делать. Как я уже отмечала, Нарайян Сингх выглядит как типичный бедный гуннит мужского пола. Могабе будет нелегко узнать его, даже если когда-то они были любовниками. Разве что Нарайян выдаст себя. Но с чего бы ему это делать? Ведь он не кто-нибудь, а главный обманник, живой святой этого культа.

– Стоит попробовать.

Сингх отошел, а я, охваченная вдруг подозрительностью, уставилась ему в спину. С чего это он так разволновался? Нарайян не может не знать, что в какой-то степени сама при-

рода обеспечила ему незаметность. Значит, он пытается направить мои мысли в нужное ему русло. И что же это за русло?

Жаль, что нельзя просто перерезать ему горло. Мне не нравится, когда манипулируют моим умом. Но придется терпеть. Нам нужен Ключ, а без Сингха до него не добраться. Даже дядюшка Дой крайне слабо представляет себе, что мы ищем. Он никогда не видел Ключа и даже о его существовании узнал лишь после того, как его украли. Я очень надеялась, что он, увидев штуковину, каким-то образом поймет: это именно то, за чем мы охотимся.

Надо бы мне подумать насчет серьезных гарантий для Нарайяна. Чтобы он отправился с нами добровольно, чтобы верил нам, а не боялся, что мы убьем Дщерь Ночи, когда он расстанется с ней.

Отряд проскакал мимо. Всадники не обратили на нас никакого внимания, поскольку мы сами убрались с их пути. В нескольких сотнях ярдов за ними шагал первый батальон пехотинцев, подтянутых, опрятных, внушительных, насколько позволяли походные условия. Проходя мимо, некоторые выкрикивали мне непристойные предложения, но большинству солдат мы были неинтересны. Третья территориальная славилась дисциплиной и профессионализмом, в полном соответствии с характером и волей Могабы, – ничего похожего на оборванных отщепенцев, из которых состоял Черный Отряд.

С военной точки зрения мы были просто нулем. Нас осталось так мало, что ни о каких сражениях с войском вроде третьей территориальной дивизии не могло быть и речи. Как же огорчится Костоправ, когда мы вытащим его на свет божий.

Мой оптимизм пошел на убыль. Дорогу заняли солдаты, и наше продвижение неизбежно замедлится. Судя по дорожным вехам, до роши Предначертания осталось совсем немного – но все же это несколько часов пути. С повозкой и ослиами по топкой обочине путешествовать несподручно.

Я уже оглядывалась в поисках укрытия от дождя, хотя, насколько помнилось по прошлым временам, здесь с этим было непросто. Не помог и дядюшка Дою, когда я обратилась к нему. Он сказал:

– Роша Предначертания – единственное серьезное укрытие в этих краях.

– Нужно послать кого-нибудь на разведку.

– Есть причина для беспокойства?

– Мы имеем дело с обманниками.

Я промолчала о том, что наша встреча с Недоноском и его командой, вернувшись из Семхи, должна произойти именно там. Дою совсем не обязательно это знать. Да и Недоносок может опоздать, если будет вынужден уворачиваться от дивизии и ее разъездов.

– Могу я пойти. Мое отсутствие ни у кого не вызовет интереса.

– Прихвати Лебеда, а то он не упустит возможности нас выдать.

С Радишей тоже риск немалый, хотя до сих пор она не поднимала крик, не звала на помощь. Рекоход постоянно держится рядом, – заметив, что княжна набрала воздуха в легкие, успеет схватить за горло.

Радиша далеко не глупа. Если и намерена выдать нас, то решится лишь в том случае, если у нее будет шанс уцелеть.

Никто не заметил, как исчезли Дой и Лебедь. Дядюшка не взял Бледный Жезл. Я подошла к Рекоходу и Радише.

– Эти места изменились к лучшему, – заметила я.

В моей юности территория между Таглиосом и Годжей пребывала в запустении. Селения были малы и бедны, выживали лишь благодаря крошечным полоскам обработанной земли. В те дни тут не было самодостаточных ферм. Теперь же, напротив, они виднелись повсюду. Их основали уверенные в себе, независимо мыслящие ветераны или беженцы из тех мест, где земля пришла в негодность, пока лежала под пятой Хозяев Теней. Новые хутора тянулись вдоль дороги сразу за полосой отчуждения. Кое-где они даже мешали сойти с тракта.

Солдат, направляющихся на север, было примерно десять тысяч, не считая обоза, который следовал позади. Вполне достаточно, чтобы занять многие мили дороги. Вскоре я поняла: нам не попасть в рощу Предначертания не только до дождя, но, может быть, и до наступления сумерек.

Будь у меня выбор, я держалась бы подальше от этого места. Я уже побывала там ночью, много лет назад участвовала в рейде Отряда – мы пытались захватить Нарайяна и Дщерь Ночи. Перебили тогда всех, кто был с ними, но эти двое улизнули. Мне запомнились только страх и холод и отвратительное ощущение, как будто роцца имела собственную душу, даже более чуждую нам, людям, чем душа паука. Мурген как-то сказал, что находиться там ночью так же скверно, как блуждать в кошмарном сне Кины. Находясь в нашем мире, роцца источала совершенно чуждый тлетворный дух.

Я попыталась расспросить Нарайяна. С чего вдруг его предшественники именно это место сделали своим святилищем? Как этот лес отличали от других в те времена, когда следов человеческой деятельности на лике земли было куда меньше?

– Почему ты спрашиваешь об этом, летописец? – Мой интерес показался Сингху подозрительным.

– Потому что я по натуре любопытна. Разве тебе никогда не хотелось узнать происхождение тех или иных вещей, мотивацию тех или иных поступков?

– Я служу богине.

Я молчала, выжидая. Без толку. Очевидно, он полагал, что этим все сказано. Будучи сама не чужда религиозности, я могла его понять, хотя ответ меня не удовлетворил.

Я раздраженно фыркнула, Нарайян самодовольно улыбнулся.

– Она реальна, – сказал он.

– Она есть Тьма.

– Каждый день ты видишь кругом плоды ее труда.

Ну конечно.

– Это неправда, коротышка. Другое дело, если твоя богиня однажды обретет свободу. Вот тогда мы и впрямь их увидим. – Внезапно тема стала мне крайне неприятна. Втянувшись в нее, я как будто признала факт существования другого бога, не моего, что, как утверждает моя религия, невозможно. – Нет бога, кроме Бога.

Нарайян ухмыльнулся.

Могаба в свое время сделал для меня одно-единственное доброе дело. Предоставив самой себе, он дал мне возможность заняться суровой, тяжелой умственной гимнастикой, которая помогла мне переосмыслить роль Кины. Оказавшись оборотнем, он избавил меня от необходимости ломать голову над парадоксом: как может Кина, это чудовище, быть низвергнутым в бездну ангелом? А ведь не исключено, что это правда. Многие элементы мифа о Кине можно втиснуть в догматы единственной истинной религии, лишь самую малость очернив это существо. Мне ли этого не знать? Я ведь в детстве с блеском прошла курс религиозной схоластики, учителя мною гордились.

Сам Могаба со своим штабом двигался в четверти длины колонны от ее конца. И вот же диво – он ехал верхом. Прежде главнокомандующий никогда не садился на коня.

Еще пуще, однако, меня удивил его скакун. Это был черный жеребец колдовской породы, из тех, которых Отряд привел с севера. Вот уж не чаяла увидеть такого живым. После Кьяулунских войн они как в воду канули. А этот не только цел и невредим, но и выглядит прекрасно. Идет с таким видом, будто поход нагоняет на него скуку, и это в его-то возрасте.

– Не стой разинув рот, – одернул меня Рекоход. – У людей просыпается любопытство, если они вызывают любопытство у других.

– Думаю, ничего страшного не случится, если мы немного поглазеем. Могаба наверняка считает, что заслуживает этого.

Могаба от макушки до пят был главнокомандующим и могучим воином. Высокий, отменно сложенный, с богатырской мускулатурой, прекрасно одетый, на холеном коне. Но проседь в волосах выдавала его возраст, и этот человек выглядел гораздо старше, чем при нашей первой встрече, случившейся сразу после того, как Отряд отбил Джайкур у Грозотени. Тогда Могаба предпочитал брить голову. Похоже, сейчас он пребывал в хорошем настроении, что было совершенно не свойственно ему в прошлые времена. Потому что Капитан, точно шмель, шустрил вокруг и сводил на нет все его усилия.

Когда главнокомандующий поравнялся с нами, его конь испуганно фыркнул и тряхнул головой, а затем чуть отпрянул, будто наткнувшись на змею. Могаба выругался, хотя он

нисколько не рисковал свалиться.

Небеса разразились смехом. А миг спустя с них спикировала белая ворона и ловко уселась на верхний торец шеста, который нес личный знаменосец главнокомандующего.

Не прекращая ругаться, Могаба упустил из виду, что конь повернул голову в мою сторону.

Да еще и подмигнул, чертова скотина!

Наверное, это тот самый, на котором я много лет назад проскакала не одну сотню миль.

Я занервничала.

Кто-то из телохранителей Могабы выстрелил в ворону и промахнулся. Стрела упала неподалеку от Ранмаста, который не удержался от сердитого возгласа. Главнокомандующий отругал стрелка на все корки, выместив на нем злость.

Конь продолжал пялиться на меня. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не броситься наутек. Может, все еще обойдется...

Белая ворона что-то прокаркала. Не исключено, что слова, но мои уши ничего не разобрали. Конь Могабы слегка вздыбился, вызвав новый поток брани, и пустился рысью.

На нас больше не обращали внимания. Все, кроме Сурувайи, жены Икбала, уткнулись взглядом в землю и прибавили шагу. Я потихоньку подобралась к Лебедю. Он до того разволновался, что даже заикаться начал. Но все же выдал шуточку насчет птиц, решивших свить гнездо на голове у главнокомандующего, хотя тот еще не памятник.

Над головой снова раздался смех. Ворона в далекой выси была почти неразличима на фоне сгустившихся облаков. Она все сильнее интересовала и беспокоила меня – жаль, что нет рядом никого, способного просветить меня насчет этой твари.

Уже не одно десятилетие появление ворон воспринимается в Отряде как дурное предзнаменование. Но конкретно эта птица, похоже, неплохо относится к нам.

Может, это и впрямь Мурген из другого времени?

Мурген, конечно, взялся бы охранять нас, но он наверняка даже в облике вороны нашел бы способ разговаривать с нами. Возможно, он пытается...

Если я права, то наша встреча с Могабой могла закончиться плохо и для Мургена. Его шансы на воскрешение сведутся к нулю, попадись мы в руки нашему давнему недругу.

Встреча с главнокомандующим задержала нас, и мы не смогли незамеченными отдалиться от дороги, прежде чем хлынул ливень. Зато он оказался настолько силен, что на нас уже никто не обращал внимания, кроме тех, кто находился совсем рядом. Мы сбились в жалкую кучку. Я вообще-то не щедра на сочувствие, но тут вдруг поняла, что жалею ребятшек Икбала.

– Сингх получит преимущество, если мы доберемся туда уже в темноте, – заметил Лебедь.

– Тьма приходит всегда.

– Чего?

– Афоризм обманников. Ночь – это их время. И Тьма приходит всегда.

– Ты, похоже, не слишком обеспокоена.

Я едва слышала его, очень уж шумел дождь.

– Вовсе нет, друг мой. Я уже бывала здесь. Местечко не из тех, что называют райскими уголками.

Роща Предначертания была сердцем Тьмы, благодатной почвой для безнадежности и отчаяния. Дыхание Тьмы разъедало душу любого, кто не был ее приверженцем. Те же, кто выбрал его своим святилищем, всегда чувствовали себя здесь прекрасно.

– Нет хороших или плохих мест, все они просто такие, какими их создала природа. Это люди бывают добрыми или злыми.

– Окажешься там – по-другому запоешь.

– Как бы мне прежде не потонуть. Может, укроемся наконец?

– Если найдешь крышу, я буду только счастлива.

Небо прорезала вспышка, оглушительно загрохотал гром. Вскоре и град посыплется, это как пить дать. Эх, мне бы шляпу пошире и попрочнее. Вроде тех, плетенных из бамбука, в которых нюень бао трудятся на рисовых чеках.

Мне едва удавалось различить Рекохода и Радишу. Не оставалось ничего другого, как следовать за ними – в надеж-

де, что они сами следуют за кем-то, кого различают. И еще я очень надеялась, что никто у нас не собьется с пути и не потеряется, особенно с наступлением темноты. И что вернувшиеся из Семхи ребята окажутся там, где должны быть.

Когда посыпались градины, из мрака вынырнул Икбал. Он пригибался, сиюсь уклониться от жгучих ледышек. Я делала то же самое, но почти безуспешно.

Икбал прокричал:

– Налево, вниз по склону! Там купа вечнозеленых деревьев. Лучше, чем ничего.

Мы с Лебедем ринулись в указанном направлении. Градины падали все гуще, по мере того как молнии сверкали все ближе и гром грохотал все громче. Но хоть воздух освежел.

У всего есть своя хорошая сторона.

Я поскользнулась, упала, покатилась и... оказалась среди деревьев. Там уже были дядюшка Дой и Гота, Рекоход и Радиша. Икбал у нас известный оптимист – я бы не решилась назвать это деревьями. Разве что кустами, которые были о себе слишком высокого мнения. Ни одно растение не достигало даже десяти футов, и, чтобы воспользоваться спасительной сенью, нужно было распластаться на мокрых иголках. Но ветки не защищали от градин, которые с шумом проскальзывали между ними. Едва успев спросить, что с нашим скотом, я услышала бляение коз.

И даже малость засовестилась. Не испытывая особой любви к животным, я увиливала от участия в уходе за ними.

Градины не только проскакивали к нам сквозь ветви, но и закатывались извне. Лебедь подобрал особенно большую, показал мне, усмехнулся и закинул в рот.

– Вот это жизнь, – сказала я. – Только свяжись с Черным Отрядом, и каждый день будет полон райского наслаждения.

– Великолепный способ вербовки, – согласился Лебедь.

Как это обычно бывает, вскоре буря стремительно умчалась прочь. Мы выползли из-под кустов, сосчитали головы и обнаружили, что даже Нарайян Сингх никуда не делся. Живой святой душил не хотел потерять нас. Очень уж нужна была ему Книга Мертвых.

От дождя, только что лившего как из ведра, осталась лишь морось. Каждый, пока приводил себя в порядок, недобрым словом поминал того бога, которого предпочитал. Теперь мы старались держаться вместе, за исключением дядюшки Доя, который ухитрился раствориться на местности, абсолютно к этому не располагавшей.

За следующий час мы миновали несколько дорожных вех, которые я узнала по Анналам Мургена и Костоправа. Я все время шарила взглядом по сторонам, надеясь, что появятся Недоносок и его товарищи. Но их не было. Я очень надеялась, что это хороший знак, не дурной.

Мои страхи оправдались – в другом отношении. Мы добрались до роши Предначертания в сумерках. Все были измучены, выглядели жалко; малышка плакала не переставая; я натерла мокрой обувью волдырь. За исключением, возмож-

но, Нарайяна все и думать забыли о том, зачем притащились сюда. Жаждали одного – расположиться на отдых. Авось кто-нибудь разведет костер, чтобы обсушиться и поесть.

Нарайян уговаривал двигаться дальше, к храму обманников, который находился в самом центре рощи.

– Там сухо, – пообещал он.

Его предложение не вызвало энтузиазма. Хотя мы едва пересекли опушку, запах рощи Предначертания нахлынул на нас со всех сторон. И был он не из приятных. Как же тут воляло в счастливые для обманников годы, когда они устраивали частые и массовые жертвоприношения?

Роща сильно воздействовала на психику, вызывала ощущение сверхъестественности, наводила страх. Гунниты винили в этом Кину, потому что сюда упал один из кусков ее расчлененного тела. Их несколько не смущал тот факт, что одновременно Кина спала очарованным сном где-то на плато Блистающих Камней или под ним. В отличие от нас, веднаитов, или нюень бао гунниты не верят в привидений. Я же была уверена, что в роще Предначертания мыкаются души всех, кто погиб здесь ради удовольствия Кины, или во славу ее, или ради чего там еще душилы убивают людей.

Если бы я только заикнулась об этом, Нарайян, а уж тем более кто-нибудь из посвященных гуннитов, тотчас заговорил бы о ракшасах, этих злобных демонах, ночных хищниках, одинаково ненавидящих и людей, и богов. Ракшас может прикинуться чьим угодно призраком – просто ради того,

чтобы мучить живых.

– Нравится нам это или нет, но Нарайян прав, – заявил дядюшка Дой. – Здесь негде укрыться. Что касается безопасности, то с этим тут не лучше, чем там. Зато в храме мы отдохнем от этого мерзкого дождя.

Дождь и впрямь никак не унимался.

Я насторожилась. Казалось бы, утомленный старик должен больше молодых желать отдыха. Значит, у него есть причина желать продолжения трудного пути. Он наверняка что-то знает.

Дой всегда что-то знает. Другое дело, что добиться от него объяснения – задача почти невыполнимая.

Я здесь за старшего. Пора принимать непопулярное решение.

– Идем дальше.

Ропот, ворчание, жалобы.

Храм был задуман как величественное сооружение, обладающее очень мощным воздействием – даже по сравнению с окружающей его рощей Предначертания. Еще не видя его, можно было понять, в каком направлении он находится. Лебедь, который шел позади меня, спросил:

– Интересно, почему вы не снесли его, когда были в силе?

Я не поняла вопроса. Зато Нарайян, шедший впереди, услышал и понял.

– Они сносили. И не раз. Мы восстанавливали его, когда никто не видел.

Он разразился бессвязной и напыщенной речью о том, как его богиня охраняла строителей. Словно затеял завербовать нас в свою секту. И не унялся бы, если бы Ранмаст не огрел его бамбуковой палкой.

Это была одна из тех самых трубок, о чем Нарайян не знал. В роще Предначертания очень темно – отличное место для Теней, чтобы устраивать засады. Ранмаст не собирался играть с ними в поддавки.

Я не могла не гадать с тревогой о том, какое зло замышляет теперь Душелов, полностью подчинившая себе Таглиос. Надеюсь, что наши люди, оставшиеся в городе, несмотря на все сложности, выполняют свои задачи. Особенно те, кто должен снова проникнуть во дворец. Им предстоит завербовать Джауля Барунданди и поглубже втянуть его в наши дела, чтобы не успел сбежать, прежде чем обида на Душелов из-за смерти жены сменится трезвым пониманием своего положения.

Малышка по-прежнему плакала, уткнувшись в материнскую грудь, но не потому, что хотела есть. Конечно, это не могло не тревожить. Недоброжелателям не составит никакого труда обнаружить нас. Мы даже не услышим, если кто-то подкрадется, – из-за этого плача и непрерывного шуршания капель в мокрой листве. Рекоход и наши отрядные Сингхи не убирали рук с оружия. Дядюшка Дой достал Бледный Жезл, несмотря на то что меч мог заржаветь.

Животные нервничали не меньше ребенка. Козы блеяли

и еле волочили ноги. Ослы, по своему обыкновению, упирались, но матушка Гота, знавшая несколько трюков, заставляла упрямецв идти вперед. В общем, сплошные мучения.

Да еще этот проклятый дождь.

Впереди шествовал Нарайян Сингх. Он знал дорогу. Он был дома.

Перед нами возникли устрашающие очертания храма – я не видела, я просто чувствовала. Нарайян заторопился. Разбрасывая мокрые листья, его сандалии издавали звук, похожий на шепот. Я постоянно напрягала слух, но не улавливала ничего нового, пока Плетеный Лебедь не забормотал под нос, жалуясь на судьбу. Будь он поумнее, сидел бы сейчас дома у камина и слушал, как плачут не чужие дети, а его собственные внуки. Вместо этого вынужден терпеть муки мученические в очередном поиске неведомо чего. А чем все кончится? В лучшем случае он проживет чуть дольше, чем те, кто втянул его в эту авантюру.

– Дрема, тебе не приходит в голову, что, может быть, имеет смысл не мешать маленькому засранцу?

Где-то закричала сова.

– Кому? И почему?

– Нарайяну. Пусть придет Год Черепов. Мы сможем наконец сесть и отдохнуть, и не нужно будет таскаться под дождем по уши в дерьме.

– Нет.

Опять заголосила сова. Казалось, она чем-то недовольна.

В ответ, точно насмехаясь, закаркала ворона.

– Но разве не это было первоначальной целью Отряда? Сделать так, чтобы наступил конец света?

– Должно быть, главари стремились именно к этому. Но не те парни, чьими руками они хотели все проделать. Солдат наверняка использовали втемную. Они вступили в Отряд, потому что так было лучше, чем оставаться дома.

– Это мне очень даже понятно. Некоторые вещи не меняются. Осторожно! Осаленное свиное дерьмо не такое скользкое, как эти ступени.

Он тоже слышал, как перекликаются птицы.

Несмотря на дождь, козы и ослы отказывались приближаться к капищу обманников. По крайней мере до тех пор, пока внутри не затеплился огонек. Горела единственная плохонькая масляная лампа, но по сравнению с окружающей тьмой ее свет казался ослепительным.

– Нарайян знает, где искать? – спросил Лебедь.

– Я за ним слежу. Ни на миг глаз не спускаю.

От обманника следует ждать любых сюрпризов.

По правде говоря, я рассчитывала на дядюшку Доя. Его не проведешь, он ведь и сам старый пройдоха. А я, начальница над пройдохами, должна разрабатывать изощренные планы и затем описывать ход их реализации.

Когда я подошла к двери храма, какая-то тварь пролетела над головой. Сова? Или ворона? Я недостаточно быстро обернулась, чтобы разглядеть.

– Ранмаст, Икбал, охраняйте нас, пока я тут все как следует не проверю, – сказала я. – Дой, Лебедь, пошли со мной. Вы больше других знаете об этом месте.

Внизу перед лестницей Рекоход и Гота грязно ругались, пытаясь справиться с козами. Сыновья Икбала уже уснули прямо на ступеньках, и дождь не был для них помехой.

Я попыталась войти в храм, но Нарайян преградил мне путь.

– Нельзя, пока я не проведу очищающий обряд. Иначе вы оскверните святое место.

Для меня это было вовсе не святое место. Да и как я могу его осквернить? Ладно, пусть душа потешится. Когда-нибудь это капище и впрямь будет разнесено по камешку, и уже никто не сможет его восстановить. А пока я должна ладить с Нарайяном.

– Дой, не спускай с него глаз. И ты, Ранмаст.

Если обманник попытается ловчить, его испепелит огненный шар.

– Мы же договорились, – напомнил Нарайян.

Он казался обеспокоенным. И не из-за меня. Озирался, будто искал что-то и не находил.

– Ты, главное, сам не забывай об этом, недомерок.

Я вышла наружу, под дождь, который успел превратиться в тяжелый мокрый туман.

– Дрема, – прошептал Икбал, стоявший на нижней ступени лестницы, – смотри, что я нашел.

Я едва расслышала. Малышка по-прежнему капризничала. Измученная Сурувайя баюкала ее, мурлыча колыбельную. Она и сама-то была почти девочка, но очень смышленная и красивая. Трудно понять, как можно быть счастливой при такой-то жизни. Но Сурувайе, казалось, важно было лишь одно: находиться рядом с Икбалом, куда бы ни занесла его судьба.

Легкий ветерок шевелил ветки рощи Предначертания.

– Что?

Мне, конечно, ничего не было видно сверху. Я спустилась по ступенькам храма в сырую, зябкую тьму.

– Вот. – Он сунул что-то мне в руки.

Куски ткани. Очень хорошей ткани, вроде шелка, шесть или семь кусков, каждый весом в один корнер.

Я улыбнулась в лицо ночи. И рассмеялась. Моя пошатнувшаяся вера в Бога окрепла. Эта дьяволица Кина снова предала своих детей. Недоносок добрался до рощи Предначертания вовремя. Недоносок оказался изворотливей обманников. Недоносок сделал свое дело. Сейчас он где-то неподалеку, прикрывает нас и готовит Нарайяну еще один ужасный сюрприз. Я чувствовала себя гораздо увереннее, когда вошла в храм и крикнула:

– Шевели тощей задницей, Сингх! Снаружи мерзнут женщины и дети.

Не повезло живому святому. Что бы он ни искал под предлогом неосквернения своего храма присутствием неверую-

щих, этого здесь не было.

Как же хотелось швырнуть ему в физиономию румелы, которые нашел Икбал! Но я удержалась. Такой поступок лишь разозлил бы душу, побуждая отказаться от соглашения с нами. Вместо этого я произнесла:

– У тебя было достаточно времени, чтобы очистить от скверны не только храм, но и весь проклятуший лес. Забыл, как плохо снаружи?

– Тебе нужно выпестовать терпение, летописец. Очень полезное качество и для вашей, и для нашей деятельности.

Я снова удержалась и не напомнила старому негодяю, что мы проявили по отношению к нему просто ангельское терпение. На миг Нарайян дал выход раздражению и швырнул что-то на пол. Нельзя сказать, чтобы он совсем не держал себя в руках. Однако я впервые видела его таким – не уверенным в том, что управляет ситуацией. Приглашающе махнув мне рукой, он забормотал. Наверное, тщетно взывал к своей богине.

Этот восстановленный храм нельзя было назвать даже тенью того, что видели когда-то Костоправ и Госпожа. Теперь идол был деревянный, не выше пяти футов и неотшлифованный. Лежащие перед ним скудные требы давно засохли. И вроде даже храм утратил зловещую атмосферу места, где было принесено в жертву множество жизней. Да, не очень веселые времена настали для обманников.

Нарайян упорно продолжал искать. У меня не хватило ду-

ха разбить ему сердце, сообщив, что друзья, которых он рассчитывал тут встретить, столкнулись с друзьями, которых надеялась встретить я. Любые взаимоотношения складываются лучше, если остается некоторый элемент недоговоренности.

– Покажи, где нам можно расположиться, а где нельзя, и я постараюсь учесть твои пожелания.

Нарайян вытаращился на меня так, словно я внезапно отрастила лишнюю голову.

– Я вот о чем думаю. Мы ведь собираемся какое-то время действовать сообща. Для всех будет легче, если мы постараемся уважать обычаи и мировоззрение друг друга.

Нарайян сдался. Он начал объяснять, где дозволительно развести огонь и разместиться людям. Храм внутри не восхищал размерами, свободного места в нем было немного.

За всю беседу Сингх ни разу не повернулся ко мне спиной.

– Здорово ты его напугала, – сказал мне Рекоход. – Он так и просидит всю ночь у стенки, силясь не заснуть.

– Надеюсь, мой храп ему в этом поможет. Икбал, опомнись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.